

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований
им. В.И. Абаева ВЦ РАН и Правительства РСО-Алания

ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ

**ВОСПОМИНАНИЯ ОСЕТИНСКОГО
ЭМИГРАНТА**

Часть II

МОЯ ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ

Владикавказ 2015

ББК 83.3(2Рос=Осет)

Ч 75

*Печатается по решению Учёного совета
СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А*

**Кубатиев Темирболат. Воспоминания осетинского эмигранта.
Ч. II. Моя жизнь в Турции / Пер., предисл., примеч. Г.В. Чочиев. –
Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015. – 165 с.**

ISBN 978-5-91480-235-3

Перевод с турецкого языка,
предисловие и примечания **Г.В. Чочиева**

Вторая часть мемуаров Темирболата Кубатиева посвящена его жизни в эмиграции в Турции. Описанный в книге непростой процесс адаптации автора к условиям его новой родины и наблюдения и свидетельства о положении представителей осетинской диаспоры в этой стране представляют несомненный интерес для специалистов и широкого круга читателей.

ББК 83.3(2Рос=Осет)

ISBN 978-5-91480-235-3

© ИПЦ СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.....	5
ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ. МОЯ ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ.....	7
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.....	162
УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ	165

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

Предлагаемые в этой книге вниманию читателя воспоминания Темирболата Кубатиева (1896-1985) о его жизни в эмиграции продолжают ранее подготовленную нами к печати кавказскую часть мемуаров¹. Данный текст охватывает период от прибытия автора в Турцию в самом конце 1922 года до завершения им работы над своим сочинением в начале 1980 года. Как и предыдущий раздел этой публикации, турецкие воспоминания Т. Кубатиева нацелены в первую очередь на предельно точное и подробное изложение фактов и событий его персональной судьбы. Благодаря этому они представляют собой весьма любопытный отчет о частном случае адаптации и ресоциализации традиционного осетина знатного происхождения в совершенно новых для него условиях его второй родины, которая в этот период сама переживала сложный и болезненный процесс превращения из феодально-клерикальной полиэтничной империи в современное национальное государство. Более того, карсский регион, в котором первоначально поселились автор и его спутники, лишь в 1921 году был окончательно возвращен под юрисдикцию Турции после более чем сорокалетнего нахождения в составе Российской империи, а затем дашнакской Армении. Расположенные здесь, а именно в округе Сарыкамыш, осетинские села Бозат, Хамамлы и Верхний Сарыкамыш, основанные еще переселенцами-мухаджирами середины XIX века, в годы Первой мировой войны пришли в упадок, поскольку значительная часть их жителей бежала от боевых действий на свою историческую родину, в Осетию, а оставшиеся были втянуты в изнурительное противоборство между местными мусульманскими и армянскими силами. В 1922 году в соответствии со специальной советско-турецкой договоренностью об обмене населением подавляющее большинство упомянутых беженцев вернулось в покинутые ими села, чтобы начать налаживать в них мирную жизнь уже в качестве граждан вновь образованной Турецкой Республики. Вместе с ними в Сарыкамыш из Осетии нелегально прибыло и некоторое число оппозиционно настроенных к советской власти элементов, к которым принадлежала и семья Т. Кубатиева. В этот период в округе появилось еще одно осетинское село – Селим, – ранее населенное русскими сектантами-молоканами.

¹ Кубатиев Т. Воспоминания осетинского эмигранта. Часть I. Моя жизнь на Кавказе. Перевод с турецкого языка, предисловие, примечания Г. В. Чочиева. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2014.

Несмотря на то, что автор, судя по его рассказу, прожил в этом этническом микроанклаве всего около года, его свидетельства о местных реалиях (занимающие добрую четверть книги) могут представлять немалую ценность как во многом уникальный источник по истории и культуре сарыкамышской общины осетин. Остальная часть повествования посвящена описанию жизни мемуариста в городах – прежде всего в Эрзуруме, а также Анкаре, Стамбуле и Элязыге. Будучи представителем одной из наиболее ранних волн урбанизации турецких осетин, Т. Кубатиев отразил в своем труде немаловажные детали, касающиеся его соотечественников (осетин, дагестанцев, адыгов и др.), обосновавшихся в крупных городских центрах страны задолго до начала массового исхода северокавказской диаспоры из сельской местности в последней четверти XX века. Также следует отметить, что ряд наблюдений автора содержит небезынтересные штрихи, характеризующие состояние турецкого общества в целом в эпоху кемалистских преобразований 1920-х – 1930-х годов и в последующие десятилетия.

Как и в первой части перевода мемуаров, мы для удобства читателя приводим все осетинские фамильные имена в их «канонических» русских вариантах независимо от того, в каком виде – осетинском, русифицированном или туркизированной – они представлены в оригинальном тексте (при этом, безусловно, необходимо иметь в виду, что подавляющее большинство турецких осетин никогда их официально в данной форме не носило). Авторские версии написания этих фамилий даются в примечаниях. Для нескольких упомянутых в мемуарах личностей автор указывает в скобках их официальные турецкие фамилии (то есть в основном искусственно созданные фамильные имена, закрепленные за жителями страны по закону о фамилиях 1934 года), которые в переводе, естественно, сохранены. Что касается арабских, персидских и тюркских личных имен граждан Турции кавказской и иной этнической принадлежности, они оставлены нами без изменений, то есть, как правило, в их турецких разновидностях вместе с сопутствующими титулами и формами обращения при их наличии.

Перевод осуществлен с незначительными сокращениями.

Георгий Чочиев

ТЕМИРБОЛАТ КУБАТИЕВ
МОЯ ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ

В Кызылчакчаке¹, куда мы прибыли после пересечения границы, было очень холодно. Кругом лежал снег. По приказу турецких офицеров солдаты занесли в наши вагоны кто дрова и керосин, кто хлеб. Отъехав оттуда, мы после полуночи добрались до Карса. Когда поезд остановился на станции, я крепко спал. Между тем, оказывается, мой двоюродный брат² Узун-Бекир Кубатиев³ и несколько его товарищей, узнав о прибытии переселенцев, пришли нас встречать и ждали на этом холоде. Переселенцы вышли на перрон и начали обниматься с Бекир-беем. Я же, ничего не ведая, продолжал спать. Наконец, ко мне подошел мой зять Хаджимуса и разбудил меня:

– Эй, хватит дремать! Твои родственники пришли тебя встречать.

– Кто такие? – спросил я спросонья.

– Взгляни сам, – ответил Хаджимуса, указывая на Бекира и его спутников.

Бекира я знал еще с довоенных времен, когда он приезжал на родину повидать родных.

Я вышел из вагона. Вокруг Бекира уже собралась толпа наших земляков. Каждый старался протиснуться к нему, чтобы обняться и обменяться приветствиями. Немного потоптавшись у вагона в утренних сумерках, я громко произнес:

– Да что это такое?! Дайте и мне дорогу! Я тоже хочу увидеть своего старшего брата.

– Кто это? – удивился Бекир.

– Темирболат, – ответили ему.

Я подошел. Он узнал меня, и мы обнялись. Рядом с Бекиром находился некий Ахмед Баллаев⁴. Как выяснилось, это был дежурный человек. Он привез на телеге два ящика сахара и много хлеба и раздал все это по вагонам. Сам же Бекир-бей был тогда

¹ Кызылчакчак (ныне Акъяка) – железнодорожная станция на турецкой стороне бывшей советско-турецкой границы.

² Дословно: «сын дяди по отцу».

³ В оригинале: Kubat. Узун – в переводе с турецкого «длинный».

⁴ В оригинале: Ballatey.

членом исполнительного совета Карсского вилайета¹. Он сообщил нам радостную весть:

– Дома для вас готовы. Молокане², жившие в Селиме, уехали в Россию, и это село предназначено теперь для переселенцев. Мы расселим вас там. Каждый получит молоканский дом с хлебом, баней, земельным участком и всем необходимым. Завтра этот же поезд довезет вас до Селима. Подъедем туда и мы, чтобы помочь в размещении.

Ту ночь мы провели на станции в Карсе, а наутро снова двинулись в путь. Поезд остановился на селимской станции. Напротив хорошо было видно вытянувшееся на равнине примерно на пять километров село с расположенными в ряд по обе стороны шоссе дорогами домами, находившимися на довольно приличном расстоянии друг от друга. За селом протекала большая река. Было очень красиво, и мои спутники не скрывали своей радости. Собственно, это село я видел еще во время мировой войны, в 1915 году. Тогда там проживали молокане, и оно было чистым и ухоженным. Во дворе каждого дома со стороны шоссе был разбит цветник, а в самих дворах вырыты колодцы с водой. Полей и лугов кругом было достаточно.

Некоторые из переселенцев привезли с собой лошадой и телеги. Немедленно выгнав из вагонов лошадей, они отправились занимать дома в село. До него было километров шесть-семь. Оттуда к нам тоже были высланы телеги. Как оказалось, незадолго до нас здесь поселили теркеменцев-карапапахов³, прибывших из-под Тифлиса. Их разместили в нижней части села, верхняя же была отведена нам. В селе находились глава местной администрации и жандармы, которые и послали навстречу нам тех из карапапахов, у кого имелись вола и телеги. Наш зять тоже

¹ Вилайет (губерния, провинция) – крупная административная единица в Турции, управляемая губернатором (вали).

² Молокане – русская православная секта. Ее представители составляли около 5% населения Карсской области в период нахождения последней в составе Российской империи.

³ Карапапахы, или теркеменцы (тур. *терекеме*) – этнографическая группа азербайджанцев, проживающая в Азербайджане, Грузии, Турции и Иране.

отправился в село и разыскал там своего двоюродного брата¹ Керим-бея Хосонова², который недавно покинул свое собственное село Бозат, перебрался вместе с семьей в Селим и занял там молоканский дом. Вскоре зять вернулся на воловьей повозке с каким-то карапахским юношей.

– Погрузи свои вещи на эту повозку и езжай в село, – сказал он мне. – Этот парень знает дом Керима. Пока остановимся у него. Разгрузишь повозку и отправишь ее обратно сюда. Может быть, к тому времени я раздобуду еще одну, и мы тоже скоро подъедем.

Грузить на телегу мне особенно было нечего. Мои продукты съели еще в дороге, оставив мне из четырех мешков муки полмешка и столько же картошки. Имелись лишь купленные в Баку бидоны с керосином. Они-то только и поместились в телеге. Ее хозяин шел впереди, таща быков за веревку. Я же следовал сзади, придерживая бидоны рукой, поскольку из их заткнутых картофелинами горлышек при тряске вытекало содержимое. Дело в том, что из-за перегрузки задняя часть телеги перевешивала переднюю, однако хозяин не замечал этого. В какой-то момент колесо телеги ударилось об лежавший на дороге камень. Продетая под горлом быков непрочная веревка лопнула, и оглобли взметнулись вверх. Из одного из бидонов выскочила картофельная затычка, а брызнувший оттуда керосин облил меня с головы до ног. Особенно пострадало бывшее на мне довольно приличное пальто.

Наконец, мы добрались до села и подъехали к дому Керим-бея. Он встретил меня очень радушно.

– Так ты шурин нашего Хаджимусы? Добро пожаловать, проходи, – приветствовал он меня.

Мы сгрузили бидоны и отнесли их в амбар. Когда Керим-бей увидел их, он обрадовался еще больше. Как выяснилось, в этих местах керосин был в большом дефиците. Отправив повозку обратно на станцию, я стал устраиваться. Сняв с себя пальто, я повесил его на балконе, чтобы оно высохло и проветрилось на

¹ Дословно: «сына дяди по отцу».

² В оригинале: Hosontey.

воздухе. Внутри дома горела печка, и мы сели около нее. На печке стоял чайник с заваренным чаем.

– Думаю, ты замерз, – сказал Керим-бей и быстро налил и подал мне чай.

Через какое-то время он повторил:

– Мне кажется, ты замерз не на шутку. Араку¹ выпьешь?

Я внимательно посмотрел на него. Он был гораздо старше меня.

– Нет, я не пью, – ответил я.

– Пьешь, пьешь! – сказал он со смехом. – Ты же осетинский парень с Кавказа. Но даже если и вправду не пьешь, сейчас тебе необходимо выпить хотя бы рюмку как лекарство.

Вскочив, он достал из шкафа бутылку с аракой и принес кусок сыра, приговаривая:

– Возможно, мы даже родственники. Моя мать – племянница Кантемировых², из дигорцев.

– А у меня бабушка с материнской стороны была племянницей Кантемировых, – сказал я.

– Так, значит, мы с тобой родня! – воскликнул Керим-бей и обнял меня. – Отныне мы не чужие друг другу.

С этими словами он налил араку, и мы с удовольствием пропустили, беседуя, несколько рюмок. Тем временем пришел и Хаджимуса, сумевший раздобыть еще две телеги, на которые было погружено все остальное имущество. Так мы стали гостями Керим-бея. Другие же переселенцы расселились по пустым молканским домам. Стихийно, никого не спрашивая.

Почти всю ночь мы провели в разговорах. Выбрав удобный момент, я поинтересовался у Керим-бея:

– А что, керосин здесь правда в цене? Как вы видели, я привез с собой немного.

¹ В оригинале: rakı. *Ракы* – распространенный в Турции крепкий спиртной напиток, продукт перегонки виноградного вина, настоянный на анисовом корне. Мы полагаем, что в данном случае автор имеет в виду традиционную осетинскую араку – алкогольный напиток, изготавливаемый из зерен кукурузы, ячменя или других зерновых культур.

² В оригинале: Kandemirler.

– Да, конечно! – подтвердил он. – С керосином у нас большие трудности.

Мы тогда еще не видели турецких денег и не знали их стоимости. Керим-бей назвал мне цену одной окки¹ керосина и сказал, что по сравнению с ней пшеница здесь стоит очень дешево.

– Не беспокойся, – добавил он. – Завтра из сел приедут мои знакомые курды, и я обменяю твой керосин на их пшеницу с большой выгодой для тебя.

Он даже сказал, сколько пшеницы я получу за каждый бидон, но я сейчас не помню эту цифру. Я ответил:

– Керим-бей, наше положение вы видите сами. Мы не похожи на остальных переселенцев, приехавших вместе с нами. Все они еще до приезда сюда имели какой-то опыт в торговле. Они смогли продать там свое имущество и перевести его в деньги, а непроданное привези сюда. Все они достаточно состоятельны. Кроме того, они прибыли в свою страну, знают турецкий. Одним словом, никто из них не пропадет. Наша же семья, в отличие от них, оказалась в бедственном положении. Не знаю, известно ли вам о том, как мы были ограблены. Оставшись без крыши над головой и самого необходимого имущества, я три года участвовал добровольцем в гражданской войне и затем еще полтора года скитался по лесам. Теперь же голодранцем бежал сюда вместе с матерью и младшим братом ради спасения наших жизней. Здесь нам придется на первых порах жить очень экономно. Поэтому я бы предпочел вместо пшеницы обменять свой керосин на ячмень. Зато его будет больше.

Керим-бей рассмеялся:

– Темирболат, о чем ты говоришь?! Ты собираешься есть ячмень? Не бывать тому! Ей-богу, ты будешь есть здесь белый хлеб.

На следующий день Керим-бей зарезал в нашу честь барана. Пока мы готовились к пиршеству, к воротам на нескольких санях, запряженных каждая парой лошадей, подъехала группа молодежи – три или четыре девушки и шесть или семь парней в черкесках. Мне стало любопытно, кто это. Оказалось, что сыно-

¹ Окка – старинная турецкая мера веса, равная 1,283 кг.

вья и дочери младшего брата нашего зятя Хаджимусы и другие его родственники из села Бозат. Разумеется, они знали о нашем приезде. Кроме того, поскольку наш зять женился на моей сестре Рахимат на Кавказе, они хотели забрать Хаджимусу и свою новую невестку в отцовский дом. Так что зарезанный Керим-беем баран пришелся очень кстати и выполнил роль жертвенного животного, зарезанного в честь новой невестки. После того, как мы поели и немного побеседовали, самый старший из приехавших молодых людей – Ислам-бей Хосонов¹ – обратился ко мне со следующими словами:

– Темирболат-бей, позвольте мне рассказать вам о поручении, которое на меня возложено. Нас сюда прислал старший брат Хаджимусы – Гази-бей. Сейчас мы должны увезти домой нашего брата вместе с нашей невесткой. Но Гази-бей поручил передать вам привет и просил, чтобы вы тоже поехали с нами и перезимовали у нас. Мы слышали о вашем положении и не хотим, чтобы вы испытывали здесь какие-либо затруднения. Мы готовы разделить с вами наш кусок хлеба и искренне просим вас согласиться.

Я выразил благодарность Ислам-бею и Гази-бею, но сказал, что не смогу сделать этого.

– Я приехал вместе с группой, – ответил я. – Скоро нам всем раздадут дома, и будет лучше, если мы дождемся этого и поселимся здесь. За три года бездомной жизни мы немало натерпелись и хотим поскорее обзавестись собственной крышей над головой.

– Но это не препятствие для того, чтобы погостить у нас, – возразил Ислам-бей. – Дом и землю здесь, в Селиме, вам непременно дадут. В любом случае мы добьемся соблюдения ваших прав. И вы в любое время зимой или весной сможете вернуться сюда и поселиться в своем доме.

Я вновь ответил отказом, сославшись на то, что обещал приехавшим со мной товарищам не отделяться от них. Несмотря на долгие и настойчивые уговоры Ислам-бея и его спутников, я не согласился поехать с ними. В конце концов они погузили вещи

¹ В оригинале: Hoson.

Хаджимусы на сани, усадили на них его и мою сестру Рахимат и уехали в Бозат.

Почему же я, несмотря на их настояния, предпочел остаться в Селиме, обрекая себя на полуголодное существование? Как я уже писал, после выхода из леса и сдачи властям на Кавказе я, познакомившись с моим зятем и поверив его хвастливым речам, согласился стать его компаньоном. Во Владикавказе мы поселились вместе, и в результате мне пришлось обеспечивать не только себя, но и его с женой – моей сестрой. Однако в народе распространилось мнение, якобы наш зять, будучи торговцем, взял нас в свой дом и содержал ради наших прекрасных глаз. Когда я в селах посещал наших родственников, они зачастую, едва расспросив о здоровье, добавляли: «Слава Богу, зять вам достался очень хороший. Благодаря его заботам вы избавлены от нищеты». Мне было крайне обидно слышать такое, но я не мог ничего возразить. Это настолько задевало мою гордость, что мне захотелось отделиться, точнее, отделаться от зятя, потому что чем и здесь слышать досужие разговоры о том, что меня кормит зять, уж лучше было и в самом деле умереть с голоду. Я решил доверить свою судьбу Аллаху. В результате мы остались в Селиме, в доме Керим-бея.

На следующий день из Карса приехала комиссия. В ее составе были мой двоюродный брат Узун-Бекир, являвшийся, как я уже сказал, членом исполнительного совета вилайета, какой-то человек по имени Тахир, жандармский старшина Фетхи-бей из Сарыкамыша¹ и глава администрации нахийе². Они должны были распределить между нами молоканские дома и поселить нас в них. Однако из-за того, что прибывшие в село раньше других переселенцы уже заняли приглянувшиеся им дома, среди них начались ссоры. Каждый хотел для себя жилье получше. Я

¹ Здесь автором имеется в виду поселок Сарыкамыш (в прошлом Нижний или Старый Сарыкамыш) – административный центр округа (*каза*), входившего в Карсский вилайет. В других случаях это название может относиться к округу в целом. Кроме того, в округе имелось населенное осетинами село Верхний Сарыкамыш.

² *Нахийе* (волость, район) – мелкая административная единица в Турции, входившая в округ.

ни во что не вмешивался. Из-за залитого керосином пальто я не мог даже выйти на улицу, не то, что участвовать в этих спорах. Погода была холодной, и я был готов принять любой выбор, тем более что ни один из домов нельзя было назвать плохим. В конце концов комиссия решила бросить жребий. Был составлен список прибывших семей и проведена жеребьевка. Вскоре мне сообщили, что мне достался дом какого-то пожилого молочанина по прозвищу «Дедушка»¹. Он находился в самом конце села, обращенном к Сарыкамышу. От дома Керим-бея до него было три километра.

– Давай-ка, сходим туда. Увидишь свой дом. Он очень красив, – предложил Керим-бей.

Мы сходили. Дом действительно был хорош. Собственно, планировка всех домов была почти одинакова. По обе стороны широкой улицы тянулись два небольших арыка с бегущей по ним чистой водой. Позади арыков в ряд были выстроены дома с двориками. Из каждого дворика по аккуратному каменному мостику можно было перейти через арык на улицу. Сами дома располагались на расстоянии четырех метров от арыков и имели фундамент высотой в полтора метра. Каждый дом был оснащен кладовыми и балконом. Между домами и арыками были разбиты цветники. Во внутренней части дворов находились просторные конюшни и хлева, а также бани и колодцы. Одним словом, для бездомного человека вроде меня все это было настоящим подарком. Кроме того, за каждым домом имелось ровное поле площадью в пятнадцать дёнюмов². За полями текла довольно полноводная речка. На противоположном конце села вплоть до железной дороги тянулись широкие поля и луга, которые весной должны были быть переданы нам.

После того, как жребий был брошен, споры из-за домов прекратились. Каждый смирился со своей судьбой. Я, однако, испытывал немалые трудности из-за незнания турецкого языка. Остальные переселенцы, в отличие от меня, хорошо знали

¹ В оригинале по-русски: Deduşka.

² Дёнюм – старинная турецкая мера площади, приблизительно равная тысяче квадратных метров.

язык, поскольку являлись уроженцами и в недавнем прошлом жителями Сарыкамыша.

Между тем до распределения домов правительственные чиновники сделали нам и такое предложение:

– Если желаете, мы можем отправить вас в Измир. Там вы будете поселены в больших особняках и получите в собственность виноградники.

Наши сразу же загудели:

– Нет! Кто туда поедет? На противоположный конец света? Ни за что!

Я, естественно, не сразу понял, о чем идет речь, и переспросил:

– Что происходит? Почему люди так возмущены?

Находившийся рядом Акиф-эфенди Батяев¹ объяснил:

– Да вот, захотели теперь нас отправить в неверный Измир².

– А что это за место? – поинтересовался я.

– Темирболат, это другой конец Турции. Там растут огромные инжирные деревья...

– Так это же здорово! – воскликнул я, не дав ему договорить.

Но он продолжил:

– А под каждым деревом лежит змея длиной в четыре-пять метров.

Я замолчал, потому что всегда очень боялся змей. Однако впоследствии воспоминание об этом случае стало для меня источником сожалений. Когда в 1948 году я побывал в Измире и увидел, какие прекрасные дома и виноградники получили размещенные в Борнове³ переселенцы с Крита и как все они там разбогатели, мне стало грустно и обидно. Я подумал: «Если бы

¹ В оригинале: *Batibaylardan*.

² Эпитет «неверный» (то есть немусульманский, гяурский; тур. *gâvur İzmir*) Измир получил из-за наличия в нем в османский период многочисленного немусульманского населения, прежде всего богатой и влиятельной греческой общины, а также европейцев-левантийцев, армян, евреев и др. В начале 1920-х годов все греки были вынуждены покинуть город и его окрестности в рамках турецко-греческого соглашения об обмене населением.

³ Борнова – административный округ в Измирском вилайете, ныне пригород Измира.

тогда и мы согласились переехать сюда, то сейчас жили бы точно так же». Как говорят русские, когда Бог дает, то из окошка падает¹. В противном же случае, сколько ни старайся и ни бейся, все равно останешься ни с чем.

Пошел 1923 год. Все расселились по полученным домам, раздобыли печи, запаслись дровами и стали топить свое жилье. У меня дров было достаточно, к тому же я разобрал хлев соседнего пустовавшего дома и сложил доски в нашей конюшне. Однако печи не было, как и денег на ее покупку. Правда, в одной из комнат имелась большая русская печь. Молокане зимой топили только ее и для обогрева помещений, и для приготовления пищи. Ее достаточно было протапливать раз в день, чтобы в доме сохранялось тепло в течение суток. Однако она потребляла слишком много дров. Готовить же на ней нам попросту было нечего. Лишь однажды мы ее растопили, прогрели комнаты и перевезли в дом нашу мать.

Между тем Керим-бей продал мой керосин каким-то курдам. Они увезли его, но обещанной пшеницы все не было. Конечно же, они собирались ее на днях привезти, но из-за обильного снегопада сельские дороги закрылись, и надо было чуть-чуть подождать. Один из бидонов мы опорожнили, приделали к нему трубу и топили как печку. Из оставшегося у нас полмешка муки мать пекла на ней небольшие лепешки. Так мы прожили некоторое время. Наконец, мука закончилась, а дороги, о которых говорил Керим-бей, никак не открывались. Когда я сказал ему, что у нас нет муки, он пристыдил меня:

– Что значит закончилась мука? Разве мой дом не твой дом? Возьмешь муку у нас.

Я понял, что меня надули. Этот Керим-бей оказался очень щедрым и хлебосольным человеком, но при этом отъявленным лжецом и аферистом. Уверяя меня в том, что я буду есть белый хлеб, он вынудил меня выпрашивать у него ячменный.

Однажды мой брат Алихан поехал по делу в Карс вместе со своим приятелем по имени Циппу на его телеге. На базаре там продавали овечьи бурдючные сыры – длинные, позеленевшие.

¹ В оригинале по-русски: *Kogda boy dayot toiz okoški padayot.*

У нас не делали таких сыров, и нам они были в диковину. Циппу предложил Алихану купить одну голову на двоих, и брат согласился. По возвращении в село они разрезали сыр пополам, и Алихан принес домой свою долю, держа ее, словно колоду.

– Что это? – удивились мы.

– Сыр, – ответил он.

Привезенный Алиханом сыр был местами белый, местами зеленый. Рассмотрев его, мать изумленно сказала:

– Что это за сыр? К тому же еще и прогнивший.

Подойдя ближе, я подтвердил:

– Точно, прогнивший.

Мы набросились на Алихана:

– Где были твои глаза, когда ты покупал его?

Он стал оправдываться:

– Откуда мне было знать?! Циппу предложил купить, я не отказался. Бурдюк был целым. Мы вскрыли его только в селе, когда резали сыр. Циппу он очень даже понравился. Он забрал себе точно такую же половину, что и я.

Мы с матерью начали срезать с сыра зеленые части и бросать их на пол, чтобы оставить себе только белые. В это самое время к нам из села Хамамлы явился младший брат нашего Бекир-бея Эмирхан.

– Бог в помощь! Чем это вы занимаетесь? – любопытно спросил он.

– Да вот, наш бестолковый Алихан привез из Карса протухший сыр. Выбросил зря деньги. Теперь чистим его от гнили, – ответила мать.

Эмирхан расхохотался:

– Это никакая не гниль! Это самый лучший сыр. Его называют «сыром с зеленью». А те места, что вы выбрасываете – самая ценная его часть.

С этими словами он подобрал несколько позеленевших ломтиков и положил их себе в рот. Тогда и мы стали собирать срезанные куски. После этого открытия мы смогли включить в свой рацион, помимо ячменного хлеба, еще и зеленый сыр.

«Терпи, Темирболат! Видать, ты еще не всего натерпелся

в этой жизни», – говорил я себе. Керим-бей присвоил и проел мой керосин и время от времени выдавал небольшие порции ячменной муки, за которыми мне приходилось ходить за три километра по шоссе. Из проживавших в селе земляков все отнеслись ко мне хорошо, но они были для меня чужими. Поэтому я навещал регулярно только задолжавшего мне Керим-бея. При каждом моем визите он потчевал меня досужими разговорами о том о сем и с красивыми напутствиями отправлял в обратный путь.

Не раз я бывал также в доме Хаджимусы Мамсурова¹, моего старого товарища. Его мать Хатидже-ханым и отец Темир-бей, да упокоит Аллах их души, были очень хорошими людьми и всегда оказывали мне радушный прием.

Кроме того, ни одно торжественное мероприятие в селе не обходилось без моего участия. Развлечения устраивались довольно часто, и меня обязательно на них приглашали, словно без меня они не состоялись бы. Дома нам порой не хватало даже черствого хлеба, но одевался я весьма щегольски. На мне бывал наш национальный кавказский костюм – вошедшая тогда в моду у осетинской молодежи закрытая на груди черная черкеска-бичераховка, кинжал со слегка загнутым кверху концом, черные сапоги и невысокая, золотистого цвета папах-бухарка. Одним словом, одет я был шикарнее, чем привлекал к себе внимание окружающих, особенно приезжих из других сел. Видимо, мои походка и манеры тоже отличались определенным изяществом, коль скоро люди частенько спрашивали обо мне: «Кто это?» Но моя гордость не позволила мне хотя бы кому-нибудь дать знать, что мы живем впроголодь.

Между тем в Бозате и Хамамлы проживало множество наших родственников. Однако ни один из них ни разу не пришел к нам и не спросил: «Эй, послушайте! Вы прибыли сюда после стольких лишений и невзгод. Что вы едите? Как выживаете на новом месте?» А ведь когда они в 1914 году бежали к нам, мой отец прямо у ворот нашего дома погружал на их телеги в зависимости от сезона кому мешки с кукурузой, кому сено. И это

¹ В оригинале: Mamsirati.

при том, что они смогли захватить с собой все свое имущество. Помню такой случай. Стоял месяц март. В том году наблюдалась нехватка корма для скота. Многие оказались в трудном положении, поскольку корм невозможно было раздобыть ни за какие деньги. У нас же имелись неплохие запасы сена. Однажды карский беженец Денгиз Кантемиров¹, прибывший из села Хамамлы, подогнал свою телегу к нашему сенохранилищу и стал загружать на нее сено. Увидевший это издали мой отец подошел ближе, чтобы выяснить, что происходит. Денгиз при этом как ни в чем не бывало продолжал свою работу.

- Это ты, Денгиз? Что делаешь? – спросил отец.
- Да вот, хочу забрать долю моей матери.
- Что за долю?
- Разве моя мать не была племянницей Кубатиевых?
- Конечно.
- В таком случае разве ей не полагается хотя бы одна телега сена из всего этого кубатиевского добра?

Отец рассмеялся:

– Ну что ж, ты прав. Загружай, раз так. Только не забудь взыскать свою долю и с других Кубатиевых.

– Взыщу, если что-нибудь найду, – весело сказал Денгиз и вскоре отъехал от наших ворот с водруженной на телегу горой первосортного сена.

Теперь же, когда я в бедственном положении с престарелой матерью приехал в его страну, он не посчитал нужным хотя бы однажды навестить мою мать и спросить, как мы живем, несмотря на то, что их семья еще два года назад вернулась к себе в Хамамлы и успела засеять свои поля и собрать с них хороший урожай. Это лишь один пример. Все описывать я не хочу. Но правда в том, что эти наши родственники в наших краях были окружены вниманием и заботой и получали от всех большую поддержку, а мы с их стороны удостоились лишь дальних сухих приветствий. Однако, несмотря на трудности, я ни разу не поступился своей гордостью, ни разу не пожаловался на голод и никого не побеспокоил. Этим я горд и сегодня.

¹ В оригинале: Kandemir.

Писать сейчас обо всем этом совсем не трудно, это даже развлекает меня. Но тогда мне пришлось пережить тяжкие испытания. Все мое оставшееся имущество присвоил себе Керим-бей, точно так же как это сделал при нашем отправлении с Кавказа руководитель нашей группы Бедри Абисалов, выманивший у меня двести миллионов советских рублей. Он обещал собрать эти деньги с переселенцев и вернуть мне. Однако переселенцы сами были им ограблены и жаловались, что и у них он взял крупные суммы, но ничего никому не вернул. Более того, как я уже писал, в течение всего нашего месячного путешествия весь вагон, то есть восемнадцать человек вместе с родными самого Бедри, кормился моими продуктами. Если бы не эти два разоривших меня афериста, мое положение не было бы таким бедственным. Теперь же мне оставалось мечтать о том, чтобы скорее закончилась зима и наступило лето. Тогда я, возможно, смог бы раздобыть какие-нибудь съедобные дикие растения – ведь у меня имелся в этом некоторый опыт, приобретенный во время моей лесной жизни на родине.

Прошла половина зимы. Как-то из Бозата пришла весть, что умер Мустафа-бей Хосонов¹ (проживи этот человек дольше, он впоследствии стал бы моим тестем). Вся осетинская часть Селима отправилась выражать соболезнование. После похорон нас не отпустили, распределили по домам и оставили ночевать в Бозате. Я достался старшему брату нашего зятя Хаджимусы Гази-бею. В предыдущие свои приезды в это село я останавливался у Ислам-бея и хотел поступить так же и на этот раз, но Гази-бей сказал «Это невозможно» и забрал меня к себе. Мы поужинали и стали говорить о том о сем за чашкой чая. Во время беседы Гази-бей сказал:

– Темирболат, с Божьей помощью вы приехали сюда, вырвались из рук тиранов. Да спасет Аллах и других находящихся в таком же положении!

– Аминь, – сказал я.

Он продолжил:

– Каковы теперь твои намерения? Чем собираешься заняться?

¹ В оригинале: Hosonlardan.

Я ответил:

– Гази-бей, я этого пока сам не знаю и никакого решения не принял. Постоянно думаю, но ничего не могу придумать, потому что оказался в таком тупике, из которого нет пути ни вперед, ни в сторону, ни назад. Я в растерянности. В этой стране я ничего и никого не знаю, не владею языком. У меня нет денег, чтобы заняться торговлей. Да и как ею заниматься без языка? Нет у меня и какого-либо ремесла. Мне остается лишь работа землепашца. Весной должны дать землю, и я не боюсь тяжелой работы. Но у меня нет ни волов, ни лошади, ни семян. Чем я буду обрабатывать землю? Когда я обо всем этом думаю, начинаю жалеть о своем приезде.

– Все правильно, – сказал Гази-бей. – Только не надо отчаиваться. С Божьей помощью жизнь наладится. Раз ты готов к трудностям, бояться нечего. И в самом деле здесь больше нечем заниматься, кроме землепашества. Все мы им живем. Селим – отличное место, если есть желание трудиться. Посмотри, как хорошо здесь жили молокане. Потому что и земли у них было вдоволь, и сами были трудолюбивы. Ни о чем не переживай. Вам прежде всего надо будет сеять ячмень. В Селиме весна наступит раньше, чем у нас. Здесь еще лежит снег, когда там начинают пахать землю. О семенах не беспокойся, поделим наши. Есть у нас и волы. Как только в Селиме начнется пахота, заберешь их и за несколько дней вспашешь свою землю.

Когда Гази-бей закончил, у меня вырвался вздох облегчения. Я от всей души поблагодарил его за неожиданное предложение. В ту ночь от радости я не смог сомкнуть глаз и несколько раз молил Аллаха об упокоении души человека, из-за которого я сюда приехал. Вернувшись на следующее утро в Селим, я сразу же обрадовал этой новостью мать. Но посмотрим, не закончится ли и эта радость разочарованием.

Между тем еще одной серьезной проблемой было одиночество нашей матери. Всякий раз, когда я куда-нибудь уезжал – в Бозат, Хамамлы, Сарыкамыш или Карс, – мой брат Алихан как назло тоже находил повод отлучиться из дома. Поскольку дом наш располагался на окраине села, не было у нас и близ-

ких соседей. Я знал, что, когда мать остается одна, она начинает плакать. Разумеется, кое-кто это случайно видел, и вскоре чуть ли не все село стало выражать сочувствие: «Мать Темирболата, бедняжка, плачет в одиночестве». Родственники и друзья стали все чаще говорить мне: «Мать твоя страдает в одиночестве. Это грех. Надо тебе жениться». Но как жениться, если я с трудом добывал кусок хлеба? Если бы обстоятельства позволяли мне завести семью, я сделал бы это еще на Кавказе. Хотя я и не был ни в кого влюблен, но там были девушки, которые мне нравились, и я знаю, что большинству из них нравился и я. Даже перед самым нашим отъездом из Владикавказа мне предложили жениться на одной красивой девушке из хорошей кабардинской семьи. Отца ее звали Пагуа Коготуков, но его к тому времени уже не было в живых. Не было у девушки и братьев или сестер. К ней настойчиво сватался какой-то осетинский коммунист и намеревался похитить ее. Поэтому мать девушки тайком привезла ее во Владикавказ к своим родственникам Тугановым и попросила их выдать дочь за кого-нибудь из наших, только бы она не досталась этому коммунисту. Вот наши и предложили мне забрать ее с собой в Турцию. Моя мать была согласна. Да и девушка была не против. Но я не знал, что ждет в этой дороге меня самого. Меня могли задержать и расстрелять или отправить в Сибирь. Кто знает, что с ней было бы тогда? Мог ли я взять на душу такой грех? Однако, видя сейчас положение моей матери, я стал сожалеть о том, что не решился взять ее с собой.

Как я сказал, влюблен я не был, и это правда. Это не значит, что мне никто не нравился. Но я видел, что порой приключалось с влюбленными, потерявшими голову, и подсмеивался над ними. Потому что считал, что влюбляться в девушку, которая сама не влюблена в тебя, а тем более похищать ее есть безрасудство и дикость.

Одним словом, в Селиме все, кому не лень, стали меня осуждать, словно понимали мою мать лучше меня. Я бился в поисках выхода из положения, а они забавлялись. Я говорил, что в моем доме ячменного хлеба не хватает даже для того, чтобы накормить мою мать, что в кармане у меня нет ни гроша и мне

нечем платить калым, что у нас нет даже нормальной постели и что вряд ли найдется девушка, помешавшаяся настолько, чтобы выйти за меня замуж. В ответ же некоторые говорили мне шутливо: «А ты попробуй! Найдутся и помешавшиеся! Ты сперва скажи, кто тебе нравится, а там будет видно, помешалась она или нет». В то время в Селиме и Бозате было много незамужних девушек. Молодежь часто собиралась, чтобы развлечься и потанцевать наши национальные танцы. Поэтому я знал всех девушек. С некоторыми из них мы даже вместе приехали с Кавказа. Но из-за нашего тогдашнего положения мне и в голову не приходило жениться. Тем не менее я исправно посещал все вечеринки. Нередко к жителям Селима приезжали погостить парни и девушки из Бозата и в честь них и их родственников устраивались собрания с танцами (хъазт¹). В таких случаях к нам домой в полночь могла явиться делегация и чуть ли не силой забрать меня. Если вдруг Алихана не оказывалось дома, то, чтобы моя мать не оставалась одна, они сами приводили какую-нибудь соседскую женщину или маленькую девочку и все равно уводили меня. Как будто без меня их веселье было бы неполным.

Наконец, до меня стали доходить слухи, якобы чуть ли не большинство сельских девушек влюблены в меня. Если же серьезно, то дело обстояло так. Младший брат нашего Бекир-бея Кубатиева Эмирхан был сам влюблен в дочь Темир-бея Мамсурова² и потому часто наведывался из Хамамлы в Селим и гостил у нас. Одновременно он общался в Селиме со своей родственницей, тоже молодой девушкой, и часто бывал в доме, где она жила. Как-то, откровенничая, она в шутливой форме обмолвилась Эмирхану, что я ей нравлюсь. На следующий же день при встрече Эмирхан поведал мне об этом:

– Послушай, хоть она и сказала это как бы в шутку, но я думаю, что дело гораздо серьезнее. Давай-ка, посватайся к ней. Женишься и заодно мать свою избавишь от одиночества.

Я лишь посмеялся. Эмирхан, однако, стал расхваливать девушку, говоря, какая она хорошая хозяйка и как облегчит по-

¹ В оригинале по-осетински: kast.

² В оригинале: Mamsirati.

ложение моей матери. Я пропустил эти слова мимо ушей, но, когда мы добрались до нашего дома, он в моем присутствии рассказал обо всем и моей матери, все так же превознося достоинства девушки. Естественно, матери только этого и хотелось слышать. Словно забыв о нашем положении, она начала благодарить Эмирхана и умолять его устроить это дело, говоря, что никогда не забудет такого добра. Воодушевленный, тот рьяно принялся за дело. Не получив моего разрешения, он по просьбе моей матери встретился с девушкой и уже серьезно поговорил с ней на эту тему. Ответ девушки был таков: «В последнее время ко мне сватались трое. Ни один из женихов мне не понравился, и я всем отказала. Но отец все же хочет выдать меня за одного из них. Меня принуждают к этому, потому что это состоятельный человек. Но мне не нужно его богатство. Я готова скорее голодать в доме Темирболата, и, если Темирболат вправду хочет жениться на мне, немедленно приступайте к действиям. Потому что отец мой человек своенравный и может в любой момент дать им согласие. Они постоянно присылают к нам своих людей». Когда Эмирхан сообщил мне об этом, я сказал:

– Оставь ты это! Я вовсе не люблю ее и не мечтаю на ней жениться. Все это ты сам придумал. Кроме того, я не хочу ввязываться в такие спорные дела. А если бы положение позволяло мне жениться, то кругом полно девушек.

Но Эмирхан на этом не успокоился и настроил на меня мою мать. Она начала то и дело повторять:

– Я больше не в силах сидеть здесь в одиночестве, как черт. Я наложу на себя руки! В один прекрасный день придешь домой и застанешь мой труп.

В итоге мне пришлось уступить их давлению и неохотно выдать из себя согласие. Эмирхан тут же помчался к отцу девушки и рассказал ему обо всем. Его ответ был краток. Он заявил, что, если бы мы обратились к нему хотя бы несколькими днями раньше, у него не было бы никаких возражений против нас, однако вчера он уже дал согласие другим сватам и не может нарушить свое слово. Извинившись, он посоветовал нам поискать

кать счастья где-нибудь в другом месте. Эмирхан был страшно расстроен.

– Стоило ли все это затевать? – укоризненно сказал ему я.

Однако сама девушка ничего не знала о происшедшем и, когда Эмирхан рассказал ей об ответе отца, решительно запротестовала:

– Не бывать тому! Как мог мой отец дать кому-то слово без моего согласия?! Не отступайте! Я ни за что не соглашусь с ними.

Услышав это, я промолчал. В тот день Эмирхану пришлось уехать домой. А спустя три дня представители жениха, среди которых были авторитетнейшие в прямом смысле люди края, вдруг приехали в село с намерением обручить девушку. Но она им решительно отказала, одновременно тайком через кого-то передав мне, что продолжит свое сопротивление, если получит от меня твердое слово, что я женюсь на ней. Я ответил, что не собираюсь ни с кем затевать вражду, но, если сама девушка отвергнет сделанное ей предложение, а та сторона откажется от своих претензий, то позже, когда она будет свободна, я, коль скоро об этом уже зашла речь, официально попрошу ее руки у ее отца. Если он согласится, я женюсь на ней, а нет – так нет. Как мне передали, родители и сваты всю ночь уламывали девушку, но так ничего и не добились. Под утро же она попросила сказать отцу, что, если ее отдадут против ее воли, то утром она сбежит из дома к Темирболату.

Мне стало любопытно, чем все закончилось в ту ночь. Встав утром очень рано, я прошелся по главной улице села, словно направляясь куда-то по делу. Подходя к дому девушки, я увидел, как из него вышел ее пожилой дядя и, протирая глаза, направился к своему дому. Приблизившись, я как ни в чем не бывало обратился к нему:

– Утро доброе! Откуда это вы в такую рань?

Старик был не в курсе моих дел и ответил:

– Да вот, дочка у моего брата просто Божье наказание. Свагает ее хороший человек. Брат уже слово дал. Вчера приехали на обручение вместе с почетными людьми. А девчонка уперлась и не соглашается ни в какую. Просто убила нас!

– А чем дело-то закончилось?
– Так и не согласилась. В результате пришлось нам пока сказать «нет».

– Что ж, да сопутствует вам удача! – сказал я, и мы расстались.

Однако та сторона продолжала всеми средствами добиваться руки девушки. Я же не делал ей предложения, ожидая развязки. В конце концов она потеряла надежду на меня и под давлением отца согласилась выйти замуж за того человека. На том эта история и завершилась.

Приближалась весна, но снег все не таял, поскольку в том году его выпало довольно много. Как-то вечером к нам из Хамамлы прибыл наш Эмирхан Кубатиев. Оказалось, что из Карса ему позвонил по телефону его брат Бекир и сообщил, что их мать тяжело больна. Едва узнав об этом, Эмирхан отправился в путь пешком, потому что никакого транспорта не было. Он собирался переночевать у нас, чтобы наутро продолжить путь. Разумеется, я вызвался идти вместе с ним. Рано утром мы двинулись в дорогу и к вечеру были на месте. Вошли в дом. Старушка была очень плоха, никого не узнавала и только бредила. Нас встретили жена Бекира, его сестра Эмине и двоюродная сестра¹ Лежинка. Вскоре вернулся со службы и сам Бекир-бей. Через два дня больная скончалась. Согласно обычаю, мне следовало побыть там несколько дней. Выражать соболезнование к нам приходило очень много народа. Лишь к вечеру четвертого или пятого дня посторонние разошлись и мы остались в доме одни. К тому времени погода значительно улучшилась. Снег начал таять, местами даже появилась зеленая трава. Как-то Бекир сказал мне:

– Темирболат, давай немного прогуляемся на воздухе.

Они жили в красивом высоком особняке с огромным садом, находившемся прямо на площади перед русской церковью Карса. Мимо церкви мы направились в сторону железнодорожного вокзала. По дороге Бекир, жестикулируя, рассказывал мне о войне с армянами, о том, как после мировой войны он создал партизанский отряд под названием «Нацио-

¹ Дословно: «дочь дяди по матери».

нальная шура» из местных курдов и черкесов¹, а также черкесов, перебравшихся сюда до войны с Кавказа, но не сумевших из-за военных действий вернуться на родину². Этот отряд под командованием Бекира вел тяжелые, упорные бои с превосходящими силами противника, пока, наконец, не присоединился к прорвавшимся из Анатолии силам Дели Халид-паши, вместе с которыми они взяли Карс³. Мы вышли в открытое поле и пе-

¹ Здесь и далее автор употребляет термин «черкесы» в распространенном на Ближнем Востоке расширительном значении, включающем в себя не только адыгов (черкесов в строго научном смысле слова), но и представителей других северокавказских народов. Соответственно, в большинстве случаев он называет черкесами и своих соплеменников-осетин, как это до недавнего времени было принято (а отчасти принято и сейчас) среди представителей осетинской диаспоры в Турции в их речи на турецком языке.

² Бекир Сыткы Кубат (Кубадоглу) являлся одним из активных участников создания так называемой Демократической Республики Юго-Западного Кавказа – государственного образования, провозглашенного 1 декабря 1918 года в Карсе после вынужденной эвакуации османских войск с территорий, занятых ими в Закавказье на завершающем этапе Первой мировой войны, и имевшего основной целью недопущение включения данных земель в состав независимых Армении и Грузии. Правительство этой республики неофициально именовалось «Национальной мусульманской шурой» (*шурá* – совет, совещательный орган) и имело подразделения в большинстве округов бывших Карсской и Батумской областей и Ахалцихского уезда. Бекир Кубат возглавлял шуру Сарыкамышского округа. После ликвидации англичанами в апреле 1919 года данного формирования и передачи карсского региона Армении он руководил действиями мусульманских партизан в упомянутом округе. Был избран делегатом от Сарыкамыша на заложивший принципы национально-освободительного движения в Турции Эрзурумский конгресс (июль-август 1919 года). После провозглашения Турецкой Республики, в сентябре 1924 года, стал главой карсского отделения правящей кемалистской Народно-Республиканской партии.

³ Войска под командованием генерала Дели Халид-паши (черкеса по происхождению) вместе с силами местных мусульманских ополченцев различной этнической принадлежности отбили Карс у дашнакской Армении 30 октября 1920 года в ходе армяно-турецкой войны.

ресекали железную дорогу, а Бекир все продолжал рассказывать. Вдруг передо мной открылась картина, буквально ошеломившая меня. В открытом поле лежали горы оставленного русскими металла – стальные и чугунные листы, детали машин, просто лом. Чего только там не было! Я перестал слышать слова Бекира. Заметив мое удивление, он спросил:

– Что это с тобой?

– Неужели русские бросили здесь столько своего добра? – задал я вопрос.

– А что им еще оставалось делать? Коммунисты прикончили самого Николая. До этого ли металла им было?

Бекир расхохотался и немного погодя добавил:

– А ты разве не видел металл, что лежит в моем саду?

– Видел, – ответил я.

В саду действительно были сложены штабелями новенькие листы железа высочайшего качества длиной в десять и двадцать метров, шириной в десять, двенадцать и пятнадцать сантиметров и толщиной в полтора, два и два с половиной сантиметра. Их общий вес составлял порядка двухсот-трехсот тонн.

– Только не подумай, что я их к себе перетащил отсюда, – сказал Бекир. – До войны там был склад. Я занял дом, и железо тоже стало нашим. Никто ничего не посмеет сказать. Я бы продал его, да никто не даст и гроша.

Мы повернули назад. Теперь была моя очередь говорить, и я со смехом спросил Бекира:

– Брат, а ты совсем не думал о том, как я живу?

– Как это? – удивился он.

– Мое положение ты знаешь, не буду о нем рассказывать. Вот-вот наступит весна. Что я буду делать? Чем буду кормиться? Какое занятие найду себе в этой стране? Чтобы работать, я прежде всего должен выучить турецкий, но на это потребуется немало времени. Поскольку денег у меня нет, я могу заниматься только землепашеством, но для этого необходимы скот, инвентарь, семена, которых у меня тоже нет. Как мне быть? Не мог бы ты указать мне какой-нибудь путь?

– О, как же! Конечно! Я сам хотел поговорить с тобой об этом, но в суматохе этих дней никак не нашел времени.

Бекир заговорил так красиво, изъявил такую готовность помочь мне, что на этом фоне обещания брата моего зятя Гази-бея из Бозата просто блекли. Для начала он спросил меня:

– А у тебя самого есть желание заниматься сельским хозяйством? А главное – уверенность в своих силах?

– Я не думаю о трудностях работы, брат, и готов к самому тяжелому труду. Лишь бы это позволило мне избавиться от голода и нищеты мать и брата.

– Тогда ни о чем не беспокойся! Достаточно, чтобы ты смог приучить к работе и нашего Эмирхана. Он лентяй и к тому же все время норовит соревноваться со мной. Если бы я пахал землю, он делал бы то же самое. Но так как я сейчас на государственной службе, он тоже мечтает стать чиновником и совсем забросил дела в селе. У нас там имеются две пары волов и несколько коров, но он ими не занимается, предпочитает отдавать их внаем, а сам шатается без гроша. Как он, интересно, думает жениться? Так вот, если сейчас вы с Эмирханом начнете вместе, как братья, трудиться, я вдобавок к тем волам, что находятся в деревне, куплю вам еще две пары, а также два плуга. Что касается семенной пшеницы и ячменя, то их я вам добуду в нужном количестве из государственных закромов. Ваша задача – посеять и в Селиме, и в Хамамлы столько хлеба, сколько сможете. Когда закончите сев, дадите немного отдыха волам, затем запряжете в фургоны по две пары и до начала жатвы перевезете в Эрзурум весь тот металл, что лежит в моем саду. Заработаете кучу денег.

Я опять обрадовался. Снова передо мной забрезжила надежда на начало новой жизни, и снова я мог привезти домой матери радостную весть. К сожалению, все это было очередным вздором и враньем.

Возможно, вы удивляетесь, для чего я так подробно описываю эти эпизоды. И вы правы. Но я до сих пор пытаюсь понять, отчего со мной все это приключалось. От моей наивности? Или оттого, что я в силу своей порядочности считал всех такими же честными, как сам? Скорее всего и то, и другое. Но главное для

меня то, что за всю свою жизнь я ни у кого не просил милостыню и никого не побеспокоил, за что очень благодарен Богу. Все вышеописанное можно было, конечно, рассказать в нескольких словах. Но я пишу слово за словом, описываю происходившее шаг за шагом, чтобы читатели могли извлечь из моего повествования уроки и видели, какие беды могут свалиться на человека в жизни и как, тем не менее, выносил человек. Продолжу, однако, рассказ.

Вечером дома Бекир-бей повторил свое предложение уже в присутствии Эмирхана. Тот был воодушевлен возможностью работы вместе со мной. Через два дня мы с Эмирханом покинули Карс и к вечеру добрались до Селима. Моей матери новости рассказал Эмирхан, и она вновь начала молиться и выражать благодарность. На следующий день Эмирхан вернулся к себе в Хамамлы. Еще через несколько дней снег растаял и в Селиме. Я отправился в Хамамлы, чтобы подготовить со своим компаньоном волов и плуги и приступить к работе. Эмирхана дома не оказалось. Соседи сказали, что он с утра отправился в Сарыкамыш и должен вернуться вечером. За домом на склоне лежали и грелись на солнце быки. Я подошел к ним поближе. Они были настолько худы и ослаблены, что не в силах были даже подняться на ноги. Оказалось, что Эмирхан отдал их в аренду какому-то человеку, который всю зиму каждый день возил на санях из леса дрова в Сарыкамыш на продажу. Одна воловья упряжка дров стоила 75-100 курушей¹. Деньги они делили между собой пополам. Зато от волов к весне остались только кожа да кости.

Мне было понятно, что от этих волов толку не будет. Но меня интересовало мнение самого Эмирхана. К вечеру он появился. Мы поговорили о том о сем, и я объяснил ему цель моего визита. Собственно, он и сам о ней догадался. Затем я сказал, что видел его волов и что они не смогут тащить плуг. Эмирхан был со мной согласен.

– Я отдал их одному человеку, а он, бессовестный, совсем не ухаживал за ними, только заставлял возить дрова, – попытался

¹ Куруш – мелкая денежная единица в Турции, сотая часть лиры.

он оправдаться и затем продолжил: – Кстати, сегодня я ходил в Сарыкамыш, чтобы поговорить по телефону с братом. Он говорит, что сейчас в государственных закромах нет семян, но скоро они поступят, и я сразу же сообщу тебе об этом.

С волами, которых для нас должен был приобрести Бекир, была такая же картина: он поручил это дело какому-то человеку, который неизвестно когда и где должен был их раздобыть. Мне стало окончательно ясно, что все это – байки Ходжи Насреддина. Правда, думаю, они обманывали не только меня, но и самих себя. Я сказал «Ладно», переночевал там и наутро отправился в Бозат, поскольку на Хамамлы надежды больше не было.

В Бозате я направился прямо к Гази-бею и остался у него на ночь. Мы много беседовали, и я все ждал, когда он сам заговорит о данном мне слове. Но он явно не собирался этого делать, и мне пришлось напомнить ему, как он зимой обещал мне помочь, и сказать, что я, собственно, ради этого сейчас и пришел к нему.

– Ты прав, – смутился Гази-бей. – Но поверь, я тогда думал, что наши амбары заполнены. Поэтому и пообещал тебе. Вчера же заглянул в амбар и обнаружил, что ячменя осталось совсем мало. Сам не пойму, как это произошло. Видимо, нам и самим не хватит семян. Но что делать, дам вам два-три киле¹. Ей-богу, я надеялся дать больше, но не получается. Мне очень неловко перед вами.

– Ничего страшного, – ответил я ему.

Гази-бей продолжил:

– Что до волов, то вчера из Селима пришел мой племянник Хаджимирза Козырев² и забрал их для пахоты. Как только он закончит, возьми их у него и за пару дней вспашешь свое поле, а потом пригонишь волов мне.

Делать было нечего. Еще три или четыре киле ячменя мне дали другие жители Бозата, и с этим я вернулся в Селим. Через несколько дней я вспахал на тех волах поле за нашим домом и

¹ Киле – старинная турецкая мера сыпучих тел, составляющая около сорока литров, то есть примерно один бушель.

² В оригинале: Kozırlardan.

стал ухаживать за посевами. Вскоре начали появляться и первые зеленые всходы.

Как-то, идя по главной улице села, я заметил перед одним из больших зданий какое-то оживление. Я подошел ближе и заговорил с собравшимися там людьми. Разъяснить ситуацию мне вызвался Махмуд-эфенди, хорошо знавший русский язык образованный человек из карапахских переселенцев, с которым я был хорошо знаком. Он рассказал, что приехали трое бывших русских подданных немецкого происхождения и вместе с местным турком по прозвищу Хамаслы Хафыз открывают здесь на паях завод¹ по производству пакетированного сливочного масла и швейцарского сыра.

– Капитал будет от турка, а знания и работа – от немцев, – пояснил Махмуд.

На моих глазах рабочие установили в здании огромный чугунный котел. Крестьянам из окрестных сел предлагалось увеличивать поголовье коров и продавать заводу молоко, хотя сколько за него будут платить, никто не мог сказать. В хозяйствах местных черкесов и карапахов и так было, как правило, по пять-десять коров. Но моя мать была слишком стара, чтобы доить корову, поэтому нам не было смысла ее заводить. Я подумал, что от этого завода нам не будет никакого прока, и пошел дальше.

Вскоре заводик начал действовать. Ежедневно в том котле производился один сыр диаметром в метр и толщиной в двадцать сантиметров. Оставшаяся от сыра жидкая масса также перерабатывалась на специальной машине и превращалась в бутербродное масло, расфасованное в пакеты. Однажды я из любопытства даже сходил и посмотрел на этот процесс, но в дальнейшем больше туда не заглядывал. Не стал я тогда знакомиться и с немцами, поскольку мы едва ли могли представлять друг для друга интерес.

Свободного времени у меня было предостаточно, и я почти каждый день, приодевшись, прогуливался от дома до противоположного конца села. В селе было немало таких же празд-

¹ В оригинале по-русски: zavod.

но слоняющихся бездельников, как я, и мы обычно собирались посудачить у бакалейщика Хаджи Деде. Должен сказать, что, выходя на улицу, я по старой привычке вышагивал с военной выправкой и строевым шагом. В один из дней я точно так же прошелся до бакалейной лавки, но никого не застал там и решил дойти до дома Мамсуровых, чтобы поболтать с Хаджимусой. Пройдя завод, я увидел, что навстречу мне скачет всадник на очень красивом чалом иноходце. Когда он приблизился, я смог разглядеть его. Это был человек моего возраста в кавказском костюме самой последней моды. Именно его одежда привлекла мое внимание. В наших селах все носили наш национальный костюм. Но на нем была черкеска настоящего кавказского покроя. И сам он выглядел, как истинный кавказец. Когда мы поравнялись, я заметил, что он посмотрел на меня с таким же изумлением, как и я на него. Проехав немного, он повернул голову и бросил еще один взгляд на меня. Придя к Мамсуровым, я рассказал им о встреченном всаднике-кавказце. Они сказали, что тоже видели его в окно и так же были поражены его видом.

Побыв там некоторое время, я отправился назад. Подойдя к заводу, я увидел на его балконе Махмуд-эфенди, рядом с которым сидел тот самый молодой кавказец. Позднее Махмуд-эфенди рассказал мне, что юноша, едва подъехав к заводу, сразу же спросил его, указывая на меня: «Кто этот прохожий?» «Один из недавно прибывших черкесских переселенцев», – ответил ему Махмуд. «Мне кажется, он отличается от остальных. Если вы знаете его, то, пожалуйста, познакомьте меня с ним», – попросил юноша, на что Махмуд, естественно, согласился. Тогда я еще не знал, что именно этому молодому человеку предстояло вскоре поспособствовать тому, чтобы я смог приобрести ремесло и начать самостоятельно зарабатывать свой хлеб на турецкой земле.

Так вот, проходя мимо балкона, на котором они сидели, я, как всегда, приветствовал Махмуд-эфенди. Он тоже поздоровался со мной и добавил:

– Полад-бей¹, не могли бы вы ненадолго подойти к нам?

¹ Полад – сокращенная форма турецкого варианта имени

– Разумеется, – ответил я.

Когда я подошел к ним, оба встали, и Махмуд-эфенди, поочередно указав рукой на каждого из нас, сказал:

– Полад-бей и Вейис-бей, с вашего позволения я знакомлю вас друг с другом.

Мы пожали друг другу руки, после чего они предложили мне сесть. Я устроился рядом с ними. Должно быть, Махмуд успел сказать Вейис-бею, что я не владею турецким, и после краткого обмена приветствиями тот обратился ко мне на прекрасном русском языке:

– Простите, сударь, откуда вы родом?

– С Северного Кавказа, из Владикавказа, – ответил я.

– Но, по всей видимости, вы не из тех черкесов, которые во время войны перебрались туда, а теперь возвратились обратно.

– Нет, я лишь приехал вместе с ними как беженец.

– А как ваша фамилия?

– Я из дигорских баделиатов, Кубатиев, – сказал я.

При этих моих словах Вейис подскочил на ноги и обратился к Махмуду:

– Вот видишь? Я не ошибся в моем предположении!

Пожав мою руку, он продолжил:

– Можете не рассказывать дальше о себе. Я теперь понимаю, кто вы, и мне известно, что произошло с вашей семьей. Пусть ничего подобного в вашей жизни больше не повторится! Мы тоже беженцы. Только мы прибыли из Тифлиса и, поскольку находились ближе к границе, сумели, в отличие от вас, перевезти сюда свое имущество, хоть это и было нелегко. Слава Богу, наша семья сейчас неплохо устроена в районе Богатепе под Ардаханом¹. Там у нас имеется такой же сыроваренный заводик, как этот. У меня есть братья, и мы трудимся вместе. Рады, что спаслись из того ада. Эти немцы – наши специалисты и одновременно компаньоны. Сюда я как раз приехал, чтобы встретиться с ними.

Темирболат. Полная форма – Демирполад. Так было записано имя автора и в турецких официальных документах.

¹ Ардахан – город севернее Карса, ныне центр одноименной провинции.

Хотя он был карапапахом, турком, его русский язык был безукоризненным.

– Вы жили в городе? – спросил я его.

– Нет, в нашем селе. Но я окончил лицей в Тифлисе.

Действительно, то, что это был образованный и культурный человек, было видно по всем его манерам.

– Как же вам удалось выбраться оттуда живым? – задал он вопрос.

– Не спрашивайте, это длинная история, – неохотно ответил я, но все-таки рассказал ему кое-что о событиях своей полной превратностей жизни последних лет.

– Очень вам сочувствую, – сказал Вейис-бей. – У нас в Грузии князей точно так же уничтожили. Мы слышали, что такая же участь постигла и знатные семьи Северного Кавказа, и очень переживали за них. Но что дальше? Как вам здесь нравится? Вы смогли обустроиться?

– Увы, все хуже некуда, – сказал я и описал наше положение: – У меня нет ни имущества, ни денег. Благодаря помощи некоторых людей я засеял ячменем небольшое поле и сейчас жду урожая. Другой работы у меня нет. К тому же я не знаю ни языка, ни страны.

– Жаль, очень обидно. Владаете ли вы каким-либо ремеслом или специальностью?

– Нет.

– А вы могли бы перебраться в Ардахан? Если вы приедете туда, я найду вам какую-нибудь работу на моем заводе. Так, чтобы хватало на жизнь.

– Как же я поеду? – ответил я. – У меня мать и младший брат. Здесь мы уже получили дом и землю. Там мне все это больше не дадут.

– Верно, – сказал Вейис. – Что же нам тогда придумать? Я бы хотел оказать вам какую-нибудь помощь, но сейчас при мне нет такой суммы, чтобы она удовлетворила вас...

– Нет-нет! Что вы? – возразил я. – Я ничего не прошу у вас, да и у кого-либо другого, и ни от кого не приму такую помощь. Вы поинтересовались моим положением, и я был вынужден отве-

тить вам. Наверное, я был чересчур откровенен. Простите меня! Я рассказал все не с этой целью. Даже если я буду умирать с голоду, я не жду ни от кого ничего подобного. Здесь, в Бозате и Хамамлы, у меня есть родственники. Они совсем не бедные люди. Но я и им не рассказываю о своем положении. Самолюбие мне не позволяет говорить на эту тему. Как вы сами видели, вместо этого я, туго затянув живот поясом, выпятив грудь и расправив плечи, с гордым видом прохаживаюсь по селу. Видимо, поэтому и они не спрашивают, что я ем и как живу. Ни один еще не задал мне этот вопрос. А коли так, то и я не рассказываю, что в животе у меня пусто.

От этих моих слов Вейис-бей, похоже, проникся еще большим состраданием ко мне. Подумав с секунду, он сказал:

– Махмуд-эфенди, позовите, пожалуйста, сюда Ивана.

Иваном звали немца, главного специалиста предприятия. Их было трое – Иван, Мануил и Виктор. Поскольку они были из русских подданных, то хорошо говорили и по-немецки, и по-русски. Вскоре подошел Иван. Вейис-бей представил ему меня и сказал по-русски:

– Уважаемый мой Иван! Этот господин не из тех черкесских переселенцев, которых ты здесь видишь. Те с началом мировой войны добровольно оставили свои села в районе Сарыкамышы и со всем своим добром и имуществом перебрались на Кавказ. До последнего времени они там жили, работали и приумножали свое состояние, а сейчас вполне зажиточными людьми вернулись на свою родину. Этот же господин из ограбленной и погубленной большевиками старинной семьи. Чтобы спасти свою жизнь, он был вынужден примкнуть к группе переселенцев и бежать сюда. И теперь находится в бедственном положении, без работы и без денег. Не могли бы мы найти ему на заводе какую-нибудь работу, которая позволила бы ему прокормить себя?

– Я знаю его. Видел, как он прогуливается здесь, и тоже обратил внимание на то, что он отличается от остальных, – сказал Иван и спросил меня: – Ты знаешь какое-нибудь ремесло?

– Нет, – ответил я.

– Тогда даже не знаю, какую работу мы могли бы тебе предложить. Если что-нибудь найдется, с радостью дадим.

Я поспешил поблагодарить его и, смеясь, сказал:

– Ей-богу, я и сам знал, что здесь не будет работы по мне, и вовсе не думал вас тревожить. Но Вейис-бей решил спросить вас и пригласил сюда. Я благодарен вам обоим за ваше желание помочь мне. Не расстраивайтесь из-за меня. Такое сейчас время. Множество подобных нам семей по всей России претерпели невероятные страдания. Вы сами знаете, сколько русских дворян, прославленных генералов и героев и их семей голодными и бездомными побирались и умирали в последние годы на улицах Стамбула. Я же все эти лишения перенес в своем родном краю, скитаясь по горам и лесам. Но не умер. Сейчас я свободен и могу по ночам спать без страха. Скоро наступит лето, а я привычен питаться дикими растениями и травами. Думаю, милостивый Аллах и на этот раз укажет мне путь, чтобы не пропасть.

Они внимательно слушали меня, и, хотя я все время улыбался, было заметно, что оба жалели меня. Когда я закончил, Иван сказал:

– Послушай, парень! Под ремеслом я вовсе не имел в виду что-то особенное. К примеру, если бы ты умел немного столярничать, мы бы поручили тебе изготавливать подставки специальной формы, которые подкладываются под швейцарские сыры. Мы заказали их в селе Попо Исмаилу, но он не справился.

– Но я не знаю даже названий столярных инструментов, не говоря уже о том, как ими пользоваться, – растерянно ответил я.

– А ты раздобудь где-нибудь эти инструменты. Пользоваться же ими научу тебя я. Это очень просто.

Вейис-бей поддержал Ивана:

– Действительно, постарайтесь достать инструменты, и Иван научит вас ремеслу. Это станет для вас подспорьем на первое время.

– Не знаю, право. В Бозате живет мой зять. Кажется, он умеет плотничать. Если у него есть инструменты, возьму у него. Только скажите мне их названия, а я запишу.

– Их немного, всего-то четыре или пять. Я буду говорить по-русски, а ты пиши, – сказал Иван.

Я достал из кармана записную книжку и под диктовку Ивана аккуратно написал: «Фуганок, рубанок, пила, топор, долото»¹.

– Завтра же схожу в Бозат и постараюсь найти их там, – сказал я.

Уже вечерело. Вейис-бею утром надо было возвращаться в Ардахан. Мы попрощались, довольные нашим знакомством.

На следующий день я отправился в Бозат. Немного поговорив с зятем, я вытащил из кармана свою книжку и спросил его:

– У тебя имеются эти инструменты?

– Да. А зачем они тебе?

– Собираюсь стать столяром.

– Ого! – воскликнул Хаджимуса и расхохотался.

Естественно, я тоже не удержался от смеха и рассказал ему о вчерашнем случае.

– Получится, так получится. А нет – верну твои инструменты в целости и сохранности, – заверил я.

– Мне не жалко. Надеюсь, справишься с Божьей помощью, – ответил он.

На следующее утро, забрав инструменты, я вернулся в Селим и отправился напрямик на завод. Увидев инструменты, Иван похвалил меня и повел в складское помещение за заводом, где с одной стороны был оборудован самодельный верстак, а с другой сложены штабелями доски. Быстрым движением бросив одну доску на верстак, он сказал:

– Внимательно смотри, что я делаю. Потом повторишь сам.

На моих глазах он за считанные минуты соорудил из доски великолепную подставку для швейцарского сыра.

– А теперь давай ты. Поглядим, что получится.

Я рассмеялся.

– Не бойся, справишься, – сказал он и вернулся к своей работе.

Я взял одну доску из штабеля и, стараясь повторять только что увиденные действия Ивана, распилил ее на несколько

¹ В оригинале по-русски: fugan, rubanka, pila, tapor, doloto.

частей длиной в метр каждая. Выровняв края частей фуганком, я закрепил один из кусков гвоздями на верстаке и приложил к нему второй кусок, прибив гвоздями один его конец к краю первой доски. Однако противоположные края досок не сошлись друг с другом. Я отпорол эту доску и стал прикладывать вместо нее другие, но от этого ничего не менялось: между двумя досками сохранялся зазор. Я вновь и вновь выравнивал края досок фуганком, и с каждым разом они сходились все ближе и ближе, но полного их соединения добиться никак не удавалось. По прошествии довольно продолжительного времени вернулся Иван и, увидев мои мучения, сказал со смехом:

– Если твой фуганок будет ходить по дереву на своем собственном весе, то в начале доски его нос будет задираться, а в конце опускаться вниз. В результате ты будешь слишком сильно обстругивать края, и они у тебя никогда не сойдутся.

Он стал терпеливо объяснять и показывать мне, как следует пользоваться инструментами. Наконец, он произнес:

– Пока хватит. Ты порядком устал. Пойдем обедать. Заодно и отдохнешь.

После обеда я вернулся к верстаку. Моим доскам по-прежнему было далеко до тех, что делал Иван, но по сравнению с утренними они стали ровнее. Однако сделанные мной врубки в «ласточкин хвост»¹ были похожи на что угодно, кроме врубок. Иван продолжал наблюдать за мной и время от времени давал советы. Вечером он пригласил меня поужинать. Мы подкрепились свежим хлебом, сыром, маслом и чаем. Во время беседы он часто повторял: «Не бойся, научись!»

На следующий день рано утром я отправился на завод и принялся за работу. Немного погодя подошел и Иван.

– Почему ты не пришел завтракать? – спросил он. – Не увидев тебя, я подумал, уж не бросил ли ты эту работу.

¹ Ласточкин хвост – вид шипового соединения деталей, в котором шипы и пазы напоминают по форме хвост ласточки. Применяется в машиностроении и при изготовлении конструкций и изделий из древесины.

– Если и дальше так пойдет, то, боюсь, и в самом деле брошу: только извожу ваши доски и при этом ничего не произвожу.

Иван рассмеялся:

– Как говорят, чтобы стать столяром, надо настрогать много стружек. Не переживай! Лес близко, и пять или десять испорченных досок нас не разорят. А как тебе еще набираться опыта? Сразу мастерами не становятся. Кто не ошибается, тот и не учится. Смотри, не вздумай бросать это дело. А я буду иногда помогать.

Иван вытащил из штабеля очередную доску, положил ее на верстак и сказал:

– Ну-ка, распили!

Я начал пилить, но срез получался неровный.

– Не дави на пилу вниз, только толкай ее вперед, а затем тяни назад.

Совет возымел действие, и я стал пилить ровнее. В тот день Иван занимался только мной. К вечеру я наконец изготовил кривую подставку для сыра.

– Неплохо. Вторая будет лучше, – подбодрил меня Иван.

И действительно, каждая моя следующая подставка выходила лучше предыдущей. В конце третьего дня Иван сказал:

– Отлично! Я же говорил тебе! У тебя получилось!

– Поясок кривоватый, – заметил я.

– Ничего, и это исправится. Никто еще не становился мастером за три дня. Немножко потерпи. На данный момент ты заработал тридцать курушей. Начиная с этой последней подставки и за каждую сделанную тобой следующую ты будешь получать по тридцать. Делай их столько, сколько сможешь. Кроме того, ты будешь здесь завтракать, обедать и ужинать вместе с нами. Согласен?

– Если вы согласны, то я еще со вчерашнего дня согласен! – не скрывая радости, ответил я.

Иван сделал мне еще одно предложение:

– Зарплату можешь получать как деньгами, так и, если пожелаешь, продуктами – маслом, сыром и мукой с мельницы Ха-маслы Хафыза. Так тебе будет даже выгоднее.

Это меня полностью устраивало. Ведь цель моя тогда состояла не в том, чтобы разбогатеть, а в том, чтобы обеспечить себя хлебом насущным. Домой в тот день я возвращался на седьмом небе от счастья.

С каждым днем работа удавалась мне все лучше и лучше. Первоначально я изготавливал в день по две подставки и получал за них шестьдесят курушей. Но уже через несколько дней я начал делать по три, к тому же лучшего качества. Увидев это, Иван сказал:

– Отныне будем платить тебе по тридцать пять курушей за штуку.

Когда число производимых мной в день изделий дошло до четырех, плата поднялась до сорока курушей. Наконец, я довел свою дневную норму до семи и стал получать по сорок пять курушей за каждую.

– Теперь ты стал мастером, – сказал мне в тот день Иван.

Таким образом, мой дневной заработок составлял триста пятнадцать курушей, и вскоре я превратился в одного из самых обеспеченных жителей села. В доме у нас теперь всегда было вдоволь хлеба, масла, сыра, сахара, меда, чая и других важнейших продуктов. Я мог не задумываясь пригласить к себе гостей и угостить их. С немцами же мы стали дружны, как братья. Я с удовольствием работал вместе с ними.

Всем этим я был обязан тому кавказскому юноше – Вейис-бею. К великому сожалению, мне больше не довелось увидеть этого доброго человека. В последние годы своей работы я не раз бывал по делам в Карсе и разыскал там его фирму, но ни разу не застал его самого на месте. Та наша первая и единственная случайная встреча продлилась меньше двух часов, но благодаря ей я избавился от нужды и получил профессию, которая позволила мне в течение 53 лет честно зарабатывать на жизнь моей семье. В 1950 году я прочитал в газетах, что он – Вейис Кочулу – был избран депутатом парламента от Карса по списку Демократической партии¹. Да ниспошлет ему Аллах здоровье и удачу!

¹ На первых в Турции многопартийных выборах 1950 года право-консервативная Демократическая партия одержала убедительную

Работа между тем продолжалась. Каждое утро местные карапахаские и черкесские женщины доили своих коров и в ведрах или медных кувшинах несли молоко к заводским воротам. Там Иван специальным прибором, именуемым денсиметром, проверял плотность молока, после чего оно заливалось в котел. Однажды, когда он, как обычно, занимался этой процедурой, я вдруг услышал его громкий крик. Выйдя к воротам, я увидел, как он одно за другим опрокинул несколько ведер в канаву у края дороги, при этом выкрикивая русские, немецкие и турецкие ругательства. Подойдя к нему, я поинтересовался, что случилось.

– Что еще должно случиться?! – в сердцах воскликнул он. – Эти бессовестные карапахаские женщины подмешали к коровьему молоку буйволиное.

– И что от этого будет? – простодушно спросил я. – Ведь и то молоко, и это.

Мой вопрос окончательно вывел из себя Ивана.

– Что будет?! Пойдем, покажу тебе, что будет! Эти мошенницы сделали то же самое и позавчера, пользуясь моим доверием.

Он повел меня в подвал, где на полках были выстроены в ряд огромные швейцарские сыры. Один из них был весь в трещинах, в то время как остальные были совершенно гладкими.

– Вот, полюбуйся! – сказал Иван. – Запомни, в этот сыр нельзя добавлять никакое другое молоко, кроме коровьего. Считаю, что этот большущий сыр пропал. Мы не можем его никуда ни отправить, ни продать. Придется есть самим.

Я хорошо запомнил эти слова и теперь, когда захожу в продуктовые магазины и вижу на прилавках покрытые трещинами сыры, понимаю, что они сделаны из смешанного молока. Так что от Ивана я научился не только столярному ремеслу, но и многому другому.

Наступило время сенокоса. Я на несколько дней оставил работу, и вместе с Алиханом мы скосили траву на нашем лугу. Затем, попросив у соседней арбу и быков, мы отвезли сено на продажу. После этого я опять вернулся на завод.

победу над кемалистской Народно-Республиканской партией, долгие годы монополюбно находившейся у власти.

Теперь я считался столяром. У меня был друг Исмаил Бзаров¹. Он был и столяром, и кузнецом. Вместе с одним карапапом, черкесом по имени Бита и еще одним человеком, имя которого я забыл, они открыли мастерскую по ремонту тележных колес. От крестьян со всей округи у них не было отбоя. Заказов было так много, что они перестали с ними справляться. Ремонтить металлические детали они как-то успевали, поскольку этим занимались три человека. А вот работы по дереву мог выполнять один Исмаил и, конечно, не управлялся с ними. Увидев, что я сносно освоил столярное мастерство, они начали ходить за мной по пятам и просить оставить мою работу и присоединиться к ним в качестве компаньона, утверждая, что с ними я буду зарабатывать больше денег, чем на заводе. Но я не соглашался, говоря, что не могу предать тех, кто научил меня этому ремеслу.

– Да брось ты этих гяуров²! С нами тебе будет гораздо лучше. Думай о своей выгоде, – настаивали они.

Я на это отвечал:

– Важно не то, гяуры они или нет, а то, какие они люди. Пока я здесь голодал, ни один из наших земляков-мусульман не пришел и не поинтересовался, как я живу, что ем и каково мое положение. Эти же гяуры проявили по отношению ко мне подлинно человеческое сострадание и оказали огромную поддержку. Поэтому я буду работать с ними.

Нерешенной проблемой продолжало оставаться одиночество моей матери и необходимость в связи с этим во что бы то ни стало привести в дом невестку. Но что я мог поделать, если никак не влюблялся ни в кого из местных девушек, не говоря уже о том, что мое материальное положение было недостаточно крепким. Однако родственники и друзья твердили: «Ты совершаешь грех по отношению к своей матери». Да и она сама жаловалась на это обстоятельство каждому, кто заглядывал в наш дом. Наконец, мне подыскали и показали очередную де-

¹ В оригинале: Bizarlardan.

² Гяур (досл. «неверный», «немусульманин») – презрительное наименование иноверца у мусульман.

вушку. Все в один голос расписывали ее достоинства, утверждая, что она станет прекрасной хозяйкой. Говорили также, что ее руки добиваются и другие, но она отвергает все предложения, а мое предложение непременно примет, если только я пошлю сватов. «Ты просто обязан попросить ее руки!» – беспрестанно внушали мне и в конце концов выбили из меня «Да». Для начала я потребовал выяснить мнение самой девушки, и мне сообщили, что она с радостью выйдет за меня замуж, разумеется, если не будет возражать ее семья. Спросили ее старшего брата, и он ответил, что охотно выдаст свою сестру за меня. То же сказала мать. Вся ее родня была согласна. Оставалось только заручиться благословением отца. Но вот незадача – он куда-то уехал по делам и все не возвращался. В том, что он тоже даст согласие, ни у кого сомнений не было. Поэтому на наш брак смотрели чуть ли не как на свершившийся факт, и по всей округе распространился слух о том, что Болат помолвлен с такой-то девушкой. Посредники изо всех сил старались разыскать ее отца. То и дело приходили известия о том, что мой будущий тесть вот-вот приедет, но он никак не появлялся, и в результате это дело повисло в воздухе.

Между тем наступила осень. Коровы давали все меньше и меньше молока, и наш заводик приостановил производство. У меня там больше не было дела, и поневоле я тоже прекратил работать. Узнав об этом, мои приятели-колесники тут же явились к нам в дом и потребовали, чтобы я присоединился к ним.

– Я не умею делать колеса. Все мое столярное искусство сводится к изготовлению подставок для сыра, – возразил я им.

Но товарищи успокоили меня:

– Та работа, которую тебе придется у нас выполнять, даже легче изготовления подставок. Мы не делаем новых колес, потому что в здешних краях не сыскать твердых пород дерева. Мы лишь ремонтируем сломанные колеса, причем материал для этого добывают сами клиенты. Обычно нам приносят какое-нибудь старое тележное колесо. Мы снимаем с него обод, вытаскиваем спицы и вставляем их в то колесо, которое надо починить. Вот и вся работа. Точно так же и железные части: то, что слыш-

ком велико, мы обрезаем, а к тому, что маловато, прибавляем кусок нужной длины. Только и всего.

– Ладно, попробую, раз так, – сказал я. – Если получится, хорошо. А если нет, то не взыщите.

На следующий день я пришел в их мастерскую. Мне указали на большую повозку, на переднем колесе которой было сломано несколько спиц. Я вытащил эти сломанные спицы. Затем извлек целые спицы из какого-то сломанного колеса, укоротил их по длине спиц первого колеса и закрепил их в нем. Колесо было готово, а я мог отныне называться колесником. Работа пошла. Я старался, и с каждым днем мое мастерство совершенствовалось, а уверенность в собственных силах росла. Вскоре я стал знаменит и, конечно, испытывал гордость от этого. Зарабатывали мы и в самом деле неплохо. К нам приходили люди из самых отдаленных селений. Но была одна проблема. Для качественной работы нам нужна была твердая древесина, а ее, как я уже сказал, невозможно было достать. Однажды мой друг Исмаил Бзаров принес радостную весть. На сарыкамышской железнодорожной станции работал служащим один из наших черкесов. Оказывается, Исмаил утром повстречался с ним, и, когда тот в разговоре поинтересовался ходом дел на нашем маленьком предприятии, поведал ему о том, что работать успешнее нам не позволяет отсутствие нужного материала.

– Это не вопрос, – сказал в ответ тот человек. – Я найду вам столько твердой древесины для ваших колес, сколько пожелаете.

– Откуда? – с волнением спросил Исмаил.

– Станционные склады полны оставшегося после русских самого разного материала. Дай несколько курушей охраняющим их солдатам, и можешь подъезжать на телеге и загружать в нее все, что тебе нужно. (В то время железные дороги находились в ведении военного ведомства.)

– Отлично, коли так, – сказал довольный Исмаил.

Когда он рассказал нам об этом, мы, разумеется, тоже обрадовались, словно вытянули счастливый лотерейный билет. Однако, как говорится, свирель хороша, если она играет. После

работы мы пошли в гости к Исмаилу. В тот день его мать приготовила гуся. С собой у нас была бутылка араки, и мы устроили небольшое застолье. Случайно за столом оказались и другие товарищи Исмаила, и в тот вечер мы весело провели время. Там же было решено, что на следующее утро я поеду на телеге в Сарыкамыш, разыщу того человека, попрошу его помочь мне договориться с солдатами, а потом, дав солдатам денег, погружу на телегу древесину и доставлю ее в нашу мастерскую.

На следующий день я отправился в Сарыкамыш. Найти на станции того человека не удалось, но в конце концов я разыскал его сослуживца, с которым был знаком.

– Он только что был здесь. Может быть, ему срочно пришлось уехать в Карс, – предположил он и добавил: – А зачем он тебе?

Я по наивности не стал скрывать цель своего приезда. На мгновение на лице человека отразилось изумление. Затем он громко расхохотался и сказал:

– Ей-богу, это полная ложь! Мой друг вообще любит приврать. Как видишь, я тоже здесь работаю, но никогда не видел такого склада. Если бы он существовал, я бы с радостью помог вам. Но его просто нет.

Я поблагодарил его и уехал. В пути, однако, мне встретился тот самый человек, которого я искал. Я приветствовал его и после взаимных вопросов о делах и здоровье сказал:

– Я был у тебя на службе, но не застал на месте.

– А в чем дело?

– Да вот, хотел забрать материал, который ты обещал Исмаилу.

– Конечно, конечно! – ответил он. – Но дело в том, что военные, с которыми я знаком, уехали в отпуск и вернутся через месяц. Так что давай сделаем это потом.

– Но я спросил твоего коллегу, и он сказал, что там нет таких складов, – вырвалось у меня.

Мой собеседник смутился, покраснел и, заикаясь, пробормотал:

– Да он просто ничего не знает про них.

Мы попрощались, и я поехал дальше. В тот момент я был очень зол. Но потом подумал, что так, наверное, было лучше. Скорее всего, этот человек намеревался выманить у Исмаила деньги под предлогом их передачи охранникам, а потом просто обмануть его. Со мной же он постеснялся так поступить, поскольку доводился мне дальним родственником и хорошо ко мне относился. Вернувшись в Селим, я рассказал о происшедшем своим компаньонам. Нам было досадно, но в то же время и смешно.

В истории с моей женитьбой также не наблюдалось никаких сдвигов. Наконец мне надоело ждать, и я перестал интересоваться этим вопросом. Как я уже сказал, я не любил эту девушку, и поэтому был только рад освободиться от необходимости вступать с ней в брак.

Осень закончилась, и наступила зима. Телеги и повозки уступили место саням. Это означало конец и нашего колесного дела. Я вновь стал размышлять о том, чем заняться дальше.

Мой старший двоюродный брат¹ Аслан во время Первой мировой войны, чтобы не идти на фронт, приехал в Сарыкамыш и стал работать на строительстве дороги (как я написал в начале своих кавказских воспоминаний, на это дорожное строительство тогда приехал и я). В тот период в лесу между Сарыкамышем и Каракуртом² у русских имелся лесопильный цех, и Аслана вскоре назначили его начальником. Когда после революции 1917 года у нас вспыхнули беспорядки, он принял решение не возвращаться домой. Затем, с началом турецко-армянской войны³, он и другой мой двоюродный брат Бекир создали в селе Хамамлы Сарыкамышского округа организацию под названием

¹ Дословно: «сын дяди по отцу».

² Каракурт – большое село на реке Аракс в Сарыкамышском округе, в котором в описываемый период проживало наряду с турками и адыгами несколько осетинских семейств.

³ Турецко-армянская война – военный конфликт между независимой Республикой Армения и Турцией, длившийся с 24 сентября по 2 декабря 1920 года. Закончился поражением армянских вооруженных сил от войск кемалистов и подписанием Александропольского мирного договора, по которому карсский регион отходил Турции.

«Национальная шура» и стали воевать с армянами. Позже они объединились с силами Дели Халид-паши и вплоть до окончания войны действовали вместе. После победы и возвращения Карса в состав Турции Бекир Кубатиев стал постоянным членом исполнительного совета Карсского вилайета и председателем местного отделения Народно-Республиканской партии. Аслан же перебрался в Эрзурум, открыл лавку и занялся изготовлением черкесских седел, то есть шорничеством, а также холодной ювелирной ковкой и торговлей оружием, которая в те годы еще не была запрещена. После бегства армян из Эрзурума там не осталось ремесленников. Работы было много, но выполнять ее было некому. Поэтому Аслан хорошо зарабатывал. Через какое-то время он обзавелся собственным домом и женился.

В конце 1922 года, узнав, что я приехал в Турцию и поселился в Селиме, Аслан прислал мне письмо, в котором писал, что очень хочет увидеться со мной. Он, разумеется, слышал в общих чертах о том, что произошло у нас на родине, но хотел получить от меня ответы на множество конкретных вопросов: с кем что случилось, кто куда уехал, кто жив, кто умер и так далее. В письме также говорилось: «Я работаю один и никому не могу оставить лавку. Поэтому, если у тебя нет дел, то по возможности приезжай».

Теперь, спустя год, я вспомнил об этом письме и решил съездить в Эрзурум. Конечно, это требовало определенных расходов, но зимой в Селиме все равно нечего было делать, а благодаря этой поездке я мог хотя бы повидаться со своим двоюродным братом.

В последних числах ноября я отправился в путь. Сперва я пешком дошел до Бозата и заночевал там. В ту ночь разразилась сильная буря, а затем повалил снег. До Эрзурума мне предстояло ехать поездом, но, по слухам, железную дорогу занесло снегом. Поскольку никто ничего толком не знал, мне пришлось и вторую ночь провести в Бозате. На третий день я прибыл в Сарыкамыш. Здесь я почти никого не знал. У меня был русский товарищ по имени Костя¹, и я направился к нему. Он хорошо

¹ В оригинале: Kosti.

встретил меня, сразу же накрыл стол, и мы поели и выпили. Костя тоже был уверен, что поезда в такую погоду не будет. Поэтому под вечер я решил прогуляться до рынка, чтобы купить себе кое-какие вещи в дорогу. Там мне встретился Камболат Гериев¹.

– О-о, что привело тебя сюда в этот зимний день? – удивился он.

Мы немного поговорили, и он спросил, у кого я остановился. Я ответил, что у Кости.

– Так не пойдет! – решительно заявил он. – Хотя я сам здесь в гостях, но от имени моих хозяев приглашаю тебя к нам.

– Спасибо, но я прекрасно чувствую себя и у Кости.

Камболат засмеялся:

– Не спорь! Сейчас я иду проведать майора Идриса Хосонова². Он болен. Давай сходим вместе. А потом разберемся.

Я принял предложение, потому что сам хотел навестить Идриса, но не знал, где он находится.

Идрис лежал в постели. Он был очень рад нашему визиту. Следом за нами подошел и Хамид Накусов³. Когда мы достаточно побеседовали, Идрис сказал Камболату:

– Гериев! Там на окне лежит бутылка коньяка. Кто-то принес вчера. Я коньяк не люблю. Так что возьмите и выпейте с Темирболатом и Хамидом.

Идрис был холост. В Сарыкамыше он остановился в доме своего знакомого, а еду ему приносили из соседнего ресторана.

Хамид предложил распить коньяк у него дома. Мы не возражали, попрощались с Идрисом и ушли. Хамид тоже был холостяком. На рынке мы купили какую-то еду и направились в его однокомнатную квартиру. В тот вечер мы просидели допоздна и превосходно провели время за разговорами. Камболат не позволил мне вернуться к Косте и повел в дом Мевлуда Цахилова⁴, у которого гостил сам. С этой семьей я не был знаком и потому стеснялся их беспокоить. Но мне был оказан самый радушный прием.

¹ В оригинале: Geriati.

² В оригинале: Hosonlardan.

³ В оригинале: Nekuşalardan.

⁴ В оригинале: Dzehillerden.

Утром мы встали довольно поздно. После завтрака стало известно, что железная дорога полностью закрыта из-за снегопада. Делать было нечего, и, попрощавшись с хозяевами, я ушел с намерением вернуться в Селим. Напоследок, однако, я решил заглянуть на рынок и встретил там дагестанца¹ Джемалья, с которым был очень дружен.

– Темирболат, что ты здесь делаешь в это зимнее светопреставление?! – изумленно спросил он и обнял меня.

Затем он указал на стоявшего рядом с ним молодого человека и сказал:

– Познакомься, это мой двоюродный брат² Юсуф Иззет.

Я рассказал им о цели своего приезда и о том, что вынужден теперь возвратиться в село из-за закрытия дороги.

– Вранье все это! – воскликнул Джемаль. – Мой брат железнодорожный служащий. Сейчас я его как раз провожаю. Так что тащи сюда быстрее свои вещи, а то поезд скоро отъедет.

Я помчался к Косте, забрал свою сумку, и вместе с Джемалем и Юсуфом Иззетом отправился на станцию. Поезд действительно был готов тронуться в путь. Он стоял на построенной русскими временной узкоколейной линии. Паровоз работал на дровах, и из его трубы так и сыпали искры. Я направился было к кассе, чтобы взять билет, но Юсуф Иззет остановил меня:

– Не надо, нам не требуется.

Он посадил меня в служебный вагончик и познакомил со своими сослуживцами. В одном конце вагона штабелями до самого потолка были сложены дрова. В центре с шумом горела жестяная печь. Было очень тепло и уютно, и, усевшись вокруг печки, мы стали ждать отправления. Однако шло время, но никакого движения не было. Наступил вечер, а мы все еще находились на станции. Наконец, мы узнали, что снаружи началась

¹ В оригинале автором использован термин *лезги*, которым в Турции принято обозначать представителей всех народностей Дагестана. В округе Сарыкамыш из выходцев из Дагестана проживали лишь лакцы в селениях Енигази и Хамамлы (в последнем совместно с осетинами).

² Дословно: «сын дяди по отцу».

сильная вьюга и железнодорожное полотно занесло снегом. Лишь через несколько часов рабочие расчистили путь, и мы двинулись, воздав хвалу Аллаху. Но через каждые три-четыре километра погода вновь делала свое дело, и нам приходилось в очередной раз останавливаться и ждать, пока дорога будет освобождена. В результате двадцатикилометровое расстояние от Сарыкамыша да Хандере мы преодолели только к утру. В течение следующего дня, грохоча и пыхтя, поезд проехал станции Караурган, Хорасан и Пасинлер, а ночью, тужась из последних сил, перевалил через хребет Девебойну. Таким образом, затратив на это путешествие две ночи и один день, я ранним утром прибыл на эрзурумскую станцию. Юсуф Иззет сошел по делам еще в Хорасане, а его друзья – на других станциях. В результате в Эрзурум я въезжал в вагоне в гордом одиночестве.

Я вышел на перрон, не имея понятия, куда идти дальше. Спросить кого-либо я не мог, поскольку толком не знал языка. Да и людей на станции в этот час еще не было. Вдобавок ко всему у меня не было удостоверения личности, так как их нам, переселенцам, еще не выдали. Я решил дожидаться рассвета. Когда забрезжили первые тусклые солнечные лучи, я увидел, что с нижней от станции стороны простираются лишь камышовые заросли. В верхней же стороне я разобрал очертания какого-то минарета. Предположив, что город должен находиться с этой стороны, я двинулся туда.

Через некоторое время впереди показался пост. Полицейские остановили верблюжий караван и проверяли документы въезжающих в город. Испугавшись, что и у меня потребуют удостоверение, я свернул влево и стал двигаться вверх по какой-то улице. Куда она меня выведет, я не представлял, но главное – на данный момент я был избавлен от полицейского контроля. Я опасался полицейских, потому что, не зная турецкого языка, не был уверен в том, что смогу правильно объяснить им свои намерения. За год, проведенный в Селиме, я усвоил лишь несколько слов и выражений на карапахском наречии: «Куда идешь?», «Что делаешь?» и тому подобное. С таким турецким далеко не уедешь.

Дальше же началась настоящая комедия. Поднимаясь вверх по улице, я дошел до квартала, именуемого Махаллебаши. Там мне встретился какой-то пожилой бородач, и я спросил его на ломаном карапапахском:

– Где здесь рынок?

Человек сначала пристально уставился в мое лицо. Потом, заметив, что я одет в черкесский костюм, сделал мне знак рукой и сказал:

– А, да ты нездешний. Иди со мной!

Я последовал за ним. Дойдя до места, где сейчас находится начальная школа имени Вейис-эфенди, мы по широкой каменной лестнице спустились на площадь Тебризкапы.

– Вот тебе рынок! – с улыбкой сказал мой провожатый и удалился.

Оглядевшись по сторонам, я заметил кофейню, зашел в нее и сел за столик. Когда подошел официант и поинтересовался, что я желаю, я жестами объяснил ему, что мне необходимо умыться. Он провел меня в глубь помещения, где в тесной комнатухе находился раковина. Бросив взгляд в висевшее над ним зеркало, я с удивлением обнаружил, что мое лицо стало совершенно черным. Оно было покрыто густым слоем копоти от горевших в вагоне смолистых сосновых дров, и к тому же на нем отросла двухдневная щетина. Вид у меня был поистине страшноватый. Как мог, я умылся. Потом вернулся за столик и выпил чашку кофе. Немного погодя я попросил стаканчик чая, а затем еще один. Тем временем в расположенной напротив парикмахерской распахнулись двери. Расплатившись с официантом, я пересек площадь и хорошенько побрился. Цирюльник так тщательно вымыл мне лицо, что вид мой полностью преобразился. Заплатив двадцать курушей, я снова вышел на площадь.

Теперь можно было начинать поиски Аслана. Я знал, что его лавка находится где-то на рынке, и был уверен в том, что, если увижу брата, то без труда узнаю его. Но узнает ли меня он? Ведь мы не виделись десять или одиннадцать лет. Во времена нашей последней встречи я был зеленым юнцом, а сейчас приехал к нему двадцативосьмилетним усатым человеком. Я даже задумал

воспользоваться этим обстоятельством и устроить Аслану розыгрыш – неожиданно предстать перед ним, а, когда он поинтересуется, кто я такой, сказать, что я черкес из Хыныса¹ и назвать какие-нибудь вымышленные имя и фамилию. Однако, спускаясь вниз по улице, ведущей с площади Тебризкапы к площади Гюрджюкапы, и заглядывая в окна и двери всех расположенных по правую сторону от меня лавок, я не обнаружил Аслана. Тогда я перешел на противоположную сторону и вновь поднялся на Тебризкапы, но с тем же результатом. Этот маршрут я проделал три или четыре раза, но брата нигде не было видно. Между тем наступил полдень, и мне сильно хотелось есть. Я зашел в какой-то ресторанчик на Гюрджюкапы, но, чтобы сделать заказ, моего запаса турецких слов оказалось недостаточно. Официант отвел меня на кухню, и только там, одну за другой поднимая накрытые на блюда крышки, я выбрал себе суп, отварное мясо и плов. Поев, я сделал еще несколько кругов по рынку, однако Аслана так и не нашел.

День уже начал клониться к вечеру, и я стал осознавать, что мне надо выбросить из головы затею с розыгрышем и кого-нибудь спросить, где находится лавка черкеса Аслана. До этого я несколько раз проходил мимо ювелирной лавки, на головах работников которой были кавказские папахи. Предположив, что они могут помочь мне, я вошел в лавку, поздоровался и спросил:

– Черкес Аслан-бей магазин здесь где?

– Пятью лавками выше, – ответил один из работников, указав рукой направление.

Человек не проявил ко мне особого интереса, но по его произношению я понял, что он дагестанец. Считая двери, я дошел до пятой, открыл ее и вошел внутрь. Там сидели трое, но ни один из них не был похож на Аслана. Работавший за швейной машиной человек средних лет сказал:

– Проходите, пожалуйста!

– Черкес Аслан-бей магазин здесь? – задал я свой вопрос.

¹ Хыныс – административный округ на юге Эрзурумского вилайета. В описываемый период в его пределах проживало некоторое число осетин, переселившихся туда из Сарыкамыша.

– Конечно.

Я сделал еще один шаг вперед и присел на свободный стул.

Портной приветствовал меня:

– Здравствуйте!

Я ответил точно так же:

– Здравствуйте!

Видимо, приняв меня за денежного клиента, он встал из-за своей машинки, подошел ко мне и спросил:

– Что желаете?

Отрицательно замахав руками, я попытался объяснить:

– Аслан-бей. Я брат.

Портной сел на место. Спрашивать, где Аслан, я не стал, решив, что так или иначе он сам появится. Достав табакерку, я скрутил сигарку и закурил. Я сидел прямо у входа и внимательно смотрел на улицу, чтобы вовремя увидеть Аслана и успеть потушить свою самокрутку до того, как он ее заметит. Через несколько минут в лавку заглянул довольно грузный человек и, встав между дверью и мной, начал разговаривать с портным. Следом же за ним внезапно подошел мой брат. Поскольку я пропустил момент его приближения, то не успел погасить окурок и, быстрым движением бросив его себе за спину, вскочил на ноги. Из-за стоявшего между нами человека Аслан сразу не обратил на меня внимание. Он прошел к своему станку, открыл его крышку, но в тот самый момент, когда уже собрался опуститься в кресло, вдруг бросил взгляд в мою сторону. Сразу поняв по моей позе, что я на черкесский манер стоя выражаю ему свое почтение, он передумал садиться и по-осетински произнес:

– Добро пожаловать!

Я шагнул в его сторону, и он, внимательно изучая мое лицо, протянул мне руку. Я тоже со всей серьезностью смотрел ему в лицо. Не выпуская моей руки, он сказал:

– Прости, но я не узнаю тебя.

Я не удержался и, нарушив ранее заготовленный план, засмеялся. Тут и Аслан узнал меня и, вне себя от радости, сгреб в своих объятиях. Глядя на эту сцену, все присутствовавшие в

лавке застыли в изумлении. Повернувшись к ним, Аслан торжествующе сообщил:

– Это мой брат! Он приехал с Кавказа.

Они поздравили нас обоих со встречей и, по очереди пожав мне руку, тоже сказали:

– Добро пожаловать!

Аслан усадил меня в кресло рядом с собой и спросил, когда я приехал. Я рассказал ему о том, как искал его с утра. Подозвав к себе одного из молодых работников, он распорядился:

– Сходи-ка ко мне домой и сообщи, что приехал мой брат. Пусть приготовятся к встрече.

Затем он рассказал мне о причине своего позднего появления:

– С утра я был в суде. Два дня назад сюда явились два лаза¹, табачных контрабандиста. Один из них протянул мне американский револьвер старой модели и сказал: «Вот, заржавел. Сможете почистить?» Я отодвинул оружие тыльной стороной ладони и ответил, что ничем помочь не могу. Тогда его товарищ вдруг говорит ему: «Дядя Али! Не стыдно тебе носить этот пугач? Выбрось его лучше в лом!» Первый возмутился: «Ты что, парень?! Я из него, как из пулемета, за секунду выпускаю шесть пуль!» В этот момент он, видимо, случайно надавил на спусковой крючок, и пуля, пройдя навывлет сквозь голову его товарища, разнесла потом еще и раму вон того бокового окна. Раненный со словами «Вай, дядя Али, убил ты меня...» рухнул на месте. Мои ребята тут же подхватили беднягу на руки и отнесли в соседнюю аптеку. Вызвали полицейских. Когда те спросили его, кто в него стрелял, он проговорил только «Аслан-бе-е...» и испустил дух. Пока я дошел до аптеки, все было уже кончено. После этого прокурор, основываясь на словах полицейских и этого Али, объявил меня подозреваемым в совершении убийства. Вокруг все стали косо на меня смотреть. Наконец в лавку приехали следователи и взяли показания с работников, выяснив у них, где в

¹ Лазы – народность, проживающая в основном на крайнем северо-востоке Турции (в провинциях Ризе и Артвин) и близкая по языку и происхождению к грузинам.

момент происшествия находился стрелявший, где убитый, где я и так далее. Исследовав затем поврежденную оконную раму, они окончательно пришли к выводу, что парня застрелил его же товарищ Али и что я, таким образом, не убийца. В результате, как видишь, я на свободе.

Вечером Аслан повел меня в свой дом и познакомил с моей невесткой. Ее звали Мюнире, и она была сестрой Мустафы Хо-сонова, о котором я писал выше. С ними также жила ее помощница, чеченка по имени Рахиме. Больше никого в доме не было. После ужина я рассказал им от начала до конца обо всем, что произошло у нас на родине. Легли мы около трех часов ночи.

На следующий день наши родственники и земляки, проживавшие в Эрзуруме и узнавшие о моем приезде, пришли к нам, чтобы приветствовать меня и поздравить Аслана. Среди пришедших был и дагестанец Садуллах-бей, ювелир, который подсказал мне, как найти лавку Аслана. Он пришел с женой. Оказалось, что он был шафером моего брата. Увидев меня, он извинился за то, что днем раньше не смог уделить мне больше внимания. Эти посещения продлились несколько дней. После этого и мы нанесли ответные визиты.

В один из вечеров после ужина я сказал Аслану:

– Брат, мне больше нечего рассказать о делах на родине. В беседах с вами я развеял и собственную тоску. Но дома меня ждет мать. Завтра, я слышал, отправляется поезд. С твоего позволения я бы хотел уехать.

Аслан рассмеялся:

– Куда это ты собрался?

– В Селим.

– И что ты там будешь делать?

– Пока посижу дома рядом с матерью.

Аслан, смеясь, продолжил:

– Даже не думай об этом! Я тебя туда больше не отпущу. Так и знай!

Мне от его слов тоже стало смешно, и я поинтересовался:

– А что здесь-то я буду делать?

– Да ты только попался мне в руки! И теперь собираешься

опять оставить меня одного и уехать? Если бы я мог кому-нибудь доверить лавку, я бы сам давно поехал в Селим и привез вас. Весной я съезжу и перевезу сюда твою мать и Алихана. Не беспокойся об этом.

– Нет, брат, это невозможно, – стоял я на своем. – Я приехал сюда в ответ на твое письмо лишь для того, чтобы повидаться с вами, а не для того, чтобы остаться. Как я уже говорил, зимой мне в Селиме нечего делать, и я решил использовать это время. Спасибо тебе за оказанный прием, но задерживаться здесь я больше не могу.

Аслан, однако, не унимался:

– Ладно, ответь мне: кто и что у нас есть в Селиме?

– Брат! Никого у нас нет, это верно. Но правительство дало нам дом и землю. Летом у меня опять появится работа, которая позволяет нам содержать себя. Кому мне все это бросить?

– Да ни к чему тебе все это! – вскричал Аслан. – Ни тот дом, ни та земля! Наши бескрайние дедовские земли не пошли нам впрок, а ты надеешься извлечь пользу из доставшихся от молоток жалкого клочка земли и лачуги? Брось их, и пусть достаются кому угодно! Здесь мы найдем тебе работу. Потом привезем Алихана и твою мать. Устроим на работу и Алихана. Снимем дом. Сельская жизнь нам больше не к лицу.

Я слушал Аслана, но в глубине души меня мучили сомнения: какую работу найдем здесь мы с Алиханом, не зная языка и не имея профессии?

Предприятие Аслана было успешным. Мастерская располагалась в довольно просторном помещении, где Аслан и три его помощника занимались шорными работами. Говоря точнее, они изготавливали черкесские седла. К ним присоединился обанкротившийся портной, который, лишившись собственной лавки, вместе со своей ножной швейной машиной перебрался к брату и платил ему половину своего заработка. Поскольку брат занимался холодной ювелирной ковкой, его все называли «ювелир Аслан-бей». В действительности он, конечно, не был ювелиром. Он лишь разогревал на керогазовой плите паяльник и выполнял им мелкий ремонт серебряных из-

делий. Кроме того, он занимался торговлей оружием, которая тогда еще была разрешена. В целом все это приносило ему хороший доход.

Хотя я все порывался вернуться в село, старший брат ничего не хотел об этом слышать и искал мне работу. Впрочем, зимой сделать это было нелегко. Однажды он спросил меня:

– Брат, чуть выше нас есть пустующее помещение. Я бы снял его и открыл для тебя галантерейную лавку. Закупил бы в больших магазинах столько товара, сколько пожелаешь, а ты бы его продавал. Только вот не знаю, хватит ли на это твоего турецкого. К примеру, если покупатель спросит: «У вас есть булавки?» (эту фразу он произнес по-турецки), ты поймешь, что ему нужно?

– Нет, я не справлюсь, – ответил я. – Отпустил бы ты лучше меня домой в село, брат.

Но он и мысли об этом не допускал:

– Даже если ты сейчас поедешь, там ведь тебе все равно нечего делать. А здесь я тоже один, и твое присутствие поднимает мне настроение. Когда мы с тобой сидим и беседуем, мне бывает не так тоскливо.

– Брат, но что обо мне скажут люди в селе? Что я бросил свою мать и сбежал?

– Да пусть говорят, что хотят! Не их это дело. А ты и не помышляй о возвращении туда.

В этих бесплодных спорах шли дни.

Стоял 1924 год. Чтобы быстрее освоить турецкий язык, я записался на вечерние курсы для не умеющих читать и писать пожилых людей, которые открылись при одной из начальных школ. Тогда еще не произошел переход на латинский алфавит, и использовались арабские буквы¹. Ни я, ни мои великовозрастные однокашники не знали букв, но они, в отличие от меня, свободно говорили по-турецки, пусть и на местном диалекте. Однако по мере посещения занятий я стал различать арабские буквы. Поэтому чтение не вызывало у меня больших затруднений.

¹ Перевод турецкой письменности с арабской графики на латинскую («революция букв») был осуществлен в 1928 году в рамках кемалистских реформ.

Однажды наш учитель принес с собой несколько книг и раздал их тем, кто лучше читал. Я, естественно, оказался в их числе. Остальные же ученики должны были продолжать зубрить алфавит. Один из них обиделся на учителя и, указывая на меня, обратился к нему:

– Ну вот, ты дал книгу этому черкесу, который даже турецкого не знает. А мне почему не дал?

Учитель подозвал меня к себе и, открыв первую страницу книги, попросил прочитать заголовок. Я, водя пальцем под буквами, по слогам произнес:

– Ка-чест-ва на-ше-го Про-ро-ка.

Затем он вызвал выражавшего недовольство ученика и дал ему такое же задание. Тот не справился и сконфуженно сел на место. По прошествии некоторого времени я освоил и письмо. Благодаря полученному на Кавказе школьному образованию я довольно легко научился соединять буквы друг с другом в слова. Часто учитель ставил меня в пример:

– Посмотрите, Полад-эфенди пока не очень хорошо говорит по-турецки, но пишет без ошибок.

Единственной моей серьезной проблемой было то, что при чтении я выговаривал звук «ы» как «и»¹. Из-за этого порой, сталкиваясь в тексте с каким-нибудь незнакомым мне словом, я, сам того не понимая, во весь голос произносил нечто неприличное. Естественно, вся аудитория начинала покатываться с хохоту. Учитель поправлял меня и просил прочесть слово еще раз, но я читал точно так же, и хохот лишь усиливался. Не понимая причины смеха, я смущался и злился. Поэтому по сей день у меня сохраняется определенная робость во время разговора.

В конце концов мне надоело сидеть без дела в мастерской, и я стал понемногу изучать ее содержимое. Как-то мое внимание привлек лежавший на одной из полок деревянный предмет. Я взял его, повертел в руках, но не смог понять, для чего он предназначен.

– Что это? – спросил я Аслана.

¹ В старотурецком письме, основанном на арабском алфавите, оба звука передавались с помощью одной буквы.

– Каркас черкесского седла, – ответил он.

– Что это за каркас такой? – удивился я. – Насколько я знаю, каркасы делаются не из досок, а из куска цельного раздвоенного дерева. Этот же треснет и сломается, как только на него сядут.

Аслан рассмеялся:

– Ну-ну! Посмотрим, что ты скажешь, когда я сделаю из него седло и продам задорого курдам. Здешние курды ведь не сидят в седле, а ездят стоя на стременах. Будь у меня такие каркасы в достаточном количестве, ни о чем другом я бы и не мечтал. Но, увы, их никто не делает. Этот по моему описанию с трудом выстрогал один столяр из Тортума¹. Но и он больше не пожелал с этим возиться. Так что хоть возьми и выбрось.

Я еще раз осмотрел каркас и спросил:

– А что это за дерево?

– Орех.

– А его можно здесь достать?

– Сколько угодно.

– Клянусь тебе, брат, если бы у меня был материал и набор инструментов, я бы тоже смог такое изготовить.

Аслан внимательно посмотрел на меня и сказал:

– Да если ты сможешь это сделать, то мне нет необходимости искать тебе другую работу.

Немного поколебавшись, я спросил:

– Такие доски, должно быть, стоят дорого?

– Вовсе нет. Их продают двух видов – толстые и тонкие, по два метра длиной. Максимум две лиры за штуку.

Еще чуть-чуть поразмыслив, я сказал:

– Брат, выбрось две лиры ради меня, купи такую доску! Я хочу попробовать. Получится – хорошо, нет – будем знать, что это дело мне не под силу.

Аслан подозвал одного из работников:

– Хасан, сходи к деревщику и купи одну толстую и одну тонкую ореховые доски.

Через пять минут доски были в моем распоряжении. Один из наших земляков работал столяром в Государственной же-

¹Тортум – небольшой город севернее Эрзурума.

лезнодорожной компании. Я сбегал к нему и взял ручную пилу, топорик и рубанок. Тем временем Аслан принес из соседней кузнечной мастерской тиски и установил их на верстаке. В лавке имелось настоящее казацкое седло. Я нанес на толстую бумагу шаблон его лук, затем вырезал трафарет и, приложив его к ореховой доске, обвел карандашом. Выпилив грубую форму и обтесав ее с помощью топорика и рубанка, я стал постепенно смягчать ее линии рашпилем. Аслан то и дело подходил посмотреть на мою работу и радостно приговаривал:

– Эй-богу, ты сделаешь настоящее казацкое седло!

Разумеется, этими словами он хотел подбодрить меня, и я действительно работал с еще большим энтузиазмом. Закончив обе луки, я, откровенно говоря, сам остался доволен своей работой. По крайней мере на первый раз изделие получилось неплохим. Однако когда очередь дошла до крыльев седла, возникла проблема. Их необходимо было выстрогать так, чтобы они сидели на спине лошади как влитые. Но из-за того, что доски были тонкими, их невозможно было ни должным образом оттесать, ни согнуть. Я как мог обстрогал их и затем склеил дощечки. Тем не менее луки не сели прямо друг против друга: одна немного съехала вправо, а другая – влево. Аслан сделал вид, что не заметил этого недостатка. Стараясь поднять мое настроение, он сказал:

– Отличное казацкое седло! Второе будет еще лучше.

Несмотря на названный дефект, я тоже испытывал гордость от сделанного мной и не преминул принять несколько шуточных чемпионских поз, словно выигравший состязание спортсмен. Не откладывая, я взялся за второй каркас. На этот раз я работал еще внимательнее и аккуратнее и в результате изготовил экземпляр, практически не отличавшийся от образца. Этот каркас Аслан стал показывать каждому заглянувшему в лавку, говоря:

– Это сделал мой брат Темирболат.

Эта рекламная кампания немедленно дала плоды. По Эрзуруму пошла молва: «С Кавказа приехал брат черкеса Аслан-бея

по имени Демирполад. Он и вправду полад¹! Вид, как у борца, дай Аллах ему здоровья! А какой умелец! Черкесские седла делает, каких вы еще не видели!» К нам стало заглядывать множество людей, заинтригованных этими слухами и желавших посмотреть на меня и сделанные мной седельные каркасы. Не скрою, мне это льстило.

Состоявший в лавке Аслана на месячном жаловании мастер-шорник иранец Абдуллах Таги изготовил на основе одного из моих каркасов великолепный полнокомплектный набор конской сбруи и повесил его на стену. Спустя несколько дней к нам заглянул один богатый курдский ага², знакомый Аслана. Увидев висящее на стене седло, он поинтересовался:

- Аслан-бей, чье это?
- Наше, – ответил брат.
- То есть оно продается?
- Конечно.
- Очень красивая вещь. Где вы ее взяли?

Аслан, указывая на меня, сказал:

– Это мой брат. Он недавно приехал с Кавказа. Каркасы делает он, а остальное – мы.

Ага пожелал купить седло, и после недолгого торга оно было продано ему за сорок пять лир. Тогда это были очень большие деньги. К примеру, один золотой решадийе³ стоил семь с половиной лир. Ага привел с постоялого двора свою лошадь, оседлал ее, попрощался с нами и уехал. Не прошло, однако, и часа, как он вернулся совершенно расстроенный:

- Аслан-бей, седло сломалось, – сконфуженно сообщил он.
- Тебя кто-то сглазил, ага, – ответил брат.
- Ей-богу, так, – согласился он.

Сказав, что ремонт займет два дня, мы выпроводили его. Как я уже писал, на Кавказе при изготовлении седельных кар-

¹ *Полад* в переводе с турецкого означает «сталь» (от перс. *pûlâd*).

² Ага – состоятельный и пользующийся общественным авторитетом человек в сельской местности (особенно на востоке Турции).

³ Решадийе – золотая монета, чеканившаяся в Османской империи при султанах Мехмеде V Решаде (1909-1918).

касов использовались раздвоенные цельные куски дерева. Здесь же мы собрали его из досок, и конструкция, не выдержав тяжести седока, с треском разошлась. Менять каркас не имело смысла, так как он снова бы сломался. Вместо этого мы склеили его, затем заказали соседу-кузнецу железную скобу и прикрутили ее к низу каркаса винтами. Теперь изделие получилось очень прочным. Отныне мы все каркасы стали так же укреплять железом.

С каждым днем мы продавали все больше седел, и Аслан прекратил поиск другой работы для меня. Поскольку я жил в доме брата, я ничего не тратил на питание. Кроме того, он начал платить мне по двадцать лир в месяц. Постепенно я научился также ремонтировать седельные ремни и запаивать поврежденные серебряные детали. Каждое утро я вставал первым и шел открывать мастерскую. Аслан вставал позже и подходил лишь после завтрака. До его прихода я успевал заработать неплохие деньги на ремонте серебряных изделий. Когда появлялся брат, завтракать отправлялся я. Собственно, дом находился всего в ста метрах от работы.

Так прошли зима и весна. Едва установилась теплая погода, Аслан, как и обещал, поехал в Селим и привез мою мать и брата Алихана. Сделать это было не очень трудно, так как вещей у нас почти не было. Вскоре мы сняли отдельный дом и переехали в него. Алихан начал помогать мне в изготовлении каркасов и за короткое время кое-чему научился.

Внезапно количество работы у нас резко возросло. Трудясь ввосьмером днем и ночью, мы все равно не успевали выполнять заказы. Курды целыми толпами приезжали из деревень: кто-то просил сделать новое седло, кто-то – починить старое. Мастерская была завалена самыми разными седлами, и нам едва хватало рабочего места. При этом никто, как раньше, не торговался из-за цены. Напротив, клиенты чуть ли не с радостью выкладывали названную нами сумму, лишь бы их заказ был выполнен в срок. Нам все это казалось удивительным. Лишь позже мы поняли истинную причину этого седельного бума. Оказывается,

они готовились к восстанию под руководством шейха Саида¹. Вскоре восстание началось и было подавлено турецкими вооруженными силами. Шейх Саид и его соратники были казнены, а курды где-то притаились. В Эрзуруме их почти не было видно. В результате и наша работа остановилась.

С помощью нашего земляка Хулюси-бея, работавшего инспектором на узкоколейной линии Эрзурум-Сарыкамыш, мы устроили моего брата Алихана на работу в столярный цех Государственных железных дорог. Для начала его приняли в качестве подмастерья. Благодаря Хулюси-бею он получал в день девяносто курушей и одновременно осваивал ремесло.

Мы же сидели в лавке без дела. Работы почти не было, но Аслан продолжал платить мне двадцать лир в месяц.

Стоял 1925 год. Хозяин дома, который мы снимали, потребовал освободить его, поскольку продал дом, где проживал сам, и намеревался переселиться в занятый нами. Я тут же начал искать новое жилье. Домов сдавалось много, но моя мать не хотела переезжать в отдаленный от дома Аслана квартал, так как не знала турецкого.

– Как я буду целыми днями сидеть одна, словно проклятая, в незнакомом окружении? – плача сказала она.

В тот день Аслану нездоровилось. Он лежал дома и не мог помочь мне в поисках квартиры. Мне стало очень грустно, и самому захотелось плакать. Объяснив брату положение, я сказал:

– Мы больше не сможем здесь оставаться. В Селиме тоже все наши права утрачены. Но другого выхода нет – надо возвращаться в Сарыкамыш. Я построю хижину рядом с кем-нибудь из наших родственников в Хамамлы и буду работать. А привыкнуть к жизни в съемном доме я не смогу.

¹ Восстание шейха Саида – широкомасштабное вооруженное выступление курдов Турции под исламскими и национальными лозунгами. Длилось с февраля по апрель 1925 года и охватило значительную часть юго-восточной Анатолии. Жестоко подавлено турецкими властями. Эрзурумский вилайет непосредственно не был затронут этим движением.

– Не переживай, будем жить здесь вместе, – попытался приободрить меня Аслан.

Однако от его приглашения легче на душе не стало, и я вышел на улицу. У меня были два знакомых татарина – переселенцы из Крыма, братья Ильяс и Якуб. Ильяс был шофером, а Якуб держал мастерскую по ремонту керагазовых плит. Я частенько заглядывал к ним, чтобы поболтать по-русски. Вот и на этот раз я решил навестить их, надеясь немного отвлечься от тревожных мыслей. В мастерской я застал лишь Якуба. Он был занят работой. Мы поздоровались. Через некоторое время, взглянув на меня, он спросил:

– Что это с тобой сегодня? Ты как-то невесел. Не приболел ли?

– Нет, здоровье в порядке, – ответил я, – На душе только тоскливо.

Он поинтересовался причиной, и я рассказал ему о нашей проблеме. Выслушав меня, Якуб с недоумением спросил:

– Послушай, а разве вам здесь не предоставили дом как переселенцам?

– Нет.

– А вы не обращались?

– Нет.

– Как это? Почему не обратились?! – еще больше изумился Якуб.

– Не знаю, – растерянно произнес я. – А что, могут дать? Да и куда и как обращаться?

– Это ваше законное право! Я вот получил огромный дом напротив церкви.

Подумав, он спросил:

– У тебя при себе есть пятьдесят курушей?

– Есть.

– Тогда давай-ка сходим вместе в здание правительства.

Он запер лавку, и мы отправились в административный квартал. На улице прямо перед дворцом правительства в ряд сидели писцы прошений. Подойдя к одному из них, Якуб сказал, указывая на меня:

– А это переселенец с Кавказа. Напишешь ему такое же заявление, что и мне, на получение жилья.

Писец спросил, как меня зовут и откуда я приехал, и быстренько набросал прошение. Затем он поинтересовался, есть ли у меня своя печать. Получив отрицательный ответ, он тут же вырезал мое имя на желтой болванке и приложил ее сперва к подушечке со штемпельной краской, а потом к заявлению. Мы заплатили ему положенные пятьдесят курушей и понесли заявление к губернатору. Он перенаправил нас к заведующему финансовой частью, а тот – в комиссию по поселению иммигрантов. Постучав в дверь, мы вошли. В кабинете из стороны в сторону расхаживал с заложенными за спину руками высокий человек в одежде цвета хаки. Сразу же узнав Якуба, он спросил:

– Ну, что стало с твоим делом?

Якуб начал рассказывать что-то, не имевшее отношения ко мне. Пока он говорил, я стоял за ним с заявлением в руке. Выслушав моего товарища, хозяин кабинета взглянул на меня и спросил:

– Что у вас?

Я протянул свою бумагу. Он просмотрел ее и положил на стол:

– Подойдете после обеда. Первый секретарь Ломан-бей как раз будет здесь. Пусть он займется этим.

Мы попрощались и вышли. Когда мы спускались по лестнице, Якуб радостно хлопнул меня по плечу:

– Поздравляю! Считаю, ты уже получил дом.

– Откуда знаешь?

Он рассмеялся:

– Этого человека зовут подполковник Дели¹ Кямилъ. Он и в самом деле сумасшедший. Тебе повезло, что мы застали его в хорошем настроении. А то он мог и выгнать нас.

Из дома правительства я направился к Аслану. Он все еще лежал. Выслушав мой рассказ, он сказал:

– Дай Бог, чтобы тебе предоставили дом! Но я что-то не

¹ Дели – по-турецки «сумасшедший, безумный, буйный».

верю. Мне, например, отказали под предлогом того, что я ювелир и достаточно богат.

Позднее, однако, я узнал, что Аслан сказал о своем намерении потребовать у администрации жилье своему знакомому, работавшему в налоговом управлении. Тот же убедил его в перспективности этой идеи из-за наличия у Аслана неплохого дохода, и брат, поверив ему, так и не подал заявления.

После обеда мы с Якубом пошли к Ломан-бею. Он тоже был одет в костюм цвета хаки, хоть и сильно полинявший, и желтые армейские ботинки. Вообще большинство чиновников в администрации было набрано из отставных военных. Изучив мое заявление, Ломан вручил нам два ключа и сказал:

– Один из домов находится в квартале Мумджу в самом начале улицы Ахмед-бея, а другой – немного дальше. Идите, посмотрите и берите тот, который вам больше понравится.

Оба дома были в крайне запущенном состоянии. В одном в комнатах отсутствовали двери, в другом – окна. Денег на ремонт у меня заведомо не было. Что делать? Я подумал, что, возможно, Ломан смог бы подыскать мне более приличный дом, если бы за меня замолвил слово какой-нибудь хорошо знающий его человек. В лавку Аслана частенько заглядывал Хулюси-бей, работавший инспектором в Государственных железных дорогах. Он был участником похода Нури-паши (брата Энвер-паши) на Кавказ¹. Хотя он и называл себя черкесом, но черкесского языка не знал и, скорее всего, был карапапахом. Меня он очень любил и даже как-то предложил взять к себе на работу, но Аслан не разрешил, так как тогда мы были с головой заняты изготовлением седел. Мне вспомнилось, что пару раз я видел на улице Хулюси-бея вместе с этим Ломаном. Поэтому я решил не спешить возвращать ключи в надежде, что смогу в ближайшие дни повстречаться с Хулюси и попросить его о помощи.

¹ Имеется в виду военная интервенция в Азербайджан и Дагестан, осуществленная летом-осенью 1918 года силами специального экспедиционного корпуса под командованием Нури-паши, сводного брата военного министра Османской империи Энвер-паши.

С началом часа обеденного перерыва в госучреждениях я стал бродить по базару и примерно на третий день у спуска на площадь Гюрджюкапы столкнулся с Хулюси-беем.

– О-о, Демирполад, откуда ты? – спросил он, увидев меня.

Мы пожали друг другу руки, и я сказал:

– Вообще-то я ищу вас.

– В чем дело? Рассказывай!

На ломаном турецком я начал объяснять:

– Отдел иммигрантов есть человек, вы его знаете.

– Интересно, кто?

– На голова папаха, одежда цвет земля, на ноги желтые ботинки. Забыл, как звать.

Немного задумавшись, Хулюси сказал:

– А-а, Ломан?

Я кивнул головой и продолжил:

– Я же иммигрант. Он дал мне дом. Вот ключи. Но дом плохой, все сломан. Скажите, пусть дадут хороший дом.

– Ладно, пойдём, – сказал Хулюси-бей, и мы пошли вверх по базару.

Ломан-бей как раз пил послеобеденный чай на балконе отеля «Топхане» на площади Тебризкапы. Завидев оттуда Хулюси-бея, он встал и, держа в одной руке свой стаканчик с чаем, знаком другой пригасил его подняться наверх. Мы поднялись, и он вежливо предложил нам свободные стулья, но Хулюси-бей с гневным выражением лица сразу же приступил к разговору:

– Послушай-ка, собачий сын! Ты что, из отцовского наследства раздаешь людям дома? Или, может быть, ты один стрелял в гяуров и конфисковывал армянское имущество? Нам ничего не положено? Второго такого, как Демирполад, у нас нет, а ты хочешь всучить ему самый паршивый домишко, какой только смог отыскать?!

Еле сдерживая смех, Ломан-бей сказал:

– Да вы пока присядьте!

Мы сели. Официант принес нам чай. Видимо, Ломан-бей, увидев меня вместе с Хулюси-беем, и сам догадался о цели нашего визита.

– Хулюси, – сказал он, – видит Бог, я делаю доброе дело этому господину. Тот угловой дом, возможно, сам по себе и в неважном состоянии, но зато он находится в самом лучшем месте Эрзурума. Сходите, посмотрите, и, если это не так, клянусь, я найду вам отличный дом во внутренней части квартала. Но имейте в виду, что брошенного дома с таким удачным расположением в городе больше не сыскать.

Наскоро допив свой чай, Хулюси-бей сказал:

– Вставай-ка, Демирполад, и пойдём! Я тоже взгляну на этот дом.

Мы пошли по проспекту Джумхуриет. В тот день из Карса приехал мой двоюродный брат Узун-Бекир. Вместе с Асланом они как раз возвращались от кого-то из родственников и встретились нам по пути. В результате в дом, расположенный в начале улицы Ахмед-бея (нынешней Анкарской), мы пришли все вместе. Это и в самом деле был очень красивый, просторный четырехкомнатный дом, однако в нем не было ничего, кроме входной двери, стен с осыпавшейся штукатуркой и потолка. Отсутствовали даже оконные рамы. Бекир осмотрел дом и сказал:

– Если эти комнаты отремонтировать, им цены не будет. А отремонтировать их можно.

Обернувшись ко мне, он продолжил:

– Смотри, не сглупи! Это очень хороший дом и стоит сотни таких, что вам дали в Селиме. Бери, не раздумывай!

Аслан и Хулюси были такого же мнения. Я согласился, и мы стали эрзурумцами. Что было дальше, не спрашивайте. Ремонт затянулся на многие годы. Но у нас теперь было свое жилье. Правда, моя мать из-за незнания языка не могла общаться с соседями и по-прежнему жаловалась на одиночество и часто плакала.

Несмотря на то, что дела у Аслана шли не так хорошо, как раньше, а я нигде не работал, он продолжал ежемесячно платить мне по двадцать лир. Меня огорчало то, что я являюсь обузой для брата. К тому же двадцати лир с трудом хватало нам на проживание. У меня появилась мысль перебраться куда-ни-

будь в другое место, например, в Каракёсе¹, где у нас имелись какие-то родственники, и открыть там мастерскую. Я сказал Аслану:

– Брат, я хочу уехать. Мастерская больше не может кормить две семьи.

Аслана огорчили мои слова:

– Куда ты поедешь? Где, по-твоему, лучше? Все в Божьих руках. Так или иначе на кусок хлеба мы заработаем, а заработанное будем есть вместе. Подожди, посмотрим, что будет дальше. Аллах милостив.

Из-за отсутствия работы я почти перестал заглядывать в мастерскую и убивал время, празднично шатаясь по улицам. Рядом с нашей лавкой находилась муниципальная аптека. Заведовавший ею пожилой аптекарь Хамди-бей был очень добродушным человеком и хорошо относился ко мне. Должно быть, он заметил, что я мало времени провожу в мастерской и в основном слоняюсь без дела, и однажды, когда я проходил мимо аптеки, подозвал меня и спросил:

– В чем дело, Полад? Я все время вижу тебя без дела. Ведь раньше ты много работал. Что-то случилось?

– Да, дядя Хамди. К сожалению, в мастерской моего старшего брата сейчас нечего делать. После восстания шейха Саида курды забыли к нам дорогу. Седла никому не нужны. Работы нет. Я не хочу даром получать жалованье, но брат настаивает. Чтобы не быть ему в тягость, я решил уйти из лавки, но и другую работу не нашел. Так что я сейчас безработный. Если появляется какой-то заказ, я прихожу и помогаю брату. Но это не стоит того, чтобы получать деньги.

– Так вот оно что? Значит, с этим не вышло. Но тебе обязательно нужна какая-нибудь работа.

По выражению лица Хамди-бея было видно, что он огорчен моими трудностями. Через два дня, едва завидев меня на улице перед входом в аптеку, он вновь окликнул меня. Я пошел.

¹ Каракёсе (ныне Агры) – город и одноименная провинция на востоке Турции.

– Немедленно иди в вилайетскую администрацию, найди там главного эксперта Мехмед-бея и скажи ему, что тебя прислал я, – сказал он.

– А что будет? – задал я вопрос.

– Он даст тебе работу.

Мехмед-бей встретил меня очень хорошо. Усадив меня в кресло и распорядившись принести для меня чай, он велел посылному пригласить к нему в кабинет начальника службы сбора налогов. Когда тот вошел, Мехмед-бей сказал:

– Возьмите этого молодого человека и проверьте его грамотность. Если все будет в порядке, мы сделаем его сборщиком налогов.

– Будет исполнено, – ответил тот и повел меня в свою комнату.

Мы немного поговорили. Затем он протянул мне лежавшую на столе старую газету и попросил прочесть что-нибудь. Я прочитал вслух несколько строк из раздела новостей. После этого он подал мне ручку и бумагу и попросил переписать пару строк из газеты. Когда я написал, он сказал:

– Великолепно!

По правде говоря, я и в самом деле писал довольно красиво и разборчиво.

– У тебя есть лошадь? – последовал далее вопрос.

– Нет, – ответил я.

– А деньги на покупку лошади и седла?

– Тоже нет.

– В таком случае приходи в понедельник за авансом. Купишь себе лошадь и седло, а потом поедешь в села собирать недоимки.

Я поблагодарил и вышел, но меня одолевали сомнения: «Как я буду выполнять эту работу? Как, не зная страны, буду ездить по селам? Наконец, как буду объясняться с людьми на своем ломаном турецком?» В понедельник я так и не решился выйти на службу. Хамди-бей, узнав об этом, с удивлением спросил:

– Почему ты не пошел туда?

Я ответил:

– Я ведь даже турецкого не знаю. Какой из меня сборщик налогов?

– Тогда давай я скажу губернатору. Может быть, он даст тебе место в полиции.

– Дядя Хамди, и тут то же самое. Полицейский должен знать язык. Большое вам спасибо. Будьте здоровы!

– Ах, ах, – сокрушенно приговаривал он.

Ему искренне хотелось помочь мне, но сделать он ничего не мог. Это был добрейший человек. Да упокоит Аллах его душу!

В период этого моего вынужденного безделья из Бозата в поисках работы приехал сын старшего брата моей невестки Шамиль Хосонов¹ (Огюн). Он остановился у своего дяди по отцу Сулеймана. Это был смелый, трудолюбивый и способный юноша. Днем мы с ним обычно вместе бродили по городу или проводили время в лавке Аслана. Однажды, когда мы так же без дела сидели и разговаривали в мастерской, пришел один из охранников губернатора – Хаджи-эфенди. Аслан хорошо знал его и предложил пройти и сесть. Но тот отказался:

– Сейчас не могу. Вас срочно вызывает к себе губернатор.

Народ Эрзурума называл губернатора Зохти-паша².

Брат немного встревожился:

– Интересно, в чем дело? Губернатор меня не знает. Надеюсь, все в порядке.

Он немедленно встал и пошел вместе с Хаджи-эфенди. Через некоторое время Аслан вернулся, широко улыбаясь.

– Не волнуйтесь, все хорошо, – поспешил он нас успокоить.

– Расскажу по порядку. Зашел я в кабинет Зохти-паши, поздоровался. Сперва он сухо спросил: «Что желаете?» «Ваша светлость, вы вызывали меня, – сказал я. – Я Аслан, шорник». Тут он оживился: «О-о, Аслан-бей, проходите, присаживайтесь в кресло.

¹ В оригинале: Hosonlardan. Большинство членов осетинского рода Хосоновых в Турции носят официальную фамилию Огюн (Öğün).

² В действительности губернатора Эрзурумского вилайета звали Мехмед Зюхтю (впоследствии принял фамилию Дурукан). Он находился на этой должности с 1923 по 1928 год.

Что будете пить – чай, кофе?» Я поблагодарил и попытался отказаться, но в конце концов мы сошлись на чае. Затем Зохти-паша перешел к делу: «Аслан-бей, мне приходилось видеть, как черкесы, работая в поле, надевают на голову своеобразные войлочные шляпы, чтобы защитить себя от солнца. Меня интересует: как их делают, кто делает и где бы мы могли раздобыть хотя бы один такой образец?» Я ответил: «Господин губернатор, у нас на родине шляпы, о которых вы говорите, делают женщины, но я сомневаюсь, чтобы здесь сейчас нашлась хотя бы одна такая мастерица». Однако он настаивал: «Пожалуйста, Аслан-бей, подумайте! Вы должны найти какой-то выход. Это очень важно». Тут я вспомнил про твою мать (Аслан посмотрел на меня) и сказал губернатору: «Недавно к нам с Кавказа приехала одна очень пожилая женщина. Боюсь, что возраст не позволит ей изготовить шляпу лично, но, если она объяснит мне технологию, я постараюсь решить проблему».

Снова повернувшись ко мне, Аслан спросил:

– Интересно, а умеет твоя мать делать войлочные шляпы?
– Раньше она их нам делала, но сможет ли сейчас, не знаю,
– ответил я.

– Парни! – продолжил Аслан, обращаясь ко мне и Шамилю.
– Если мы справимся с этим делом, то заработаем кучу денег. Перед тем, как мы расстались, Зохти-паша сказал мне следующее: «Аслан-бей! Согласно решению Великого национального собрания Турции¹, все служащие должны начать носить шляпы. Во все вилайеты разослан приказ, который пока держится в секрете. Когда к ношению шляп приучат чиновников, эту меру, видимо, распространят на весь народ. Пока же каждый губернатор обязан обеспечить своих сотрудников фетровыми шляпами хоть местного, хоть иностранного производства. Если вы сможете быстро наладить производство шляп, мы установим на них весьма выгодную для вас цену и обяжем наших служащих покупать их у вас. Я не допущу на работу ни

¹ Великое национальное собрание Турции – парламент Турецкой Республики. Впервые создан в Анкаре в период войны за независимость в апреле 1920 года.

одного сотрудника без шляпы на голове. Так что это дело принесет вам очень хороший доход. Только пока никому ни о чем не рассказывайте»¹.

Едва Аслан договорил, как Шамиль схватил меня за руку и сказал:

– Темирболат, давай сейчас же сходим к твоей матери и спросим ее обо всем. Пусть она только расскажет, что и как надо делать, а мы изготовим эту шляпу. Не сомневайся. Даже ленточку на поля пришьем.

Мы пошли. Выслушав нас, мать сказала:

– Для начала принесите ягнячью шерсть, хорошенько промойте ее, а когда она высохнет, расчешите.

Мы не откладывая купили шерсть за тридцать курушей, сами вымыли и высушили ее, а потом отнесли к чесальщикам, которые ее прочесали и взбили. После этого мать расстелила на полу кусок бязи и высыпала на нее шерсть ровным слоем. Побрызгав шерсть сверху водой, она свернула ее вместе с бязью в толстый рулон, обвязала бельевой веревкой, чтобы он не развязался, и сказала нам:

– Теперь встаньте на этот сверток и катайте и топчите его ногами.

Шамиль, Алихан и я по очереди стали изо всех сил пинать

¹ Ношение одежды европейского образца было введено в Турции в рамках широкого спектра проводимых под личным патронажем Мустафы Кемаля Ататюрка политических, социальных, правовых, культурно-образовательных и экономических преобразований, имевших целью создание вместо феодально-клерикальной многоэтничной Османской империи светского и демократического турецкого государства-нации. 2 сентября 1925 года совет министров принял постановление, предписывавшее всем государственным служащим ношение шляп. 25 ноября того же года парламент утвердил закон о головных уборах и костюмах, который запрещал ношение гражданами фесок, чалм, тюрбанов, папах и других традиционных головных уборов, рассматривавшихся как символ реакционности и отсталости. Немедленно начавшееся внедрение этих решений в жизнь вызвало стихийные протесты в ряде областей страны, решительно подавленные властями.

рулон. Это продолжалось довольно долго, и мы порядком устали и вспотели. Наконец, мать сказала:

– Ну-ка откройте! Посмотрим, что там внутри.

Мы развернули рулон и обнаружили в нем превосходного качества войлок. Следуя указаниям моей матери, я выстрогал из деревянной колоды гладкую болванку в виде человеческой головы, на которую мы натянули предварительно смоченный войлок и стали гладить его руками движениями сверху вниз до тех пор, пока он не принял округлую форму. Закрепив на болванке толстой веревкой готовую часть шляпы, мы расправили и выровняли ее поля и оставили изделие на какое-то время сушиться на солнце. Затем я прошелся бритвой по его внешней поверхности, сделав ее максимально гладкой, и аккуратно обрезал по кругу поля. Шамиль, который видел на фотографиях настоящие европейские шляпы, купил в галантерейной лавке на базаре широкую коричневую ленту и сам пришел ее. Получилась очень похожая на настоящую фетровая шляпа.

Когда Аслан отнес ее Зохти-паше, тот был несказанно рад.

– Аслан-бей, это в самом деле сделали вы? – с изумлением спросил он, надев нашу шляпу и разглядывая себя в зеркале.

Затем он поинтересовался:

– Сколько таких головных уборов вы в состоянии изготовить?

Аслан ответил, что, поскольку все работы выполняются вручную, в короткий срок невозможно изготовить большое количество шляп, но обещал, что мы будем трудиться днем и ночью и постараемся сделать все, что в наших силах, чтобы удовлетворить спрос.

– И по какой цене вы бы хотели их продавать? – был следующий вопрос.

– Нам этот экземпляр обошелся в пять лир, – ответил брат.

– Нет-нет! Так не пойдет, – возразил губернатор. – Вы только постарайтесь увеличить количество, а я распоряжусь, чтобы у вас покупали за семь с половиной лир.

На этом они и договорились.

Когда Аслан вернулся и рассказал нам об этом, мы с Ша-

милем отправились на рынок и закупили много шерсти. Затем мы отнесли ее на берег протекавшего в конце нашей улицы ручья Чайкара, помыли и там же разложили сушиться на горячих камнях. Выяснив у валяльщиков, что шерсть гораздо быстрее превращается в войлок при высокой температуре, мы отнесли десять рулонов в баню, разделись и начали катать их по полу, давить и топтать. Через несколько часов наш войлок был готов. Я изготовил еще несколько деревянных болванок, расставил их в нашем саду, и мы стали один за другим натягивать на них куски войлока, повторяя действия, которые я описал выше. За день нам удавалось изготовить от восьми до десяти шляп.

Тем временем губернатор объявил чиновникам о начале производства шляп в городе, и они стали группами приходить в мастерскую Аслана, где мы записывали их имена и снимали мерки. Однако из-за того, что процесс изготовления войлока был долгим и трудоемким, поначалу многие заказы выполнялись с опозданием. Тогда мы начали заказывать войлок профессиональным валяльщикам, и работа пошла быстрее. Занимались этим главным образом я и Шамиль, а мой брат Алихан иногда помогал нам после работы. За каких-то два месяца мы обеспечили шляпами множество служащих. За это время мы неплохо заработали и заодно сами сменили кавказскую одежду на современный костюм. Правда, через какое-то время Шамиль вернулся в Сарыкамыш, и мне стало значительно труднее работать.

Однажды я надел на голову красивую серую шляпу и вышел прогуляться по рынку, думая слегка щегольнуть нашим фирменным товаром и попутно сделать ему рекламу. Я не имел понятия о том, что население крайне недовольно этим нововведением, и потому не понял, почему многие на меня косо смотрели. Хозяин соседней с нами бязевой лавки Хаджи Галиб-эфенди, высокий, приятный и всегда очень опрятно одетый человек, к тому же алим¹, после этого случая заглянул в мое отсутствие к Аслану и между делом поинтересовался:

¹ Алим – мусульманский ученый-богослов.

- А почему вдруг Демирполад стал носить шляпу?
- Он стал чиновником, – нашелся с ответом брат.
- Вот как? Ну, тогда ничего страшного, – успокоился Галиб-эфенди и ушел.

Оказывается, народ стал догадываться, что вскоре носить шляпы начнут принуждать всех. Люди проводили тайные собрания и готовились оказать сопротивление властям. В один из дней наш сосед Галиб-эфенди, всегда ходивший в обвязанном вокруг фески белом тюрбане, явился к нам в каракулевой черкесской папахе, чем немало удивил нас.

– Что случилось, хаджи? Что за вид у тебя? Объясни ради Аллаха, – сказал Аслан.

– Аслан-бей, мы выяснили, что правительство решило надеть эти шляпы на всех нас. Мы собрались, обсудили между собой положение и решили послать в Анкару делегацию. Хотим заявить, что не наденем шляпы, но если нам разрешат, то готовы носить вместо шляп такие папахи. Вот я и начал приучать себя к вашему головному убору.

– Что ж, было бы неплохо, если бы разрешили. Да и тебе папаха идет, – ответил Аслан то ли шутя, то ли всерьез.

После того, как Галиб-эфенди удалился, работавший в мастерской иранец Абдуллах шепнул мне:

– Демирполад-бей, ты слышал, что эрзурумцы готовятся к восстанию против правительства? Надеюсь, они не причинят тебе вреда из-за того, что ты сделал первую шляпу.

Я рассмеялся:

– Что твои эрзурумцы могут сделать против огромного правительства? Если правительство захочет, то за полчаса превратит Эрзурум в пепел.

– Так-то оно так, но они готовят что-то серьезное.

– Ну-ну, поглядим, что у них получится, – отрезал я.

Я продолжал дома в одиночку делать шляпы. Правда, поскольку большинство чиновников уже обзавелось ими, теперь они расходились не так быстро, как вначале. На стенах на гвоздях у меня висело в ожидании покупателей около пятнадцати шляп.

Одним ранним утром я проснулся от сильного шума, доносившегося из соседнего квартала. Как оказалось, началось то самое восстание, о котором предупреждал меня шорник Абдуллах. Предыдущим днем после вечернего намаза мятежники остались в мечети и, в соответствии с разработанным ими планом, совершив утренний намаз, сразу же перешли к действиям. Их целью были дома губернатора Зоhti-паши и начальника местного гарнизона Хасан-паши, находившиеся в нашем квартале. Я выглянул в окно и увидел двигавшийся вверх по проспекту поток людей, что-то громко кричавших и вооруженных топорами, ножами и прочими попавшимися им под руку предметами. Не скрою, кровь прилила к моим вискам. Спешно собрав все шляпы и болванки, я снес их в подвал и хорошенько там спрятал, а затем стал наблюдать из-за занавески за происходящим снаружи. Дом Хасан-паши находился на проспекте Мумджу напротив казарм в каких-то ста метрах от нашего дома; резиденция же губернатора располагалась на небольшой улочке Чайкара, проходившей за домом Хасан-паши, метрах в двухстах от нас. Потом мы узнали, что командующий гарнизоном имел информацию о готовящихся волнениях, и еще с ночи разместил хорошо вооруженных солдат в окружавшем казармы саду. Когда мятежники приблизились к его дому, он встретил их у казарменных ворот и попытался успокоить:

– Довольно, дети мои, остановитесь!

Но возбужденная толпа не унималась и лишь осыпала пашу ругательствами и проклятиями. Какая-то женщина в чадре стала размахивать перед его лицом большим разделочным ножом с криком:

– Сейчас я проткну твою гяурскую шляпу, безбожник!

Паша долго старался утихомирить людей, но когда понял, что это ему не удастся, громко скомандовал:

– Огонь!

Солдаты открыли стрельбу в воздух, и бунтовщики начали разбегаться. Военные и полицейские догоняли и хватали их. Заранее установленных главарей мятежа забирали прямо из домов в тюрьму. По слухам, в ней к вечеру не осталось свободных мест.

На следующее утро я пришел в мастерскую. Наши соседи тоже открыли свои лавки. Мы поздоровались. Через некоторое время я увидел, как полицейский Рамиз быстрыми шагами вошел в лавку Хаджи Галиб-эфенди и вскоре вышел оттуда вместе с хозяином. Заперев лавку, Галиб-эфенди протянул мне через дверь ключи:

– Полад-бей, я не знаю, что будет. Отдашь это детям, если придут.

Больше он не вернулся.

Обнародованное администрацией губернатора объявление гласило, что отныне ношение фесок и тюрбанов запрещается и что люди, которые спустя недельный срок появятся в них на улице, будут арестованы. В те времена выходить из дома с непокрытой головой считалось неприличным. Поэтому населению не оставалось ничего другого, как смириться с этим нововведением. Те, кто еще недавно неодобрительно смотрели на меня, когда я прогуливался по базару в своей шляпе, теперь останавливали меня и умоляли сделать им такую же. Один мой приятель прямо на улице сорвал с меня шляпу и всучил взамен десять лир.

– Ты что делаешь?! Как я пойду без головного убора? – возмутился я.

– Ей-богу, не знаю, – со смехом бросил он и убежал.

Тем из просивших меня, к кому я относился с уважением и симпатией, я предлагал тайком придти к нам домой и купить шляпу. В первый же день после выхода объявления люди разобрали весь оставшийся у меня запас шляп, с радостью выкладывая за них десять лир. Знай я, что так будет, я бы, конечно, не прекращал их производства. Если бы у меня тогда было несколько тысяч шляп, наверняка все они были бы проданы.

Еще через три дня власти призвали жителей города собраться в квартале Истанбулкапы для встречи прибывших из столицы членов суда независимости¹. Мы тоже пошли туда. Председа-

¹ Суды независимости – революционные трибуналы, созданные по решению Великого национального собрания Турции в 1920 году для осуществления суда и расправы над предателями, дезертирами, шпи-

тель трибунала Кылыч Али-бей¹ без промедления приступил к слушаниям и в тот же день приговорил четырнадцать зачинщиков и вожаков мятежа к смертной казни, а множество его активных участников – к ссылке в Синоп.

Старый Эрзурум имел четыре главных въезда, расположенных в четырех концах города и называвшихся «капы»²: Эрзинджанкапы, Гюрджюкапы, Тебризкапы и Карскапы (позднее к ним добавили Истанбулкапы; сейчас все они оказались в черте города). У каждого из них находилась большая площадь. Так вот, на всех этих площадях были установлены виселицы, на которых ежедневно на рассвете казнили по четыре человека из числа упомянутых главарей. Жители каждое утро обходил одну за другой площади, чтобы узнать, кого повесили на этот раз. В один из дней на Тебризкапы мы обнаружили повешенным Хаджи Галиб-эфенди. Он был очень хорошим человеком, и его смерть всех крайне огорчила. Покушавшаяся на шляпу Хасан-паши женщина в тот же день была казнена в своей чадре на площади Эрзинджанкапы.

Ничего не знавших о принятом законе крестьян из окрестных деревень у входа в город встречали полицейские, отбирали у них фески и чалмы и срезали напоминающую курдюк заднюю часть с их штанов местного покроя, именуемых «зыгва»³. Бедняги возвращались в свои села, прикрывая зад руками. Некоторые плакали, некоторые смеялись.

Прошло еще немного времени, и в продаже появились импортные шляпы. Местные портные раздобыли их шаблоны и массово перешли на пошив шляп, а потом также фуражек, каскеток и кепок. Народ уже и не думал сопротивляться но-

онами, саботажниками, коррупционерами и иными «подрывными» элементами, включая активных противников кемалистских преобразований. Приговоры этих судов не подлежали обжалованию и приводились в исполнение в кратчайший срок. Действовали до 1927 года.

¹ Али Кылыч-бей – военный и политический деятель Турецкой Республики, соратник Мустафы Кемала Ататюрка.

² *Капы* – по-турецки «дверь, ворота».

³ *Зыгва* – шаровары со многими складками сзади и суженные книзу, распространенные в основном в северо-восточных районах Турции.

вым головным уборам. Напротив, все старались найти товар красивее и качественнее. Шляпы, которые делал я, потеряли свою привлекательность, и на этом мое шапошничество закончилось.

Мой брат Алихан, проработав восемь-десять месяцев в столярном цехе Государственных железных дорог, заболел, попал в больницу и вынужден был уволиться. От природы он был слабым юношей, и поэтому, когда он выздоровел, я не разрешил ему сразу начать поиск работы, сказав:

– Ты только не болей, брат! Отдохни какое-то время.

У меня самого тоже не было работы, если не считать поставших от случая к случаю мелких заказов в мастерской Аслана. В этот период я познакомился с двумя выходцами из России, такими же беженцами от коммунистического режима, как и мы – братьями Иваном и Николаем, и частенько заглядывал к ним в гости, чтобы скоротать время и поболтать по-русски. Мы беседовали о том о сем, а Николай еще и играл для нас на аккордеоне. Они были инженерами по профессии, но вынуждены были работать шоферами. В те времена во всей Турции насчитывались единицы автомобилей. В Эрзуруме инженер Шевкет-бей владел перевозочной фирмой, выполнявшей почтовые рейсы между Эрзурумом и Трабзоном. У него было всего две машины, и когда одна из них проезжала по улице, лавочники на рынке бросали работу и бежали поглазеть на нее. В этой-то фирме и работали мои друзья. Поскольку зимой дороги заносило снегом, они сидели дома, но продолжали получать зарплату. Николай был женат и имел двух детей, Иван же был холост. Как-то раз между делом я сказал Николаю:

– Научил бы ты меня водить машину!

Он не раздумывая согласился:

– С удовольствием. Почему бы не научить земляка, особенно если он сидит без работы в чужой стране? Было бы только у тебя желание.

– Желание-то у меня есть, – ответил я. – Но не знаю, справлюсь ли.

– Прекрасно справишься! У нас сейчас все равно нет дел.

Дороги откроются только к весне. Так что приходи по вечерам. Буду давать тебе уроки. Заодно поболтаем, поиграем на гармошке и развеемся.

Николай взялся за мое обучение со всей серьезностью. Для начала он заставил меня записать названия всех деталей машины и их функции. Каждый вечер мы занимались по часу. После же урока я вдоволь говорил с ним по-русски и слушал мелодии, которые он наигрывал. Его жена приносила нам чай с домашними сладостями. На следующий день до вечера я заучивал полученный накануне материал и на очередном уроке удивлял учителя своими успехами. Примерно через месяц я знал наизусть все устройство автомобиля.

– Сейчас холодно, и в гараже делать нечего, – говорил мне Николай. – А вот весной сходим, и своими глазами увидишь, что где в машине расположено и как работает. Когда же откроются дороги, я попрошу Шевкет-бея назначить тебя моим помощником. За одну поездку в Трабзон и обратно научу тебя вождению. Станешь заправским шофером и накроешь мне хороший стол с вином.

Действительно, как только потеплело, Николай сказал:

– Я разобрал одну из машин для ремонта. Приходи завтра в гараж. Все детали на виду. Устрою тебе строгий экзамен.

Наутро я явился в гараж. Николай спросил:

– Где педаль сцепления?

Я показал.

– Каково ее назначение?

Я ответил.

– Картер?... Карбюратор?...

Он один за другим задавал мне вопросы обо всех деталях и их функциях, а я давал на них безошибочные ответы.

– Отлично! Скоро будет рейс в Трабзон. Если Шевкет-бей возьмет тебя помощником, то считай, что через десять дней ты – шофер.

Но, к сожалению, Шевкет-бей не захотел принимать меня на работу, сославшись на отсутствие мест. Других машин в городе не было, и наши с Николаем труды, таким образом, пропали даром.

И я, и Алихан по-прежнему были без работы. Мне было крайне тоскливо. С наступлением весны я стал подумывать о том, чтобы отправиться на поиски работы в Стамбул или какой-нибудь другой большой город. Но мне не на кого было оставить мать и брата. Кроме того, для поездки нужны были деньги. Да и мой турецкий все еще оставлял желать лучшего. У окружающих моя речь нередко вызывала смех. Поэтому я стеснялся говорить и открывал рот только в случае большой необходимости.

Однажды, когда мы, как обычно, сидели в мастерской, Аслан спросил:

– Темирболат, как ты думаешь, Алихан за год работы в железнодорожном столярном цехе не освоил ремесло в должной степени? Наш ювелир Садуллах-бей выкупил один из бесхозных домов, но он уж очень запущен: двери, окна, потолки, полы, – все надо делать заново. Хозяин дома, который Садуллах снимает сейчас, сам решил перебраться в него и потребовал освободить помещение. В результате наш друг оказался в затруднительном положении: он не может найти ни устраивающий его новый съемный дом, ни столяров, чтобы отремонтировать купленный. Не смогли бы вы с братом взяться за это дело? Торговаться он с вами не станет – заплатит, сколько скажете.

Я поговорил с Алиханом.

– Если ты возьмешь на себя снятие мерок и прорисовку пазов и средников, этого будет достаточно. Всю тяжелую и сложную работу предоставь мне, – предложил ему я.

Алихан согласился, и Аслан немедленно сообщил о нашей готовности приступить к работе Садуллах-бею. Тот был несказанно рад. В прошлом подобные работы в Эрзуруме выполняли армяне. После же их бегства в городе не осталось мастеров. Бесхозные дома тоже когда-то принадлежали им, но после ухода владельцев все они подверглись разграблению: унесены были даже двери и окна. В те дни во всем Эрзуруме было не более четырех-пяти таких же, как мы, столяров-самоучек, которые не стеснялись договариваться одновременно с несколькими хозяевами и, получив от всех задаток, трудились по два-три часа в

день у каждого, невероятно затягивая работу и фактически обманывая людей.

В назначенное утро мы с Алиханом пришли к Садуллах-бею. Весь необходимый материал им уже был закуплен и аккуратно сложен во дворе. От нас требовалось назвать сумму, которую мы хотели бы получить за наш труд. Поскольку никогда раньше мне не приходилось выполнять подобную работу самому или заказывать ее кому-либо, я в тот момент растерялся.

- Не знаю, право, – неуверенно пробормотал я.
- Говори, что есть в голове! – подбодрил меня Садуллах.
- Пятьсот лир, – ляпнул я.

Он засмеялся:

- Это слишком много.

В итоге мы сошлись на двухстах лирах. Теперь можно было начинать работу, но у нас не было инструментов. Не было их и на рынке. В конце концов нам удалось раздобыть на барахолке у скобянщиков два изношенных рубанка, фуганок, заржавелую пилу, пазник и точило, и мы принялись за дело. Алихан считался мастером, а я – его помощником. Говоря по правде, верные решения мы иногда находили только после нескольких ошибок и извели таким образом немало хозяйской древесины. На нашу удачу, Садуллах-бей не стоял все время рядом, и мы ухитрились скрыть от его глаз загубленный материал. Когда же он заглядывал к нам, то бывал счастлив от одного вида работающих в его доме столяров. Он был обеспокоен лишь тем, чтобы поскорее перебраться в свой дом, и не обратил внимания даже на явные дефекты первых двух-трех выстроганных и установленных нами оконных рам. Впрочем, лучших мастеров, чем мы, он тогда все равно не смог бы найти.

Время от времени посмотреть на нашу работу приходили и другие люди, прослышавшие о том, что у Садуллаха трудятся столяры. Многие готовы были тут же нанять нас, но я на все предложения отвечал одинаково:

- Пока мы не закончим эту работу, за другую не возьмемся.

Вскоре по Эрзуруму пошла молва: «Слыхали? В таком-то месте работают два брата-столяра. Они с Кавказа и очень чест-

ные. Не завершив одну работу, ни за что не берут новых заказов».

В доме Садуллах-бея мы проработали около двух месяцев, пока не выполнили все, о чем договорились. После этого на тех же условиях мы поработали еще в нескольких местах. Когда наступила осень, с нами связался заместитель директора эрзурумского мужского педагогического училища Шевкет-бей, узнавший наш адрес у Садуллаха. Он пригласил нас для переговоров в училище. Мы пришли, и Шевкет-бей представил нас директору. Тот сначала предложил должность столяра с фиксированным окладом только мне, сказав, что из-за особенностей штатного расписания училища не может принять нас обоих. Я не согласился, так как знал, что без меня мой брат не сможет работать в другом месте.

– Что ж, давайте тогда поступим следующим образом, – нашел выход директор. – Мы возьмем вас обоих, но не в штат, а на сдельную оплату. Будете бесплатно питаться в нашей столовой и пользоваться электричеством. Мы выделим для вас помещение, поставим печку. Главное – работайте.

Мы согласились и провели всю зиму на этой работе. С наступлением весны, когда дел в училище поубавилось, мы стали брать заказы и за его пределами.

Между тем я обручился с Фатимой Хосоновой¹ (Огюн), и 25 мая 1927 года мы поженились.

Как я уже упомянул выше, из-за того, что над моим турецким окружающие часто смеялись, я старался найти себе друзей, с которыми мог бы общаться по-русски. В тот год я познакомился с парнем из Азербайджана по имени Сулейман Жабутский. Во время нашей второй встречи он поинтересовался, кем и где я работаю и сколько зарабатываю. Я ответил, что столярничаю в среднем за две лиры в день.

– Но это очень мало, – удивился он. – Я работаю на заводе по ремонту вооружений. Почему ты туда не обратишься?

– А где это? Я и не слышал о таком предприятии.

– Это завод министерства обороны. Я там работаю слеса-

¹ В оригинале: Fatma Hoson.

рем. У них есть и столярный цех. Там трудится немало народа. Если найдешь человека, который поможет тебе туда устроиться, будешь получать три, четыре, а то и пять лир в день.

По вечерам после работы я обычно заглядывал в гости к дяде моей жены подполковнику в отставке Сулейману Огюну, а оттуда шел домой. В тот вечер я поступил так же и во время беседы рассказал Сулейман-бею об услышанном днем от его азербайджанского тезки. Выслушав меня, он сказал:

– Послушай, на этом заводе работал мой бывший комвзвода лейтенант Ихсан. Не знаю, там ли он все еще, но если там, то нет просьбы, которую он не выполнил бы ради меня. Завтра же выясни у своего земляка, работает ли там такой человек.

На следующий день в час, когда в учреждениях начинается обеденный перерыв, я прогулялся до квартала Махаллебаши, чтобы повстречаться с Жабутским. Вместо него, однако, мне попался другой наш товарищ – русский Михаил¹. Я рассказал ему о своей проблеме, и оказалось, что он тоже работает на этом заводе.

– У нас не один Ихсан, а целых два, – сообщил он. – Один – гражданский, начальник производства. А второй – капитан, руководитель администрации.

Я доложил эти сведения Сулейману Огюну.

– Ну, конечно, это он! – обрадовался мой тесть. – Не оставаться же ему всю жизнь лейтенантом! Значит, дослужился до капитана.

Взяв бумагу и ручку, он после выдержанного в лучших традициях эпистолярного жанра вступления написал следующее: «Доставивший тебе это письмо Полад является моим зятем. Вместе с братом они прибыли с Кавказа как беженцы. Оба они столяры, однако, плохо зная страну, испытывают затруднения в нахождении постоянной работы. Если у тебя есть такая возможность, прошу принять их на работу в ваше учреждение. Надеюсь, еще смогу с тобой повидаться. Желаю здоровья. Сулейман Фаик».

¹ Об этом человеке, ротмистре Михаиле, автор упоминает в кавказской части своих воспоминаний при описании клишбиевского сражения.

Следующим утром я явился на проходную завода и сказал, что хочу видеть капитана Ихсан-бея. Один из вахтеров проводил меня до его кабинета. Взяв записку из моих рук, он велел мне подождать у двери, а сам вошел внутрь. Видимо, хозяин кабинета сразу же развернул конверт и увидел подпись под письмом, так как менее чем через минуту до меня стали доноситься восклицания:

– Бог ты мой! Воистину Аллах велик!

Затем он громко обратился к вахтеру:

– Немедленно зови сюда принесшего письмо!

Когда я вошел в кабинет, Ихсан-бей поднялся из-за стола и слегка дрожащим от волнения голосом спросил:

– Так значит Сулейман-бей жив?

Я ответил утвердительно.

– Бог ты мой! – вновь воскликнул Ихсан-бей и, указав мне на кресло, спросил, где проживает подполковник.

Пока я описывал местонахождение дома в квартале Мумджу, он продолжал стоять растерянно посреди комнаты. Наконец, сев на свое место, он выговорил едва не плача:

– А я-то слышал, что после второй операции на ноге в Стамбуле подполковник скончался. Знай я, что он жив, да еще и находится здесь, в Эрзуруме, разве я не навестил бы его до сих пор?

Он распорядился принести два чая, а когда чай был доставлен, велел ждавшему у дверей вахтеру пригласить обоих своих технических советников. Вскоре в кабинет вошли два капитана.

– Джевад-бей у нас отвечает за столярный цех, а Джемалеттин-бей – за машинный, – представил мне их Ихсан-бей и, указывая рукой на меня, продолжил с некоторым волнением: – А этот господин является родственником моего героического командира, инвалида войны за независимость Сулеймана Фаика. Его зовут Полад-бей. У него есть еще брат. Оба они столяры, и мы должны взять их на работу.

– Почему бы нет? – ответил Джевад-бей. – Но сейчас у нас нет штатов.

– Не хочу я ничего знать про штаты! – вскричал Ихсан-бей.
– Мы должны принять к нам этих двух молодых людей и точка!

В разговор вступил Джемалеттин-бей:

– Ихсан, в данный момент это действительно невозможно. Но мы рассчитываем, что примерно через неделю нам дадут новые штаты. И тогда проблем не будет.

Ихсан-бей повернулся ко мне:

– Что ж, раз так, то непременно загляните сюда через неделю. Но знайте, что в любом случае мы найдем вам место. Мои приветы Сулейман-бею. Я навещу его.

По прошествии недели я стал почти ежедневно захаживать на завод, чтобы поинтересоваться состоянием нашего вопроса. Наконец, недели через три мне сказали:

– Завтра приходите с братом. Пройдете экзамен.

На следующее утро мы с Алиханом пришли на завод, и нас сразу же провели в столярный цех. Бригадир, указав нам на свободное место, сказал:

– Установите здесь верстак на двоих. Товарищи дадут вам материалы и инструменты.

Мы сделали, как нам велели, после чего бригадир принес образец – ящик для артиллерийских снарядов с шиповым соединением по углам.

– Смотрите, в каждом углу имеется по восемь зубьев, – сказал он. – Ваша задача – изготовить точно такой же ящик. По глубине, ширине и длине он ни на миллиметр не должен отличаться от этого. Начинайте!

С этими словами он отошел. Я огляделся по сторонам. Трудившиеся вокруг рабочие издали посматривали на нас, но никто не выказывал желаний даже поздороваться с нами. Мы приступили к работе. Без особого труда обрезали доски до нужного размера и обстрогали их рубанком. Теперь можно было переходить к прорубке зубьев. Проблема, однако, заключалась в том, что мы не имели ни малейшего понятия о том, как их вычерчивают, вырезают, приклеивают и добиваются того, чтобы они сцеплялись друг с другом. Пытаясь разгадать эту загадку, мы обескураженно разглядывали образец. Находим-

шиеся поблизости рабочие, несомненно, поняли наше затруднение. Работавший за соседним верстаком высокий молодой мастер внимательно наблюдал за нами краем глаза и, как мне показалось, хотел оказать помощь, но не решался этого сделать, так как подходить к экзаменуемым и вступать с ними в разговор было запрещено, а строгий бригадир постоянно прохаживался между рядами.

Я уже был готов подойти к бригадиру, чтобы признаться в неспособности выполнить задание, попроситься и уйти. Однако перед этим я решил выйти наружу, чтобы выкурить сигарету в курилке, так как в цехе курить было запрещено. Спустя минуту следом за мной вышел и ученик наблюдавшего за нами мастера. Его звали Сырры. Подойдя ко мне, он зажег сигарету, огляделся по сторонам и, убедившись в том, что поблизости никого нет, сказал:

– Коллега, мы заметили, что у вас возникли трудности с вырезанием зубьев. Это не всякий умеет. Меня послал мастер Салим. У нас есть шаблон этих зубьев. Если вы приложите шаблон к краю доски, вычертите форму и затем аккуратно обрежете доску строго по чертежу, то зубья точно войдут друг в друга. Сейчас я вернусь в цех и незаметно оставлю шаблон на вашем верстаке.

Я поблагодарил его. Позднее с этим мастером Салимом мы стали очень хорошими друзьями. Он происходил из знатной семьи из Вана¹ и был весьма утонченным человеком. Столярному мастерству он научился в ремесленном училище, открытом по инициативе генерала Кязыма Карабекира².

Когда я вернулся к верстаку, там действительно лежал шаблон. Поняв, каким образом следует вычертить зубья, чтобы они сцепились с зубьями на ящичке-образце, я сделал прорисовки на досках и спрятал шаблон, чтобы его никто не заметил. В конце концов у нас получился ящик пусть и не очень красивый,

¹ Ван – город и одноименная провинция на востоке Турции.

² Кязым Карабекир – османский и турецкий военный и политический деятель. Командовал Восточной армией в конце Первой мировой войны. Был спикером Великого национального собрания Турции.

но все же похожий на образец. Осмотрев его, бригадир недовольно покачал головой.

– Где вы учились ремеслу? – спросил он.

– Мы плотники, занимаемся дверями и окнами. Таких ящиков никогда раньше не делали, – ответил я.

Он ушел, а через некоторое время пригласил меня в свою комнату, чтобы сообщить, во сколько он готов оценить нашу работу. Мне было предложено дневное жалованье в 140, а Алихану – в 130 курушей. Я отказался. Тогда он поинтересовался, на какую зарплату рассчитываем мы сами. Я ответил, что работать меньше чем за три лиры в день мы не сможем, и объяснил, что мы и так зарабатываем на заказах от четырех до пяти лир, хотя и не каждый день, однако здесь готовы ради фиксированного заработка согласиться на три лиры. Выслушав эти рассуждения, бригадир рассмеялся:

– Но мы не можем платить столько! Нас самих выгонят отсюда, если мы пойдем на это. Наш самый опытный мастер Пехлюль, который делает фургоны, получает 200 курушей. Мастер Салим – 180. Остальные получают от 90 до 110 курушей. Мы предлагаем вам это жалованье из уважения к Ихсан-бею, но больше мы не в силах дать.

– Увы, мы не сможем прожить на эти деньги. Благодарю вас. До свидания, – сказал я и вышел.

Мне следовало поблагодарить и Ихсан-бея за его старания, и напоследок я направился к нему. Едва завидев меня, он спросил:

– Ну, как экзамен?

Я рассказал. Ихсан-бей указал мне на кресло и вызвал к себе обоих капитанов. Ответственный за столярный цех капитан Джевад подтвердил то, что до этого сказал мне бригадир:

– Больше этой суммы мы не сможем платить. Это исключено.

Тогда Ихсан-бей велел мне выйти из кабинета. Не знаю, о чем они там говорили, пока я ждал в коридоре. Но через некоторое время появился капитан Джемалеттин и отвел меня в свою комнату. Предложив мне чай, он спросил:

– Откуда вы родом?

Я коротко объяснил. Он продолжил:

– Я тоже черкес, абадзех. И мой друг Джевад черкес. Мы хотим вам помочь, но пока ничего не придумали, чтобы платить вам больше. Давайте поступим так. Для начала установим вам жалованье в 150, а вашему брату – в 140 курушей, а через шесть месяцев повысим вас в должности и доведем вашу зарплату до 350 курушей. Дальше все будет зависеть от решения Анкары, но надеюсь, что вы останетесь довольны.

В итоге Джемалеттин-бей убедил меня. Нас оформили, и 8 августа 1927 года мы с Алиханом приступили к работе.

Я и не предполагал, что во мне живут такие способности и страсть к столярному ремеслу. Очень скоро я освоил новые инструменты и станки, которых никогда раньше не видел, и во всем старался найти более быстрый и рациональный путь, не ленясь ломать голову над решением самых непростых задач. Не заставили себя ждать и первые находки и изобретения. С течением времени мое имя начало приобретать известность. Я теперь мог выполнять любые работы – от самой простой вещицы до мебели. Когда от армии поступали новые заказы, на заводе нередко говорили: «Это сделает только мастер Полад».

С началом Второй мировой войны я стал начальником смены. В этот период от армейского руководства что ни день поступало все больше заказов, и количество мастеров и рабочих было значительно увеличено. Работали вахтенным методом круглосуточно. В связи с тем, что в войсках возрос спрос на четырехколесные конские повозки, от нас потребовали изготовить в большом количестве хомуты для лошадей. До этого их у нас никогда не делали. В цехе было четыре смены: ручных работ, машинных работ, конских повозок и лыж. Я возглавлял первую. Сначала, естественно, обратились к работавшим в смене повозок: «Кто возьмется за хомуты?» Никто не вызвался, точно так же, как затем и в других сменах. Я как начальник смены не работал непосредственно за верстаком, поэтому ко мне с таким предложением никто не обращался, и я о нем попросту не знал. Поскольку армейское командование торопило, руководство за-

вода вынуждено было провести экстренное совещание по этому вопросу. В кабинете директора Кемалеттин-бея собралось все начальство – восемь-десять человек.

– Неужели среди стольких мастеров нет ни одного способного сделать этот хомут?! – в сердцах кричал директор.

Начальники молчали. Наконец, подполковник Хамди-бей, химик, спросил:

– А к мастеру Поладу обращались?

– Столько мастеров не умеет. Откуда Поладу уметь? – ответили остальные.

Хамди-бей, однако, сказал:

– Нет того, чего бы он не сумел. Лучше позовите-ка его сюда.

За мной послали уборщика, и он сказал мне, что меня срочно вызывают в кабинет директора. Когда я вошел, Хамди-бей встал и, смеясь, обратился ко мне:

– Мастер Полад, скажи, ты сможешь изготовить деревянный хомут?

Я удивленно уставился на него, а затем ответил:

– До этого дня мне не приходилось делать такую вещь. Но, коль скоро ее кто-то делает, должно быть, это не настолько сложная задача.

Хамди-бей зааплодировал:

– Bravo, молодец! Я же сказал вам: мастер Полад не откажется!

Я поспешил добавить:

– Но только я никогда не пробовал и не знаю ни размеров, ни формы этой конструкции. Если дадите мне какой-нибудь образец, я постараюсь сделать, глядя на него. Получится, хорошо. А нет – опыт не пропадет.

Тут же позвонили начальнику склада и принесли оставшийся от русских полуразвалившийся хомут. Я снял с него деревянные части, чтобы использовать их в качестве шаблона, а через некоторое время сделал первый готовый образец из вяза. Начальство осталось весьма довольным. В сущности, в этом деле не было ничего сложного. Мои товарищи просто не хотели утруждать себя и, чтобы отделаться от этой работы, говорили,

что она им не по силам. Моя смена какое-то время занималась только этими хомутами. Закончив свою часть работы, мы отправляли их в шорную, где им придавался окончательный вид.

Мне всегда доставляло удовольствие делать то, чего я никогда прежде не делал. Усилия, затраченные на то, чтобы создать что-либо новое, никогда не утомляли меня. Став в силу обстоятельств столяром в свои тридцать с лишним лет, я начал понимать, что наделен определенными способностями и даже талантом к этому ремеслу. Часто, не сумев справиться с какой-то задачей на работе, я находил ее решение во сне и, придя утром в цех, просто воплощал в жизнь приснившееся, таким образом добиваясь желаемого результата.

Позвольте мне от нечего делать еще немного похвалиться и рассказать о другом своем изобретении. На этот раз армейское командование затребовало у нас в большом количестве топографические чертежные доски. В них не должны были использоваться гвозди, а их размеры должны были составлять два сантиметра в толщину и по метру в ширину и длину. Вместо гвоздей конструкцию следовало скреплять врубками, именуемыми «ласточкиным хвостом». Все мощности были мобилизованы на изготовление этих досок, однако, поскольку процесс прорезки гнезд для врубок при помощи пилы и долота занимал много времени, мы не в состоянии были удовлетворить спрос в срок. Командующий армией Мустафа Муглалы¹ регулярно присылал офицеров к директору завода, требуя от него увеличения производства. Собственно, заводом наше предприятие можно было назвать лишь с большим преувеличением. Например, в столярном цехе имелись одна большая ленточная пила, одна циркулярная пила, один фуговальный станок и один сверлильный станок, – сплошь оставшиеся от русских изношенные машины. Неудивительно, что работа двигалась медленно. Вышедшие из-под фуговального станка доски штабелями складывались у стен, однако на этапе прорубки «ласточкиных хвостов» весь процесс тормозился. Директору завода не оставалось ничего другого, как приходиться к нам в цех и

¹ Мустафа Муглалы – генерал армии, в 1943-1945 годах являлся командующим 3-й армией, дислоцированной на востоке Турции.

требовать улучшения результатов от начальника цеха, хромого Муртазы. Тот в свою очередь плачущим голосом просил меня заставить людей работать больше, хотя сам прекрасно видел, что никто не простаивал без дела ни минуты. Со своим заместителем они беспрерывно искали способ повысить производительность труда – рисовали графики, составляли планы, – но никак не могли добиться желаемого.

Я тоже призывал рабочих своей смены трудиться интенсивнее, но одновременно размышлял о том, что можно сделать для ускорения производства путем использования различных станков. Однажды, когда я бродил среди лома в механическом цехе, мне попался на глаза резец металлообрабатывающего фуговального станка. Его выбросили по причине изношенности. Это была сделанная из быстрорежущей стали фреза с конической головкой. Я отнес деталь в кузнечный цех и, подержав в раскаленной печи, подплавил ее. Затем я вырезал желобки на конической головке и, опустив инструмент в воду, снова превратил его в сталь. После этого я заточил его края и вернулся в столярный цех. Там я приладил свою конструкцию к сверлильному станку вместо сверла, включил станок и поднес к нему доску. Как я и предполагал, вдоль всей ее длины появился очень ровный паз. С помощью той же фрезы я сделал врубку на другой доске и, слегка надавив рукой, вогнал поясок в паз. Обе части вошли друг в друга почти идеально, во всяком случае гораздо лучше, чем при ручной работе. Никому не показывая свою усовершенствованную фрезу, я бросил ее в карман спецовки, взял под мышку только что изготовленную мной чертежную доску и пошел в комнату начальника цеха.

– Муртаза-эфенди, вы, кажется, хотите, чтобы мы производили вот такие изделия? – спросил я.

Он изумленно посмотрел на меня и строго ответил:

– Мастер Полад, вы смеетесь надо мной? Мы не только хотим, мы производим их.

– Хорошо взгляните на эту доску, – продолжал я. – Она не из тех, что делаете вы.

Муртаза опять уставился на меня, затем внимательно изучил взглядом доску и воскликнул:

– Аллах! И чем же она отличается от прочих?

– Ничем, если не считать того, что я сделал ее на станке за две минуты.

Он недовольно покачал головой:

– Да ну тебя! Сейчас не время трепаться. Уйди отсюда ради Бога!

– Но я не треплюсь, – стоял я на своем.

– Ну, ладно, – не скрывая раздражения, сказал он. – И где ты нашел такой станок?

Я не удержался и пошутил:

– Заказал из Германии. Утром доставили на самолете.

Мой ответ еще больше разозлил Муртазу. К тому же в этот момент в кабинет заглянул его заместитель и, не понимая причины нашего спора, стал от души смеяться над нами. Муртазу явно выводило из себя то, что я настаивал на существовании какого-то станка, способного столь быстро строгать пазы и врубки. Наконец, он не выдержал и сказал:

– Хватит болтать! Может быть, покажешь нам свою машину?

– С удовольствием. В общем-то я для этого и пришел. Вот она, – ответил я и протянул ему лежавшую у меня в кармане фрезу.

Начальник цеха повертел в руках мое устройство, но, так и не поняв его назначения, спросил:

– Это еще что?

– Идемте, покажу, – предложил я.

Мы пришли в цех. Я вставил резец в сверлильный станок, провел под ним доску уже опробованным образом и через пару минут извлек из станка второе готовое изделие.

– Вот это да! – потрясенно выговорили Муртаза и его заместитель.

Остальные находившиеся в цехе рабочие тоже сбежались посмотреть на происходящее. Муртаза был готов плясать от радости, но все же попробовал покритиковать меня:

– Хорошо, конечно, но это маленький образец. Наши чер-

тежные доски должны иметь метр в длину и ширину. Они же не влезут в сверлильный станок. Что с этим будем делать?

Я обратился к собравшимся вокруг коллегам:

– Друзья, возвращайтесь все к своей работе. Почистите склеенные доски, разложите их по размеру и измерьте угольником. В остальное не вмешивайтесь. Если я сделал то, что вы уже видели, то придумайте что-нибудь и для размера. Только не отвлекайте меня и не сбивайте с толку.

Я снял со станка столешницу и, сделав из дерева другую, гораздо большего размера, установил вместо первой. Теперь можно было приступить к работе. То, что мы до сих пор вручную выполняли за час, я делал за минуту. Всякий раз, когда я снимал со станка и отставлял в сторону очередное готовое изделие, Муртаза и его заместитель, готовые взлететь от радости, оглашали цех возгласами:

– Bravo, мастер Полад!

В это время директор завода полковник Мюнир Куртоглу как раз обходил по своему обыкновению предприятие и заглянул в наш цех. Увидев его, Муртаза, прихрамывая, помчался к нему и радостно объявил:

– Господин директор, мы изобрели новый аппарат! Отныне мы сможем легко и быстро производить чертежные доски.

Директор подошел, с любопытством осмотрел станок и готовые чертежницы и восхищенно сказал:

– Прекрасно!

Однако поинтересоваться, кто додумался до этого новшества, он почему-то не посчитал нужным. Муртаза же не захотел сообщать ему, что автором изобретения являюсь я, и по сути дела присвоил себе мое достижение. Такой это был вероломный человек. И он, и его заместитель являлись выпускниками ремесленного училища, и явно чувствовали себя неуютно от того факта, что решение проблемы, над которой они впустую бились несколько недель, нашел простой мастер вроде меня.

После этого производительность труда на нашем участке возросла почти в тридцать раз, и мы в течение десяти-пятнадцати дней выполнили армейский заказ. Муртазу благодаря мне

повысили в должности. Я же не получил никакого признания, несмотря на то, что вкладывал в свою работу душу.

Помимо этого, я за время работы на заводе сделал немало других изобретений и предложений, о которых здесь не место рассказывать. Руководство ценило меня и множество раз награждало сухим спасибо, однако ни разу не сочло нужным поощрить материально. После описанной истории отношения между мной и Муртазой стали прохладными, хотя до того времени мы считались друзьями. Его явно тяготило мое присутствие на заводе, и он стал всячески стараться выжить меня оттуда.

Так продолжалось до мая 1951 года. Как я уже сказал, наш завод в действительности представлял собой скорее ремонтную мастерскую. Во время Второй мировой войны из-за перехода на вахтенный способ работы его штаты были максимально раздуты, и предприятие на самом деле стало походило на завод. Теперь же был начат процесс их постепенного сокращения. В конце каждой недели на доске объявлений на проходной вывешивался список имен десяти-пятнадцати рабочих, подлежащих увольнению. При составлении этого списка принимались во внимание пожелания начальников цехов.

Когда после приезда с Кавказа я вступал в турецкое гражданство, из-за незнания языка я ошибочно назвал дату своего рождения, в результате чего стал по документам старше на целых пять лет. Хотя на деле мне к тому времени было всего пятьдесят пять, удостоверение личности представляло меня как шестидесятилетнего. Ввиду этого годом раньше я был направлен на полное медицинское освидетельствование в военный госпиталь. Наш тогдашний директор Керим-бей позвонил главному врачу и сказал:

– Мастер Полад – один из наших лучших сотрудников. Он продолжает приносить большую пользу заводу.

Когда после всех необходимых обследований я предстал перед главным врачом, он спросил:

– Вы хотите работать и дальше?

Получив от меня утвердительный ответ, он написал в заключении: «Может работать еще пять лет». На основании этого ди-

ректор завода отправил в Анкару ходатайство об отсрочке для меня выхода на пенсию. Мы ждали ответа, но по прошествии целого года так и не получили его.

Не подумайте, что я цеплялся за свое место из-за того, что незадолго до этого как раз получил некоторое повышение к жалованью. Дело было гораздо серьезнее, так как я понимал, что в случае увольнения едва ли смогу найти другую работу. Если бы я смог открыть какое-нибудь дело, то, возможно, стал бы зарабатывать даже больше, чем на заводе, но для этого были необходимы деньги, которых у меня не было.

Между тем наш Муртаза-эфенди загорелся идеей сделать начальником смены вместо меня своего брата и нашел поддержку в этом деле у главы администрации. Вдвоем они заставили недавно назначенного к нам заведующим кадрами капитана Хабиль-бея поднять мое личное дело и, указав ему на то, что мне уже за шестьдесят, напомнили о необходимости отправить меня на пенсию в соответствии с законом. Хабиль-бей еще не был знаком со мной лично и, поверив им на слово, внес меня в увольнительный список. Когда мои товарищи, увидевшие мою фамилию на проходной, прибежали и сообщили мне об этом, я им сначала не поверил. Прочитав же список и убедившись в том, что они не ошиблись, я пошел к заведующему кадрами и рассказал ему о путанице с датой моего рождения и о том, что мои документы находятся на рассмотрении в Анкаре. Хабиль-бей внимательно посмотрел мне в лицо и спросил, как меня зовут.

– Полад, – ответил я.

Он продолжил:

– Полад-эфенди! Если судить по вашему внешнему виду, то вы являетесь самым молодым сотрудником на заводе. Если же заглянуть в ваше личное дело, то старше вас у нас никого нет. Скажите, что мне делать? Мне жаль всех, кого мы освободили от работы. Наш бюджет не позволяет нам держать такие штаты, и мы вынуждены выполнять поступившее к нам распоряжение. Среди уволенных есть совсем молодые сотрудники, которые наверняка окажутся в бедственном положении. Вы хотя бы уже заслужили право на пенсию, а у них и этого нет. Поэтому обра-

щаюсь к вам, как к старшему брату: пойдите на это самопожертвование, и давайте таким образом спасем от нужды какого-нибудь нашего молодого человека.

Под влиянием его слов я опрометчиво выпалил:

– Ладно! Давайте так и поступим.

Так я стал пенсионером. Ущерб, понесенный мной от этого необдуманного шага, был велик. Проработай я еще три с половиной месяца – до 8 апреля 1952 года, – мой стаж составил бы двадцать пять лет, и тогда мне была бы назначена совсем другая пенсия. Вдобавок в Турции поменялась власть: Народно-республиканская партия пала, победила Демократическая партия. Я работал на заводе в период правления Народно-республиканской партии. Они пренебрежительно относились к рабочему классу, не ценили его. При демократах рабочим дали кое-какие права, повысили заработную плату. Благодаря этому на бледных, чахлах лицах этих бедолаг появился небольшой румянец. Я же не смог воспользоваться этими изменениями.

Как я и предполагал, найти новую работу оказалось невозможно. Поневоле я без дела слонялся на улице или сидел дома, размышляя над тем, как выйти из создавшейся ситуации. Принимая во внимание то, что в семье было три ребенка школьного возраста, наше положение было не из легких.

Как я уже писал, наш дом находился на пересечении проспекта Мумджу и Анкарской улицы. Мне пришла мысль построить рядом с домом со стороны проспекта небольшую лавку, которую можно было бы использовать для коммерческой деятельности самому или сдавать в аренду. Строительство я собирался вести своими руками. Но для этого нужны были лесоматериалы. У свекра двоюродной сестры¹ моей жены Сулейман-бея (то есть отца моего свояка Ибрахима Налбандоглу) имелся древесный склад в квартале Гельбаши. Я нанес визит в офис Сулейман-бея. Он был очень хорошим человеком, да упокоит Аллах его душу! Поговорив немного о том о сем, я рассказал ему о своем положении и намерении открыть лавку.

– Очень своевременное и разумное решение! – горячо под-

¹ Дословно: «дочери дяди по отцу».

держал он мой план. – Сам все хотел спросить, почему ты до сих пор этого не делаешь.

Я объяснил, что у меня нет денег и ввиду этого хотел бы приобрести у него древесину в рассрочку.

– Пожалуйста! – с готовностью ответил он. – Сам выберешь, что тебе нужно. Заплатишь, когда сможешь. Мы же родственники. Между нами подобные вопросы не должны даже обсуждаться.

Вызвав своего секретаря Кямиль-эфенди, он дал ему указания:

– Выдашь Полад-бею столько материала, сколько он захочет. Он сам отберет то, что ему необходимо, и расплатится с нами тогда, когда пожелает, в удобной для него форме. Смотри, не вздумай торопить его!

Поблагодарив Сулейман-бея, я ушел. На следующий же день я привез требовавшийся мне материал и приступил к строительству. Нанять рабочих я не имел возможности, так как платить им мне было нечем. Мой брат Алихан продолжал работать на заводе и потому мог помогать мне только в выходные дни. Вследствие этого дело сильно затянулось.

С первого же дня строительства ко мне подходило немало желающих арендовать наше помещение, но до завершения работы я не хотел ни с кем заключать соглашений и под различными предложениями всех выпроваживал. Наконец, лавка была готова. Здесь-то и выяснилось, что никто из потенциальных арендаторов не собирается платить удовлетворяющую меня сумму. У меня же самого нет денег, чтобы закупить товар для продажи. И помещение, и его расположение были очень хороши. Однако шли дни, а оно простаивало. Я не знал, как мне быть. В тот период штабс-майор Салим-бей, через свою жену доводившийся нам родственником, проходил службу в Эрзуруме, и мы часто встречались семьями. Однажды во время беседы он поинтересовался:

– Скажи, свояк, когда ты откроешь свое заведение?

Я объяснил, что у меня нет капитала, а сдать помещение в аренду за бесценок я не могу себе позволить. Салим-бей за-

думался, явно желая мне чем-нибудь помочь. При следующей встрече он спросил:

- Свояк, а какой капитал нужен, чтобы открыть эту лавку?
- Смотря что продавать. Может быть, пятьдесят тысяч, а может – пять. Для начала, возможно, хватит и трех, – сказал я.

Немного подумав, он продолжил:

- Свояк, я полагаю, что, если мне удастся раздобыть наличные для закупки монопольных товаров – спиртного, сигарет и соли¹, – то прочие предметы первой необходимости мы сможем приобрести в кредит. На площади Гюрджюкапы есть большой оптовый магазин. Его хозяина зовут Мурад Чехрели. Мы у него покупаем все необходимое для нашей войсковой части. Если ты не возражаешь, мы с тобой могли бы открыть лавку на паях. Я обеспечивал бы ее товарами, а также добился того, чтобы наш батальонный клуб покупал все монопольные товары у нас.

Я принял предложение, и мы немедленно отправились к Мураду Чехрели. Завидев нас у порога своего магазина, он подбежал к нам со словами «Добро пожаловать!» Салим-бей представил меня и объяснил цель нашего визита:

- У моего свояка имеется лавка на проспекте Мумджу. Она совсем новая. Возможно, ты ее даже видел. Мы хотим сделать в ней бакалейный магазин для всего квартала. Не мог бы ты посоветовать, какие товары нам стоило бы там выставить в первую очередь?

– Разумеется! С удовольствием подскажу, – ответил Мурад-бей.

- После этого ты предоставишь нам товар в соответствии с твоими же рекомендациями, а мы по мере его реализации будем с тобой расплачиваться. Согласен?

– Но мы не торгуем с гражданскими в кредит, – запротестовал Мурад-бей.

¹ В описываемое время указанные товары монопольно производились и реализовывались компанией Текель (в переводе с турецкого – «монополия»), представлявшей собой государственную экономическую корпорацию.

– Не волнуйся! Покупать и оплачивать товар буду я. Мы с Поладом компаньоны.

– В таком случае нет проблем, – успокоился хозяин.

– Что ж, – подытожил Салим-бей. – Раз мы договорились, то решай, какие товары и в каком количестве ты нам будешь поставлять.

По указанию Мурад-бея его работники принести несколько пустых ящичков и наполнили их в определенном количестве новомодными чистящими средствами, печеньем, рафинированным сахаром, шоколадом, консервированным вареньем и тому подобным. Мы погрузили все это на машину и привезли в лавку. Перед уходом Салим-бей протянул мне тысячу лир:

– Это мой пай и вся наша наличность. Можешь использовать ее на закупку монопольных товаров.

Едва я закончил раскладывать купленное по полкам, как в лавку заглянул очень уважаемый мной сосед Агях-бей. Поздравив меня с началом дела и одобрительно оценив то, каким образом я разложил товар, он поинтересовался:

– А почему некоторые полки пустыют?

Я ответил, что приберег их для спиртных напитков.

– Послушай мое мнение, – сказал он. – Я думаю, что тебе не стоит держать в лавке спиртное. Подумай сам. В этот магазин будут со всего квартала приходить знающие и любящие вашу семью люди вместе с детьми и женами. Если они будут наткнуться здесь на людей, пришедших за бутылкой, это может оттолкнуть их от тебя.

Слова Агях-бея показались мне разумными, и я решил последовать его совету. Дня через два в лавку заглянул Салим-бей.

– Хорошей торговли, свояк! – весело приветствовал он меня. – Как дела?

Я ответил, что для начала торговля идет неплохо. Обведя взглядом полки, он сказал:

– Я смотрю, ты пока не купил спиртное.

– Не успел, – буркнул я и перевел разговор на другую тему.

Еще через пару дней он повторил свой вопрос. На этот раз я сослался на то, что в магазине монопольных товаров была

слишком длинная очередь. Однако, не увидев в лавке спиртного и во время своего третьего визита, Салим-бей с беспокойством заметил:

– Послезавтра в нашем клубе будет собрание, и я собирался закупить спиртное отсюда.

Отделаться ссылками на отсутствие времени уже было невозможно, и, рассказав Салиму о наставлении моего соседа, я признался:

– Извини, свояк, но я передумал покупать спиртное. Боюсь, как бы мы из-за него не потеряли покупателей.

– Что ж, будь по-твоему, – не стал спорить со мной Салим-бей.

Жители квартала потянулись в мой магазин, попутно поздравляя меня с его открытием и желая успехов в новом деле. Но, несмотря на то, что полки ломились от товаров, наши соседи не находили на них того, что им было нужно, и уходили с пустыми руками. Оказалось, что бакалейное дело совсем не такое простое занятие, как может показаться со стороны, и тоже требует умений и знаний. Необходимо представлять себе, какие товары пользуются спросом у местного населения, и действовать исходя из этого. Я же не учел этого и в результате оказался в сложном положении. Слишком часто говоря «нет» в ответ на просьбы покупателей продать им тот или иной товар, я стал быстро терять клиентов. На вопросы друзей о том, как идет торговля, я порой с усмешкой отвечал:

– Как, как? Продаю «нет».

Однажды в лавку вновь заглянул Салим-бей.

– Хорошей торговли, свояк! – приветствовал он меня в своей обычной манере.

Когда мы немного поговорили, он сообщил:

– Меня отправляют в Стамбул на курсы. Скорее всего, сюда я больше не вернусь.

– Очень жаль! – искренне огорчился я. – Мне будет не хватать твоей поддержки.

– Что делать? Такова профессия военного: сегодня ты здесь, завтра в другом месте.

Наступила небольшая пауза. Затем Салим смущенно произнес:

– Свояк, как ты планируешь заплатить те деньги?

– Об этомнисколько не беспокойся! Я продам лавку и верну деньги, – заверил его я.

– Нет, что ты?! Я не требую вернуть немедленно. Сейчас я не нуждаюсь в деньгах. Речь не об этом. Ты работай, а когда появится возможность, заплатишь. Когда ты открывал лавку, я знал, что ты не согласишься взять денег взаймы, и поэтому предложил тебе себя в компаньоны, желая хоть таким образом оказать помощь. На долю от доходов я не претендую. Однако ты сам знаешь: жизнь – сложная штука. Поэтому давай составим у нотариуса долговое обязательство, и чисто формально укажем в нем не 1000, а 1050 лир.

Я согласился, но добавил:

– Только вот еще что. Открывая лавку, мы с тобой плохо понимали, каковы запросы жителей этого квартала, и доверили выбор Мураду Чехрели. А он взял и впарил нам такой товар, который никому здесь не нужен. Сам видишь: чистящие порошки, сладости, зубочистки и прочее как стояли, так и стоят на полках. Несмотря на это, я должен каждый месяц выплачивать ему часть прибыли.

Салим-бей удивленно посмотрел на меня, затем вскочил на ноги и сказал:

– Свояк, а как насчет того, чтобы вернуть все это Мурад-бею?

– Ей-богу, это было бы лучшим решением. Если, конечно, он согласится.

Мурад-бей не возражал против нашего предложения. Вернувшись в лавку, мы сняли с полок непроданный товар, уложили его в ящики и отвезли обратно хозяину. Тем самым я избавился от большого долга. Теперь мне оставалось заплатить Мурад-бею лишь небольшую сумму, и я вздохнул с облегчением. Через три дня мы проводили Салим-бея в Стамбул.

После этого я стал покупать на имевшиеся у меня небольшие средства такие товары, которые легче можно было сбыть в квартале. В результате торговля пошла немного лучше, хотя

и не приносила сколько-нибудь существенного дохода. Скажем так: его едва хватало на то, чтобы покрывать затраты на дрова и уголь, которыми я отапливал саму лавку. Говоря по правде, я не продавал ее лишь в надежде на то, что в будущем, возможно, положение изменится и она начнет приносить прибыль.

Между тем расходы у нас в семье были немалыми. Нас было пять человек. Трое наших детей учились. А главное: приезжавшим отовсюду гостям не было конца и края.

– У вас постоянно гостит столько народа! Как вам удается всех прокормить? – частенько любопытствовали окружающие.

– Ей-богу, сам не знаю. Я никого не приглашаю. Сами приезжают. А хлеб от Аллаха, а не от меня. Я лишь посредник, – отшучивался я.

Особо бесцеремонные строили предположения:

– Наверное, ваши гости сами оплачивают свои расходы?

– Упаси Боже! – отвечал я. – До сих пор ни один не принес в мой дом и куруша. А если бы и принес, я бы не принял.

– Так как же вы живете? – заканчивали они тем же вопросом, с которого начали.

В те годы Эрзурум был крупнейшим городом и экономическим центром Восточной Анатолии, и людям, проживавшим в Сарыкамыше, Карсе, Агры, Муше, Хынысе¹ и других местах, часто приходилось приезжать туда на лечение или по каким-то иным делам. Точно так же те, кому предстояло ехать на запад, в Анкару или Стамбул, должны были сначала приехать в Эрзурум, чтобы здесь сесть на поезд. Естественно, и домой они возвращались тем же маршрутом. Поскольку в те времена гостиницы были доступны далеко не всем, обычно жителям провинции приходилось останавливаться у родственников и знакомых. В силу этого и наш дом почти никогда не пустовал. Думаю, в среднем в два из каждых трех дней у нас обязательно кто-нибудь гостил. Бывало, что нам, хозяевам, не оставалось места. Нередко нам приходилось просить постели у соседей и друзей. Однажды

¹ Во всех перечисленных районах в описываемый период проживали, пусть и в относительно небольшом количестве, этнические осетины.

в нашем доме одновременно собралось двенадцать гостей из пяти разных семей. И это не считая членов нашей собственной семьи! Поневолу женщины и дети улеглись в одной комнате, а мужчины – в другой. При этом некоторые из этих людей были просто нашими земляками и не состояли с нами ни в каком родстве.

Все это, конечно, было серьезным бременем для нашего бюджета. Моя пенсия составляла всего девяносто лир. Алихан продолжал работать на военном заводе и получал триста лир. За много лет до этого он женился, но вскоре развелся и после этого жил вместе с нами. После смерти нашей матери мы с братом еще больше сблизились. В начале каждого месяца он отдавал мне всю свою зарплату, говоря, что управление расходами дома должно быть сосредоточено в одних руках. Однако и вместе с его жалованьем мы не смогли бы покрывать наши затраты. Главный секрет нашего выживания заключался в другом: моя жена Фатима, неукоснительно ведя все домашние дела и достойно принимая гостей, параллельно занималась шитьем на заказ и, порой проводя целые ночи с иголкой и ниткой в руках, зарабатывала по крайней мере в три раза больше меня. Я и сейчас поражаюсь этой ее самоотверженности. Благодаря моей жене и моему брату, несмотря на столь большие расходы, в двери нашего дома ни разу не постучались кредиторы. Это было исключено.

Так мы прожили зиму 1953 года. Я по возможности старался держать лавку открытой допоздна. В один очень холодный мартовский вечер примерно в десять часов в ее двери ввалился какой-то человек. На нем была шуба из овчины, а голова была закутана в шарф, из-под которого виднелись только глаза.

- Селям алейкум, – произнес незнакомец.
- Алейкум селям, – ответил я.

Человек размотал шарф, и тут я узнал его. Это был Исмаил Бзаров¹ (Бичер) из Сарыкамыша. Мы обнялись.

– Какими судьбами? Что принесло тебя сюда в эту стужу? – удивленно спросил я.

¹ В оригинале: Bizarti.

– И не спрашивай! – произнес он в ответ и сел греться у печки.

С Исмаилом мы познакомились по пути с Кавказа, а затем оба поселились в сарыкамышском селе Селим. Как я уже писал, когда я только начинал учиться столярному ремеслу, мы с ним какое-то время вместе делали колеса для телег. В общем, мы были хорошими приятелями. Пока Исмаил грел озябшие руки у печки, я стал расспрашивать его о делах в селе.

– Ей-богу, уже месяц, как я уехал из дома, – сказал он. – Поэтому свежих новостей у меня нет. Сюда я приехал из Элязыга¹. Сошел с поезда и прямо к тебе.

«Что за дело могло быть в тех краях у Исмаила?» – подумал я про себя, не находя связи между Сарыкамышем и Элязыгом.

– А что тебя заставило отправиться в Элязыг? – задал я вопрос.

– Это длинная история. Потом расскажу, – ответил он.

– Ладно, тогда давай закроем лавку и перейдем в дом. Только, как известно, не вовремя пришедший гость кормит себя сам, – пошутил я.

– Но у меня нет с собой даже вещей, не то что еды!

– Ничего не знаю! – сказал я, и мы рассмеялись.

Исмаил был из рода матери моей жены. Поэтому, войдя в дом, я сразу крикнул Фатиме:

– Посмотри, я привел тебе твоего дядю. Сейчас увидим, как ты его примешь.

Она выбежала к нам навстречу, радостно приветствовала Исмаила, а затем ушла на кухню готовить ужин. Мы же сели беседовать, и Исмаил поведал мне следующую историю:

– В Элязыге есть один ага по имени Ясин Ташель. Меня с ним познакомил брат моей первой покойной жены Керим Хосонов², ювелир. Сам он давно у него работает. Керим все писал мне, что ага ищет мастера, который смог бы восстановить его полуразрушенную мельницу, и советовал приехать и поговорить с ним об

¹ Элязыг – город и одноименная провинция на востоке Турции юго-западнее Эрзурума.

² В оригинале: Öğün.

этом. Вот я и съездил. Когда-то этот ага был бедняком, но разбогател, занимаясь грузовыми перевозками. В квартале Енимахалле он купил себе шикарный особняк, а в деревне Хырхырик, что тоже близко к городу, – большой земельный участок. Чего там только нет – от тополевой рощи до виноградников, не говоря уже о разных фруктовых деревьях, полях и прочем! В поместье имеется старая мельница с тремя работающими жерновами. Но если ее расширить и усовершенствовать, на ней можно будет молотить муку заводского качества, а также вырабатывать электроэнергию. Я решил взяться за это дело и заключил с Ясин-агой соглашение: его материалы и деньги, моя работа. Одновременно я стану управляющим имением. Когда мы закончим с мельницей, займемся пчеловодством. Условия там идеально подходят для этого. Мы приобретем столярные станки и начнем делать ульи. Две трети дохода будут принадлежать аге, одна треть – мне. Однако все это не по силам одному человеку. Потому-то сейчас я еду в Сарыкамыш: хочу найти там себе компаньона.

Я пожелал Исмаилу удачи. В этот момент жена пригласила нас к столу. Мы поужинали, а потом еще долго втроем беседовали на разные темы.

Говоря откровенно, мельница меня заинтересовала мало. Зато мысль о пчеловодстве засела в голове на всю ночь, не дав сомкнуть глаз. Дело в том, что задолго до этого, еще будучи мастером на военном заводе, я вместе с тремя коллегами серьезно занялся изучением этого промысла. Мы несколько месяцев ходили на курсы и перечитали все книги и журналы о разведении пчел, какие только сумели достать. В результате я даже получил сертификат и несколько лет держал три улья на крыше моего дома. Однако, несмотря на то, что мне нравилось это занятие и я достиг в нем определенных успехов, в конце концов из-за отсутствия подходящего места и денег мне пришлось его прекратить. В элязыгском же поместье, судя по описанию Исмаила, для этого имелось все необходимое. «А что, если закрыть лавку и напроситься в напарники к Исмаилу?» – мучился я вопросом до утра. За завтраком я спросил моего гостя:

– Брат Исмаил, а могу ли я стать твоим компаньоном?

– То есть как это? – изумленно уставился на меня он.

– Ну, не знаю. Ты ведь собрался в Сарыкамыш искать себе помощника. Вот я и подумал: может быть, я могу стать этим человеком?

Исмаил не удержался и рассмеялся. Но я продолжил:

– Что ты смеешься? Или такой компаньон, как я, тебе не подходит?

Теперь Исмаил хохотал в полный голос. Придя немного в себя, он сказал:

– Брат, ты надо мной издеваешься? У тебя здесь налажена жизнь. Есть дом, магазин. Все в полном порядке. И ты бросишь все это и поедешь в Элязыг?

– Видишь ли, все в действительности не так, как кажется со стороны. Из-за отсутствия капитала я не имею возможности закупать для магазина товар, который здесь можно реализовать, и потому продаю соседям лишь мелочи, да и то понемногу. Мои доходы едва покрывают расходы. Ночью я долго размышлял над тем, что ты сказал вчера. В мельницах и прочем я разбираюсь слабо. Но пчеловодство в свое время изучил неплохо и к тому же люблю это дело. Ты сам видел лежащие у входа ульи. Я сделал их собственными руками строго в соответствии с оригинальным проектом. Этот тип ульев получил признание во всех регионах Турции. Вместе с товарищами я долго посещал лекции, которые читали специалисты из Анкары, и получил от них высокую оценку. Так что можешь не сомневаться в том, что я буду тебе полезен в этой области.

Выслушав мои разъяснения, Исмаил сказал:

– Я знаю, что ты успешно справишься с любым делом. Если ты поедешь со мной, то мне нет необходимости искать кого-нибудь еще. Но я не могу поверить в то, что ты оставишь дом и поедешь в Элязыг. Поэтому давай договоримся так. Если ты передумаешь, телеграфируй мне об этом в Сарыкамыш. Я же в свою очередь пошлю тебе телеграмму перед выездом оттуда.

Я размышлял еще несколько дней, но своего решения не изменил. Примерно на десятый день Исмаил прислал из Сарыкамыша телеграмму: «Если ты не переменял решения, я еду».

Я ответил: «Еду с тобой. Жду». Еще через два дня появился Исмаил.

– В Элязыг я пока поеду один, чтобы заняться там подготовкой, – сказал он. – А ты за это время завершай здесь свои дела и приезжай вот по этому адресу.

С этими словами Исмаил уехал. Я же наскоро продал по оптовым ценам большую часть товаров в лавке, а оставшиеся перенес в дом с тем, чтобы их постепенно продавал Алихан. Кроме того, я оформил на имя брата доверенность на получение моей пенсии и, вручив ему всю имевшуюся у меня наличность, дал следующие указания:

– До тех пор, пока я там начну зарабатывать, постарайся содержать дом на свое жалованье. К деньгам, которые я тебе дал, будешь добавлять мою пенсию и выручку от продажи товаров и, когда соберется 1050 лир, пошлешь их Салим-бею. Сразу же сообщишь об этом и мне письмом.

Завершив приготовления, я 3 апреля 1953 года покинул Эрзурум и после двухдневного путешествия с пересадкой на поезде прибыл в Элязыг. По адресу, который дал мне Исмаил, располагалась какая-то кофейня. Довольно легко отыскав ее, я вошел внутрь. Поскольку моего товарища не было видно, я сел и заказал себе чай. Вскоре вошел и Исмаил. Не заметив меня, он сел за ближайший к входу столик. Мне показалось, что его лицо выражало какую-то тревогу и безнадежность. Допив свой чай, я подошел к нему. Мы обнялись.

– Я ждал тебя еще вчера. Уже засомневался: не отказался ли ты от своего намерения, – сказал он.

Я объяснил, что поезд сильно задержался. Мы выпили еще по стаканчику чая, взяли фаэтон и поехали к Ясин-аге. Там нас встретили очень хорошо. После того, как я был представлен хозяину дома, нам подали кофе и мы немного побеседовали. Затем сын аги, мальчик-подросток, расстелил на ковре кусок хлопчатобумажной ткани размером с простыню и поставил на нее широкий круглый медный поднос с большой медной миской супа посередине, вокруг которой были разложены свежее испеченные лепешки хлеба. Вчетвером мы усадились по-ту-

речки вокруг подноса и принялись есть, опуская свои ложки в одну миску. После супа принесли на медной тарелке сарму¹ из виноградных листьев, затем рисовый плов, а в завершение трапезы – абрикосовый компот. Все кушанья были очень вкусными, но способ их подачи мне показался крайне примитивным. Я никак не ожидал, что в этот век мне предложат есть из общей, к тому же медной, посуды, не говоря уже об отсутствии обеденного стола.

После еды Ясин-ага и Исмаил стали обсуждать грядущие дела. Я, естественно, в разговоре не участвовал и только слушал. Из сказанного я понял, что в скором времени Исмаил разберет один из функционирующих мельничных жерновов и вместо него установит европейскую мельницу, которую еще предстояло купить. Он также починит два других жернова, прибавит к ним промышленное сито и таким образом повысит их производительность. В результате мельница сможет выпускать муку заводского качества. Вдобавок она будет вырабатывать электричество, которого будет достаточно для освещения поместья и работы машин и станков. В завершение был составлен список необходимых для всего этого материалов с указанием их количества. Планы и в самом деле были грандиозные, и на словах все выглядело очень красиво.

Выяснилось также, что в городе у аги есть склад лесоматериалов из тополей, срубленных в собственной роще, и мы можем брать оттуда для изготовления ульев столько древесины, сколько пожелаем. Меня больше всего обрадовало это обстоятельство. В тот вечер мы просидели допоздна. Все комнаты в доме были устланы широкими и мягкими дорогими коврами. Когда пришло время отхода ко сну, нас провели в соседнюю комнату, где были приготовлены две чистые постели на полу, и, пожелав нам спокойной ночи, удалились.

Мы с Исмаилом планировали на следующее же утро отправиться в поместье, однако хозяин отговорил нас, сказав:

– Полад-бей лишь вчера приехал с дальней дороги. Ему требуется отдых. Поедете завтра.

¹ *Сарма* – кушанье из мяса наподобие голубцов.

Особняк Ясин-аги был двухэтажным. На верхнем проживал с семьей он сам, а нижний сдавал брату первой жены Исмаила – Кериму Хосонову. За домом находился довольно большой сад, где росли яблоневые, грушевые, черешневые, вишневые, гранатовые и фисташковые деревья. На той же улице у аги имелось еще пять или шесть домов, в одном из которых проживал его отец. Это был очень веселый и общительный старик, переступивший девяностолетний рубеж. Он то и дело шутя приставал к Исмаилу:

– Когда ты мне, наконец, привезешь из своего села черкесскую красавицу и карсскую корову? О стоимости не думай – заплачу, сколько скажешь.

Дед был женат дважды. В первом браке у него родился Ясин-ага, во втором – еще три сына.

Как я понял в первый же день из разговоров, у аги в городе было два древесных склада и три находящихся на ходу грузовых фургона. Рассказал он мне и историю о том, как нажил это богатство:

– Я неграмотен. Школ и медресе¹ не кончал. Моя мать умерла, когда я был совсем маленьким. Мачеха же невзлюбила меня и ругала по малейшему поводу. Она постоянно наговаривала на меня отцу, и он меня часто бил. Бывало, мы с ним подолгу питали ненависть друг к другу. Причиной его плохого отношения ко мне были только козни мачехи, потому что я не был ни бездельником, ни хулиганом и, в отличие от многих моих сверстников, не курил, не пил и не играл в азартные игры. Я вырос, отслужил в армии, но положение в семье не менялось, и я решил уйти из родительского дома. Я обратился к близким друзьям отца: «Уговорите его, чтобы он дал мне взаймы денег на покупку лошади и телеги. Займусь извозом и буду и себя обеспечивать, и с ним постепенно расплачусь». Они поговорили с отцом и буквально вытрясли из него деньги. Я начал возить людей и грузы на телеге. Тогда же я сделал предложение одной добропорядочной и хозяйственной девушке, моей родственнице и такой же сиро-

¹ Медресе – мусульманское учебное заведение среднего и высшего уровня.

те, как я. Она согласилась. Мы поженились и сняли дом. По сей день мы вместе. Зарабатывал я неплохо и вскоре выплатил долг отцу. Через некоторое время я приобрел вторую повозку, а затем заменил однолошадные повозки на парнолошадные и стал делать рейсы из Элязыга в Сивас и Малатья¹. Доход у меня был очень хороший. Но это была не только моя заслуга. Моя жена фактически трудилась вместе со мной. Когда я возвращался из рейса домой, она с улыбкой встречала меня, ставила передо мной ужин, а затем шла к повозке, распрягала лошадей, давала им корм и чистила их. Утром, пока я завтракал, она точно так же запрягала лошадей и готовила экипаж к дороге. Благодаря нашему труду мы преуспевали. Когда у меня стало четыре повозки, люди начали называть меня агой. Я же, не сбавляя темпа работы, довел вскоре число своих фургонов до пятнадцати. Потом мне пришлось стать подрядчиком. Надо было вымостить каменной плиткой эти улицы, которые ты видишь. Никто не решался взяться за это дело. В конце концов кто-то подсказал губернатору: «Ясин-ага что-нибудь придумает». Губернатор вызвал меня и, как я не отнекивался и не ссылаясь на неумение, заставил подписать контракт. Делать было нечего. Я нашел каменоломню и мастеров и с Божьей помощью справился с этой задачей, да еще и заработал хорошие деньги. В тот период правительство как раз выставило на продажу бесхозную недвижимость², и я на имевшуюся у меня наличность приобрел на торгах все это имущество. Сейчас у меня двое детей: сыну шестнадцать лет, дочери – тринадцать. Семья у нас небольшая. Мы ни в чем не нуждаемся. Но на покой меня пока не тянет. Хочется трудиться, что-то производить.

Я с большим интересом слушал Ясин-агу, вспоминая пережитые мной самим схожие трудные времена.

На третий день утром к воротам дома подъехали два фур-

¹ Сивас, Малатья – крупные города и центры одноименных провинций западнее Элязыга.

² Здесь имеется в виду имущество, принадлежавшее армянам до их депортации в период Первой мировой войны, а затем перешедшее в государственную собственность.

гона Ясин-аги. В один из них погрузили мои вещи и некоторые материалы. В него же сели жена и дети аги. Мы же с Исмаилом и агой разместились во втором экипаже и, проехав примерно восемь километров, прибыли в его поместье. Для меня началась новая жизнь. Когда пять дней назад я уезжал из дома, на эрзурумской равнине еще лежал метровый снег, а окружающие горы сияли льдами. Здесь же все походило на рай: было тепло, на деревьях распустились цветы, кругом радовала глаз весенняя зелень. Поместье было великолепным. С одной стороны находилась большая тополиная роща, напоминавшая скорее лес, а с другой простирались сады, виноградники, бахчи и поля. Имелся даже бассейн размером 20×20×1,5 метра, пригодный и для орошения, и для плавания. Посередине всего этого раздолья возвышалось двухэтажное здание мельницы. На ее верхнем этаже располагались четыре аккуратных комнаты. В одной из них проживали мельник Мустафа-эфенди и его жена. Остальные же были свободны. Иногда, приезжая сюда с ночевкой, в них останавливался Ясин-ага с семьей. Теперь одну заняли мы с Исмаилом.

За день мы обошли поместье, а вечером ага с семейством вернулся в город, оставив нас на попечение мельника. С ним мы оказались земляками: он был родом из Эрзурума, но во время Первой мировой войны находился здесь по службе, женился и остался жить в этих краях. После ужина Мустафа удалился в свою комнату, а мы занялись составлением плана на завтрашний день.

Утром мы первым делом соорудили верстак для столярных работ, за которым я тут же приступил к изготовлению ульев. Тем временем Исмаил вместе с Мустафой разбирал жернов, на месте которого он собирался установить готовую европейскую мельницу. К двум другим жерновам предстояло присоединить элеватор и сито и сделать их таким образом более рентабельными.

Свой первый улей я закончил делать за четыре дня и выкрасил его в светло-зеленый цвет. Улей получился очень красивым и стоял, словно макет современного многоквартирного дома. За это время Исмаил подготовил кое-какие простые чертежи для

элеватора и сита, и я в соответствии с этими рисунками приступил к сооружению элеватора. Ровно через неделю после начала нашей работы в поместье приехал Ясин-ага. Он похвалил мой улей и выразил уверенность в том, что мы сможем добиться успехов в пчеловодстве. Осмотрев снятые Исмаилом жернова, он сказал:

– Эти камни уже износились, потеряли свой вес. Не трать на них время. Съездим как-нибудь вместе в Диярбакыр¹ и купим там новые.

На слова Исмаила о том, что в Диярбакыре вряд ли удастся найти равноценную замену имеющимся жерновам, ага заметил:

– Что ж, не проблема. Ты составь полный перечень всего, что нам нужно, и я закажу это из Стамбула.

Я со своей стороны обратился к аге с просьбой найти пчел для сделанного мной улья. Он в ответ заверил меня, что на пасеке его отца имеются старые сапетки² с пчелами, часть которых через неделю привезут в поместье, и я смогу воспользоваться ими.

На следующий день я продолжил свою работу. Исмаил же еще несколько дней бился над одним из жерновов, пытаясь обтесать его с тем, чтобы восстановить утраченную им идеально круглую форму. В воскресенье в поместье на пикник приехал Ясин-ага, привезя на этот раз с собой большую компанию – своих жену и детей, отца с мачехой, а также квартиранта Керима Хосонова с семьей. Они зарезали барашка и на славу угостили нас шашлыком и другими отменными блюдами. Находившиеся в одной из повозок девять небольших сапеток с пчелами были, как обычно весной, установлены неподалеку от мельницы. Как только мы приоткрыли их дверцы, пчелы вылетели наружу и принялись за работу. Ага сказал мне, что пчел из одной из сапеток я могу переселить в свой улей. Немного понаблюдав за насекомыми, я заметил самый крупный и многочисленный на вид рой и решил, что вечером, когда пчелы вернуться в свою са-

¹ Диярбакыр – город и одноименная провинция на юго-востоке Турции.

² Сапетка – неразборный улей в виде плетеной корзины.

петку, я запру их там, а утром перенесу в сделанный мной улей.

Аге не понравилось то, что, несмотря на сделанное им в прошлый визит предложение купить новые жернова, Исмаил продолжал тратить время на тесание старых.

– Мы же сказали, что купим новые! Какой смысл возиться с этими камнями? – с раздражением бросил он.

Исмаил ничего не ответил, но выражение его лица от этого упрека сильно помрачнело. Поскольку в мельничных делах я не разбирался и был лишь помощником Исмаила, в его разногласия с агой относительно мельницы я по возможности старался не вмешиваться.

В течение следующей недели я перенес облюбованный мной пчелиный рой из сапетки в свой новенький улей, установленный на крыше мельницы, и с удовлетворением наблюдал за тем, как матка начала класть в ячейки сотов яйца и давать расплод. Исмаил же тем временем упорно тесал снятый с мельницы жернов. Кроме того, как управляющий он по вечерам старательно записывал в блокнот сумму выручки от двух действующих жерновов, которую ему приносил мельник Мустафа-эфенди, размеры выплаченного работающим в поместье батракам жалованья, а также наши собственные расходы.

Хлеб для нас пекли в городском доме аги в тандыре¹ и привозили нам раз в две недели. В первые два дня он бывал неплох, но на третий затвердевал, как камень. Поэтому нам приходилось с вечера заворачивать нашу дневную норму во влажную ткань, чтобы размягчить ее и сделать съедобной. Этим способом пользовались местные жители, и мы тоже привыкли к нему.

В середине мая начался рамазан², и мы стали поститься. Исмаил знал толк в приготовлении пищи. Из города мы заказывали мясо, рис и подобные продукты для наших вечерних трапез. Масла, меда, яиц и многого другого вдоволь было в са-

¹Тандыр – глиняный земляной очаг или куполообразная печь для выпечки хлеб на Ближнем Востоке, Кавказе и в Средней Азии.

²Рамазан – девятый месяц мусульманского лунного календаря, в течение которого предписывается воздержание от пищи и воды с восхода до заката солнца.

мом поместье. Но черствый хлеб портил нам все удовольствие. Тогда Исмаил соорудил из камней и кирпичей небольшую печь, мы попросили жену Мустафы замесить тесто и начали выпекать себе свежий хлеб каждый день. Наш хлеб с аппетитом ели и члены семьи Ясин-аги, когда приезжали в поместье.

Когда рамазан подходил к концу, Исмаил попросил агу дать ему десятидневный отпуск, чтобы он мог провести праздник разговения с семьей. Также он попросил дать ему денег на праздничные подарки детям. В тот момент у аги не было на руках достаточной суммы, и он предложил Исмаилу приобрести в любом магазине все, что ему нужно, в кредит, а долг записать на его, аги, имя. На следующий день мы отправились в город и в условленном месте встретились с агой. Он отвел нас в большой магазин, где Исмаил, почти ни в чем себя не ограничивая, закупил для своей матери, жены и детей много одежды, обуви и различных галантерейных изделий самого лучшего качества. Ага спросил меня:

– А ты почему ничего не покупаешь? Пошли и ты что-нибудь своим детям?

Я поблагодарил его за щедрость и сказал, что не люблю оставаться в долгу.

– Тогда для чего ты проделал этот путь из поместья? – удивился он.

– За компанию, – ответил я.

Ага рассмеялся. Из магазина мы с Исмаилом вернулись в поместье. Приближался час ифтара¹, и мы начали готовить еду. Исмаил продемонстрировал все свое искусство, сделав великолепный плов. Перед тем, как сесть за стол, он сказал мне:

– Там на мельнице сидит один паренек из соседнего села, ждет своей очереди на помол муки. Но, боюсь, ему придется просидеть до утра, так как из-за праздника сегодня много заказов. Так что давай совершим благое дело и пригласим его поужинать с нами.

– Разумеется, – сказал я и пошел на мельницу.

¹ Ифтар – разговение, время вечерней трапезы в дни рамазана, а также пища, принимаемая в это время.

Хотя юноша отказывался от приглашения, говоря, что захватил с собой из дома еду, я все же уговорил его присоединиться к нам. Когда мы сели, он достал из своего узелка хлеб, сыр и пирог и положил все это на стол. За ужином мы быстро сблизились. Наш гость рассказал, что его село находится всего в двадцати минутах ходьбы от нас и пригласил нас туда на праздники. Исмаилу на следующий день предстояло ехать в Сарыкамыш, и он сказал мне:

– Что ты будешь делать здесь один? Поезжай и в самом деле в это село. Совершишь праздничный намаз вместе с общиной, а заодно познакомишься с людьми и развлечешься.

Парень добавил, что приедет на телеге, чтобы забрать меня. Но я ответил, что, коль скоро село находится так близко, я бы предпочел прогуляться до него пешком.

– Наш дом расположен в верхнем конце квартале. Моего отца зовут Али. Любой вам покажет, – сказал он.

В канун праздника под вечер я вышел из дома и, обогнув, как мне и объяснили, ближайший холм, увидел село. Оно состояло из двух рядов красивых домов, вытянутых примерно на два километра вдоль шоссе. Жители производили впечатление людей чистоплотных и трудолюбивых. Дойдя до середины села, я увидел магазинчик, перед которым сидели на лавочке несколько человек. Когда я к ним приблизился, один из них поднялся и с улыбкой направился в мою сторону. Это был тот самый паренек, который пригласил меня сюда.

– Добро пожаловать! – радостно сказал он. – Я уже давно вас тут жду. Даже подумал было, не раздумали ли вы идти.

Мы пожали друг другу руки, и он, идя впереди и показывая дорогу, повел меня в другой конец села. Когда мы подошли к дому, до часа начала трапезы оставалось всего десять минут. Парень жестом пригласил меня пройти в открытую дверь и громко крикнул, оповещая находившихся в доме:

– Отец, гость пришел!

Отец юноши сидел у радио, ожидая начала трансляции азана¹.

¹ Азан – призыв к обязательной молитве у мусульман, возвещаемый с минарета муэдзином.

– Милости просим! – отозвался он и, встав, пожал мою руку.

Это был человек благородного и мужественного вида в возрасте от пятидесяти до шестидесяти лет. Пока мы с ним вели беседу, его сыновья накрывали на стол. После ужина мы сделали вечерний намаз. Затем, выпив кофе, мы продолжили беседу. Спустя некоторое время хозяин сказал, что собирается отлучиться в мечеть для совершения ночного намаза. Я выразил желание пойти с ним вместе. К нашему приходу в мечети почти не осталось свободных мест. Люди заполнили ее рядами в соответствии с возрастом: впереди пожилые, сзади молодые. При нашем появлении те, кто были моложе нас, стали отодвигаться назад, уступая нам место. В результате скоро мы оказались в третьем ряду бок о бок с нашими ровесниками. Подобное поведение приятно удивило меня. «Интересно, они поступают так из-за того, что я гость, или так у них принято всегда?» – подумал я про себя.

На следующий день на праздничный намаз собралось еще больше народа. Те, кто не поместились внутри мечети, выстроились рядами снаружи. Несмотря на опоздание, мы вновь без труда заняли свои места в третьем ряду, и я еще раз убедился в том, что в этом селе старшие пользовались большим уважением. Чуть позже я узнал, что здесь проживали переселенцы из Румынии¹. Мулла тоже был из их числа. После намаза сельчане стали по очереди подходить ко мне, здороваясь за руку и говоря:

– Добро пожаловать, гость!

По приглашению Али-бея не меньше пятнадцати человек пошли с нами к нему домой. Там нас посадили вдоль длинного стола. Как я понял, Али-бей, будучи сельским агой, по праздникам всегда устраивал такие угощения для своих од-

¹ По официальным данным, в период с 1923 по 1949 год из Румынии (главным образом из области Добруджа) в Турцию в рамках двусторонних межгосударственных соглашений поэтапно переселилось более 120 тысяч этнических турок, расселенных в различных районах страны. Менее значительные миграции продолжались и в последующие годы.

носельчан. Поев, люди стали беседовать друг с другом. Среди них были недавно приехавшие из Румынии, и остальные с живым интересом расспрашивали их о событиях на родине. Разговор шел о том, как невыносим коммунистический режим и какие страдания он приносит людям. Эти рассказы не были для меня чем-то новым. Я хорошо знал цену этому режиму, так как сам бежал из коммунистической страны. Когда эта тема была закончена, один из присутствовавших обратился ко мне:

– Уважаемый мастер! Вы, кажется, родом из Карса? Я слышал, что вы собираетесь сделать из мельницы Ясин-аги мукомольный завод. Это правда?

– Лишь частично правда, – ответил я. – Сам я из Эрзурума, а из Карса мой товарищ. Мельницу в завод мы вряд ли превратим, но ее производительность, надеюсь, повысим.

– А еще я слышал, что вы сделали современный пчелиный улей. Видевшие его очень хвалят вашу работу. Мне вот тоже стало интересно. Если я приду к вам, вы его мне покажете?

– Разумеется. Я буду рад вашему визиту, – сказал я.

Остальные прекратили разговаривать и с любопытством слушали наш диалог. Я понял, что среди жителей этого села циркулировало немало слухов о нашей деятельности в поместье Ясин-аги. Поэтому сейчас, пользуясь случаем, почти каждый старался что-то узнать у меня и обменяться хотя бы парой слов. Большинство вопросов касалось современного пчеловодства, и в меру своих знаний я ответил на них.

Как я уже сказал, жители села были очень чистоплотны, благовоспитанны и привязаны к своим обычаям и традициям, а их манера общения друг с другом была неизменно уважительной и учливой. Не только в мечети, но и в других местах младшие по возрасту демонстрировали знание того, где и как им следует стоять и сидеть. Не удержавшись, я сказал своим гостеприимным хозяевам:

– Мне приходилось бывать во многих местах в Турции, но нигде я не встречал таких обычаев и такого воспитания. Лишь на моей прежней родине – Северном Кавказе – было такое.

Мы еще немного поговорили об обычаях, после чего я попросил разрешить мне откланяться и вернуться в поместье, поскольку мои пчелы могли в самое ближайшее время дать новый рой. Хозяева не хотели меня отпускать, но в конце концов вынуждены были согласиться с моими доводами и, тепло попрощавшись, отправили меня на телеге домой.

Остаток того дня я провел, бродя среди ульев и фруктовых деревьев и угощаясь спелыми тутовыми ягодами.

На следующее утро я отправился в город, чтобы поздравить с праздником агу. Оказалось, что предыдущим днем он посылал за мной повозку в поместье, и был очень удивлен, не обнаружив меня там. Проведя весь день в компании аги и его домочадцев, вечером я вернулся в поместье.

Еще через день в полдень пчелы, наконец, дали рой, который почему-то сел на самое высокое дерево в месте соединения двух толстых сучьев. Трясти дерево, чтобы снять рой, было бесполезно. Пока я раздумывал в надежде найти какой-нибудь выход, работавшие поблизости в поле крестьяне сбежались и стали с любопытством наблюдать за моими действиями. Для начала я подготовил улей для размещения пчел. Затем, положив в карман пустой спичечный коробок и приставив к дереву длинную лестницу, я стал подниматься по ступенькам и осторожно приблизился к рою. Он был довольно многочисленным. Мне предстояло отыскать в нем матку. Ее длинный блестящий хвост то появлялся, то исчезал в различных местах пчелиного клубка. Помучаться мне пришлось долго, но в конце концов я все же схватил матку и посадил ее в заготовленный коробок. Держа его в левой руке, правой я отломал от дерева тонкую веточку и, просунув ее между сгрудившихся пчел, заставил их покинуть облюбованное место. Взлетевшие пчелы образовали большую жужжащую гроздь вокруг моей левой руки. Народ внизу с изумлением следил за происходящим. Я же медленными движениями спустился с дерева по лестнице, поднялся на крышу мельницы и положил спичечный коробок с маткой в мой новенький улей. Почти все пчелы последовали за своей «королевой» и начали деловито расходиться по рамкам. Закрыв дверцу, я

выждал примерно пять минут, после чего снова открыл улей и выпустил матку из коробка. Немного пококотничав, она присоединилась к своим уже разбредшимся по рамкам «подданным», и я окончательно захлопнул дверцу под поздравления моих зрителей. Естественно, по возвращении в свои села они рассказали об увиденном своим землякам, и я стал превращаться в своего рода «легенду пчеловодства» местного масштаба.

Я продолжал свою работу в прежнем режиме, по мере необходимости контролируя и корректируя поведение пчел. Поместье и в самом деле было идеальным местом для пчеловодства. Поговаривали, что иногда в этот райский уголок приезжал на выходные сам губернатор Элязыгского вилайета с семьей.

Однажды в конце недели к поместью подъехал легковой автомобиль. Из него вышли Ясин-ага, а за ним какой-то весьма солидного вида господин и еще один человек в соломенной шляпе. Последний с почтительным выражением лица следовал за двумя первыми. Поначалу, вспомнив об услышанном, я решил, что шедший рядом с агой импозантный незнакомец вполне может оказаться губернатором, но, как потом выяснилось, я ошибался. На мне, как обычно, была рабочая одежда. Когда приехавшие приблизились ко мне, Ясин-ага представил меня своему спутнику:

– Ахмед-бей, это тот самый мастер Полад, о котором я вам рассказывал.

– Здравствуйте, Полад-бей! – сказал гость, протягивая мне руку, и добавил: – А можно взглянуть на сделанное вами?

– Конечно, – ответил я. – Буду только рад.

Для начала Ясин-ага повел нас к мельнице. Когда мы подошли к ее недавно отремонтированной части, гость стал одобрительно отзываться об изготовленных мной деталях, называя их по именам: труба элеватора, барабан элеватора и так далее. Я был немало удивлен, поскольку сам не знал этих наименований. Оттуда мы перешли в сады. В одном месте Ахмед-бей остановился и, окинув взглядом окружающее пространство, сказал аге с легким упреком:

– Ты владеешь такой прекрасной землей, а ничего пока на ней не создал.

– Верно, но что делать? – смущенно произнес Ясин-ага.

– Как что делать? Чего только здесь нельзя сделать! Я тебе скажу. Во-первых, здесь можно заниматься птицеводством, причем в очень крупных масштабах. Я предоставлю тебе необходимые материалы и научу, как ими пользоваться. Далее, здесь можно с успехом разводить кроликов. В Европе этот бизнес приносит большие доходы. Здесь также можно заниматься молочным скотоводством. Наконец, здесь прекрасные условия для современного профессионального пчеловодства...

Услышав последние слова Ахмед-бея, Ясин-ага перебил его:

– Это мы уже делаем, делаем! Наш мастер Полад изготовил один улей в качестве образца и постоянно занимается этим.

– Правда? И где же он? Можно увидеть? – заинтересовался Ахмед-бей.

– Идемте, покажу, – предложил я и пошел впереди.

Когда мы поднялись на крышу мельницы, Ахмед-бей, бросив взгляд на сделанный мной улей, похожий на многоэтажный дом, с восхищением сказал:

– О-о-о! Это великолепно!

Я снял верхнюю крышку и достал одну раму. Вид наполненных медом сотов и работающих пчел вызвал еще больший восторг Ахмед-бея.

– Какая красота! – воскликнул он. – До сегодняшнего дня мне не приходилось видеть такого замечательного улья. Где вы нашли эту модель?

– Это американский улей конструкции Дадана-Блатта¹.

– Вот как? А где вы изучали пчеловодство?

– Мои познания в пчеловодстве довольно поверхностны, – ответил я. – Я больше двадцати лет проработал столяром на военном заводе в Эрзуруме. Сейчас я на пенсии. Как-то много лет назад мы с товарищами загорелись идеей стать пчелово-

¹ Улей системы Дадана-Блатта – двенадцатирамочный улей, принцип действия которого основан на периодическом изъятии меда, запасаемого пчелами для предстоящей зимовки. Ульи этого типа с начала XX века стали популярны среди пчеловодов многих стран.

дами. Ходили на курсы, читали журналы. Из всех типов ульев, которые мы видели, этот показался нам наиболее подходящим для климатических условий Эрзурума, и еще тогда мы сделали свои первые ульи, с точностью до миллиметра следуя чертежам в книгах.

Ахмед-бей, разглядывая улей, задал вопрос:

– Уважаемый мастер, ваш улей и в самом деле очень хорош. Вот только дно, похоже, неподвижно. Как в таком случае его чистить?

– Пусть вас не вводят в заблуждение пояски внизу, – сказал я и слегка приподнял улей.

Его дощатое дно осталось лежать на месте. Это окончательно привело в восторг Ахмед-бея, и он крепко пожал мне руку:

– Bravo! Вы, я вижу, все продумали.

С каждой минутой его отношение ко мне становилось все более искренним и дружеским.

– Уважаемый мастер, а нет ли у вас родственника или друга, так же хорошо разбирающегося в этих делах? – спросил он.

– Мой младший брат Алихан тоже столяр. Но он пока работает на военном заводе в Эрзуруме, – ответил я.

– Заберите вашего брата с завода и пришлите ко мне! Я открою ему столярную мастерскую в моем поместье под Стамбулом. Он будет делать только эти ульи. Материалом его обеспечу я, а прибыль будем делить пополам как компаньоны.

– Благодарю вас. Ваше предложение очень привлекательно. Но брат проработал на заводе двадцать два года и через три года получит право на пенсию. Поэтому вряд он ли оставит свою работу.

Я понимал, что Ахмед-бей в скрытой форме делал это предложение мне, не желая в присутствии Ясин-аги приглашать меня к себе на работу открыто. Как я потом узнал, это был Ахмед Сунгуроглу, очень богатый стамбульский коммерсант-импортер. В элязыгском отделении своей фирмы он торговал ввезенными из Европы готовыми мельницами. Человек в соломенной шляпе как раз был руководителем этого отделения. Кроме того, в Элязыге и его окрестностях у Ахмед-бея имелись дома, вино-

градники и пасеки, и он питал большой интерес к профессиональному пчеловодству.

Десятидневный отпуск моего друга Исмаила подходил к концу. Я с нетерпением ждал его возвращения. Дело в том, что перед его отбытием мы договорились о том, что на обратном пути он захватит с собой мою жену Фатиму и детей. Ведь из-за суровости климата и краткости летнего сезона в Эрзуруме мои дети никогда в своей жизни не видели фруктовых деревьев, да и настоящего леса, не считая разрозненных группок сосен, тополей, ив и акаций. В наших краях даже трава зеленела совсем недолго. Здесь же был поистине рай. Как-то раз, прогуливаясь по саду вместе с Ясин-агой, я невольно выразил сожаление по поводу того, что мои дети никогда ничего подобного не видели. Ага изумился. В саду росло много черешневых деревьев, но два из них были особого сорта, с более крупными и сладкими плодами. Ага тут же распорядился, чтобы к ним никто не притрагивался до приезда моих детей.

– Пусть они своими руками сорвут эти плоды, – сказал он.

Разумеется, я был очень тронут этим его поступком. Признаюсь, что мне едва ли пришел бы в голову такой жест. Тогда я еще раз убедился в том, что Ясин-ага был хорошим человеком и относился ко мне с искренней симпатией. Его дети тоже очень любили меня и обычно, едва завидев, с разбега бросались на шею с возгласом «Дядя Пола-а-ад!»

Несколькими днями раньше я получил письмо от Алихана. Он писал, что собрал предназначенные для Салим-бея деньги и готов отправить их ему по моему указанию. Я немедленно сообщил об этом Салим-бею и запросил у него адрес для перевода. В ответ он написал мне: «Свояк, как ты помнишь, я формально указал у нотариуса 1050 лир. Смотри, не вздумай посылать эти пятьдесят. Если пошлешь, отправлю их тебе обратно, и только доставишь мне лишние хлопоты». Мы отправили тысячу лир и избавились от своего долга.

Однажды в полночь в особняк Ясин-аги в Элязыге, наконец, прибыл Исмаил с Фатимой и детьми. Поскольку они заранее телеграфировали нам о своем приезде, я тоже встречал их там.

Хозяева были всем очень рады. На следующий день они не отпустили нас в поместье, чтобы дать приехавшим возможность отдохнуть с дороги. К сожалению, за этот день какие-то непорядочные люди воспользовались моим отсутствием в поместье и обципали те два черешневых дерева, не оставив на них ни одной ягоды.

На третий день с утра ага приготовил для нас фургоны. Перед отправлением в поместье я вместе с моим младшим сыном Айтеком решил сходить на рынок, чтобы купить кое-какие необходимые нам предметы. По возвращении мы застали всех наших в мрачном расположении духа. На мой вопрос о том, что произошло, Фатима ответила:

– Из Сарыкамыша пришла телеграмма. Мать Исмаила очень больна. Ему срочно придется ехать.

Сам Исмаил стоял с телеграммой в руке, не будучи в силах произнести что-нибудь от горя. Я подошел к нему и спросил:

– Когда ты был там, она уже болела?

– Нет, она чувствовала себя прекрасно. Но как бы там ни было, мне надо ехать.

Мы купили для него билет на автобус на следующий день и поехали в поместье. Исмаил вскользь осмотрел сделанную мной работу, бросил взгляд на пчел и затем сказал мне:

– Боюсь, моей матери уже нет в живых. А если она жива, но тяжело больна, то я останусь там максимум неделю и приеду. Ты пока продолжай делать то, что можешь.

В поместье у него из вещей было только пальто. Взяв его, он под вечер отправился обратно в город, бросив на прощание:

– Через неделю я здесь.

Прошли, однако, недели, а Исмаил не возвращался. Словно канул в воду. Ясин-ага был не на шутку встревожен и то и дело спрашивал меня:

– От Исмаила еще нет вестей?

Мы решили отправить ему телеграмму, но не знали его точного адреса. Я все-таки послал телеграмму в село Верхний Сарыкамыш на имя Исмаила Бичера, но никакого ответа не было. После этого я послал еще одну телеграмму, на этот раз с уве-

домлением. На нее мне ответили, что человек с таким именем не обнаружен. В конце концов я отправил письмо через моего шурина, проживавшего в Сарыкамыше. В нем я писал Исмаилу, что именно он является компаньоном Ясин-аги, что заказанные им аге принадлежности для мельниц уже прибыли из Стамбула и что из-за его поведения я оказался в трудном положении, поскольку в поместье относительно нас распространяются нежелательные слухи, а я и моя семья живем здесь чуть ли не на правах заложников. Несмотря на то, что мой шурин вручил это письмо прямо в руки Исмаилу, ответа опять не последовало. Мне не оставалось ничего другого, как написать в Эрзурум моему старшему сыну Айдемиру и поручить ему самому съездить в Сарыкамыш, разыскать Исмаила и выяснить, собирается ли он возвращаться в поместье. В своем ответном письме Айдемир сообщил мне, что при встрече Исмаил заявил ему следующее: «Твой отец недавно прислал мне такое ядовитое письмо, что если его грамм съест собака, то немедленно сдохнет на месте. У меня больна мать. Я сам болен. Сына забрали в армию. На кого я оставляю дом, если поеду?» Я показал полученное от Айдемира письмо аге. Горько усмехнувшись, он сказал:

– Видать, сам он ниже собаки, коли не сдох от этого.

Ага из-за исчезновения Исмаила понес большие убытки. Мне было очень неловко перед ним. Он, однако, не изменил своего отношения ко мне и по-прежнему обходился со мной уважительно и любезно. Случайно услышавший наш разговор пожилой отец аги, тоже желая поддержать меня, сказал:

– Тот, что уехал, ничего не сделал, только разрушил. Если кто и работал, то только этот.

Еще через какое-то время ага сказал мне:

– Плюнь ты на этого Исмаила! Пусть проваливает куда хочет! Я переоформлю заключенный с ним договор на тебя, и будем работать, как братья.

Поблагодарив его за такое предложение, я ответил:

– Увы, я не разбираюсь в мельницах. Я приехал сюда лишь для того, чтобы заниматься пчеловодством. С Исмаилом я договаривался только об этом. Теперь понятно, что я зря трудился

все эти пять месяцев. Не зря говорят, что из-за дурной головы страдают ноги. Да принесет вам благо ваше имущество! К вам у меня нет никаких претензий. Но с вашего позволения я бы хотел попрощаться с вами и уехать. Если за эти пять месяцев я по неведению совершил какую-нибудь ошибку и виноват перед вами, прошу простить меня. Если же я вам что-либо должен, то, пожалуйста, скажите мне об этом.

– Что ты? Бог с тобой! – запротестовал ага. – Тобой довольна вся моя семья, а не только я.

Я еще раз поблагодарил его. Однако ага продолжал попытки уговорить меня остаться работать вместе с ним в качестве компаньона. Я не мог согласиться с этим и не согласился, но, видя, как он огорчен, пожалел его и сказал:

– Ясин-ага, я действительно не могу остаться, потому что знаю, что, как и Исмаил, не справлюсь с мельничными делами. Но в них хорошо разбираются оставшиеся в районе Карсе молочани. Ради вас я поеду в Карс и привезу толкового молочанина, а уж вы заключите с ним такое соглашение, какое посчитаете нужным. Главное, чтобы до того времени не пропали купленные вами материалы.

Ага, судя по выражению его лица, не очень поверил в то, что я выполню это обещание, но все же произнес:

– Ладно.

На этом мы поневоле и договорились.

Следующий день был воскресеньем. С утра ага купил мне на понедельник билет на автобус, а затем вместе с семьей и несколькими друзьями приехал в поместье, чтобы пожелать мне счастливого пути. Было устроено превосходное угощение на открытом воздухе, и мы долго беседовали. До того дня я все ждал, когда Ясин-ага попросит представить ему отчет о наших с Исмаилом расходах. Но он молчал, и я решил сам затронуть эту тему.

– Ясин-ага, вы так и не потребовали у меня отчета. Как же мне уехать без этого? – сказал я.

– Что за еще отчет? – не понял ага.

– Как же? Вы ведь договорились с Исмаилом о разделе при-

были от мельницы в соотношении два к одному. Мы здесь ели и пили за счет этой выручки. Расчеты вел Исмаил. Уезжая, он не оставил мне счетов или записей, но попросил до его возвращения вести эту бухгалтерию, сказав, что потом сочтемся. Вот я и записывал в этот блокнот все доходы от мельницы и свои расходы.

С этими словами я достал из кармана маленький ежедневник. У Ясин-аги в поместье работали батраки. Когда они приносили мне подписанную им записку, я выплачивал им указанную в ней сумму. Эти расходы я день за днем фиксировал на страницах ежедневника. Я также заносил в него стоимость купленных мной во время моих поездок в город мелочей, вплоть до газет и спичек. Сейчас я пункт за пунктом зачитал этот список Ясин-аге. Он и его гости слушали меня, не проронив ни слова. Согласно моим расчетам, я должен был семнадцать с половиной лир. Вынув бумажник, я достал из него нужную сумму и протянул ее аге.

– Что ты делаешь? – спросил он.

– Возвращаю вам долг.

Ясин-ага с изумлением посмотрел мне в лицо и рассмеялся:

– Да будь ты мне должен не семнадцать с половиной, а целых семнадцать тысяч лир, разве смогу я взять их у тебя? Положи бумажник в карман, а вот ежедневник, если он тебе не очень дорог, подари мне на память.

– С удовольствием, – сказал я и отдал ему ежедневник.

Ага поблагодарил меня. Спустя много лет до меня дошел слух, что во время бесед со своими друзьями и гостями Ясин-ага нередко упоминал обо мне и, демонстрируя им эту маленькую записную книжку, спрашивал:

– Приходилось ли вам еще в наше время видеть такого честного человека?

В понедельник утром я тепло попрощался с агой и его семейством и уехал. В те времена дороги в Восточной Анатолии были разбитые и неасфальтированные, а автобусы по ним ходили старые и маломощные. В результате мое путешествие до Эрзурума продлилось целых шестнадцать часов. Поскольку я добрался до дома поздно вечером, усталый и измученный, весь

следующий день я отдыхал. Но уже в среду рано утром я выехал в Сарыкамыш, чтобы выполнить данное Ясин-аге слово.

В Бозате я рассказал своим шуринам о своей проблеме и попросил их найти мне хорошего специалиста по мельницам. Они сразу же сказали:

– В наших краях нет лучшего мастера, чем Сары-Василий¹. Вот только захочет ли он ехать в Элязыг?

Затем они рассказали мне о том, каким мастером на самом деле является Исмаил.

– Его зять Хаккы-бей, отставной судья, много лет назад купил брошенную мельницу в Селиме. Управляющим там у него был один молоканин. Когда зять умер, Исмаил уговорил свою овдовевшую бездетную сестру передать ему управление мельницей на равных паях. Он управлял мельницей довольно долго, но, видимо, сестра так и не дождалась обещанной прибыли и, в конце концов разорвав с ним соглашение, поручила дела Сары-Василию. Тот усовершенствовал мельницу, приделал к ней сито и стал молоть муку заводского качества. Теперь мельницей управляют подросшие сыновья Василия, а сам он живет в свое удовольствие на доходы от нее. Довольна жизнью и сестра Исмаила.

Выслушав эту историю, я еще лучше понял, какую глупость совершил. Мог ли человек, таким образом поступивший с родной сестрой, быть порядочным по отношению ко мне и Ясин-аге? Однако мой шури Решад предупредил меня:

– Мне кажется, тебе стоит встретиться с Исмаилом. Если ты договоришься с Василием и он поедет с тобой, то Исмаил может отправиться следом за вами и заявить, что он тоже собирался ехать, и подаст на вас в суд за то, что вы нарушили договор, допустив до мельницы Василия. Твой ага и ты окажетесь в затруднительном положении.

Согласившись с этими доводами, я нанял фаэтон, и мы с Решадом поехали в Верхний Сарыкамыш. Открывшая нам дверь дочь Исмаила сказала, что ее отец ушел в лес за дровами. Указывая на меня, Решад сказал девочке:

¹ В оригинале: *Sarı Vasili*. *Сары* – по-турецки «желтый, блондин».

– Когда отец вернется, передашь ему, что приехал Темирболат и что мы будем ждать его завтра в отеле «Палас» в Сарыкамыше.

На следующий день мы встретились с Исмаилом в чайной отеля «Палас». Я, как ни в чем не бывало, по-дружески приветствовал его, расспросив о здоровье его самого и его матери. Когда же мы немного побеседовали, я сказал:

– Исмаил, тебе самому нравится то, что ты сделал? Я сейчас говорю не о том, что впустил потерял пять месяцев. В конце концов ты не отвез меня в Элязыг насильно, я сам себя обманул, поверив в твои рассказы. В этом я виню не тебя, а себя. Но почему, не будучи специалистом, ты разобрал работающий мельничный жернов, заставив человека пойти на расходы и влезть в долги? Он совершенно подавлен и все еще надеется на твой приезд. Что ты думаешь делать? Собираешься ли возвращаться туда?

– Темирболат, как ты можешь так говорить? – возмутился Исмаил. – Да разве бы я взялся за это дело, если бы не разобрался в нем? Но что я могу поделать? Моя мать больна. Я тоже заболел. Сына взяли в армию. Дом рушится. Семья в бедственном положении. Как я оставлю все и уеду?

– То есть ты туда больше не поедешь. Правильно ли я тебя понимаю?

В присутствии свидетелей я заставил-таки его произнести:

– Нет, не поеду.

– В таком случае у меня к тебе просьба, – продолжил я. – Ясин-ага хотел заключить со мной договор на тех же условиях, что и с тобой. Но я не согласился и вышел из этого дела. Это его так расстроило, что я был вынужден перед отъездом пообещать ему съездить в Сарыкамыш, постараться подыскать здесь хорошего мастера и уговорить его поехать работать в Элязыг. Собственно, для этого я сюда и приехал. Моя задача – найти такого специалиста и отвезти его к Ясин-аге. Договорятся они друг с другом или нет, это уже не моя забота. Я в любом случае вернусь к себе в Эрзурум. Но здесь я никого не знаю и потому прошу тебя помочь мне и порекомендовать честного, порядочного человека, разбирающегося и в мельницах, и в пчелах.

Подобно моим шуринам, Исмаил, не задумываясь, ответил:

– Если Сары-Василий согласится, то лучше него ты здесь никого не найдешь.

На этом мы попрощались. Следующий день был субботой. Учреждения не работали, и мы с Решадом отправились в Селим к его двоюродному брату¹ Хаджимирзе Октару. Хаджимирзы дома не было, но его мать Кула-ханым встретила нас очень радушно. Немного поговорив с ней, я сказал, что хотел бы прогуляться по селу, в котором когда-то начинал свою жизнь в Турции. Вместе с Решадом мы прошли по длинной главной улице села. Естественно, заглянул я и в здание, где некогда располагался сыроваренный заводик. С уважением и благодарностью вспомнил я там немцев, научивших меня азам столярного ремесла, и Вейиса Кочулу, предоставившего мне эту возможность. Пообщавшись с некоторыми старыми друзьями, мы вернулись к тете Куле. Хаджимирза был уже дома. После обмена приветствиями и расспросов о здоровье и делах мы объяснили ему, что приехали повидаться с Сары-Василием.

– Подождите немного, – сказал Хаджимирза и вышел.

Через десять минут он вернулся с Василием. Решад был знаком с мастером, и Хаджимирзе оставалось лишь представить ему меня. Пока мы знакомились и обменивались обычными в таких случаях фразами, хозяйева накрыли стол. После обеда я подробно рассказал Василию о своем деле. Он внимательно слушал меня, иногда улыбаясь, а когда я закончил – громко расхохотался и сказал с молоканским акцентом:

– Откуда Исмаилу знать, как делается мельница? Он однажды прислал ко мне на мельницу своего сына Оздемира. Пятнадцать дней мальчишка ходил. Я все ему рассказал, показал. Он что-то себе начертил, записал и ушел. Исмаил взял эти рисунки и отправился делать сестре мельницу. Я потом только про это узнал. Но так, по картинкам, мельницу не сделаешь. Исмаил тоже ничего не смог и бросил дело нам.

Я в общих чертах описал Василию состояние элязыгской мельницы и сказал:

¹ Дословно: «сыну тетки по отцу».

– Я хочу отвезти тебя туда. Ты все согласишься своими глазами и выдвинешь свои условия. Сам я в этом деле не участвую и занимаюсь им только потому, что дал слово Ясин-аге. Если вы договоритесь друг с другом, я буду рад. Если нет, мы с тобой вместе вернемся в Эрзурум, а оттуда я отправлю тебя сюда за мой счет. Идет?

Василий задал мне кое-какие вопросы относительно глубины и ширины ручья, на котором стоит мельница. Я ответил, что не могу дать ему точных сведений, так как не являюсь мельником, и предположил, что это может знать Исмаил.

– Нет, тогда и он не знает, – сказал Василий и, немного помолчав, добавил: – Ладно, предположим, мы поехали туда. Договоримся – хорошо. А если нет, то кто возместит мои суточные расходы?

– Василий! – не выдержав, воскликнул я. – А кто возместит мои суточные расходы? У меня нет в этом деле своего интереса. Я стараюсь только для того, чтобы не выглядеть лжецом в глазах Ясин-аги и выполнить данное ему обещание. Всю нашу поездку я оплачиваю из своего кармана.

Василий еще некоторое время подумал и дал окончательный ответ:

– Прямо сейчас ехать не могу. Вы пока возвращайтесь. Встретимся во вторник на станции в Сарыкамыше и поедем.

В следующий четверг ровно в полночь мы с Василием прибыли в Элязыг. На фаэтоне мы доехали до дома Ясин-аги в квартале Енимахалле. Я нажал на кнопку звонка. Открылось одно из окон на верхнем этаже, и раздался голос хозяина:

– Кто там?

– Это я, Полад, – ответил я.

После секундного замешательства ага проревел во все горло:

– Полад-бей приехал!

Во всех комнатах загорелся свет. Дочь и сын аги, повскакав с постелей, в ночных пижамах сбежали вниз по лестнице, открыли мне двери и бросились на шею с криком:

– Дядя Пола-а-ад!

Мы поднялись наверх и расположились в зале. Вскоре к нам вышел и Ясин-ага, и мы обнялись, как старые друзья. Немного погодя заглянула и его жена и сердечно приветствовала нас. Было видно, что моему появлению искренне рада вся семья. По всей вероятности, ага не придавал значения моему обещанию, решив, что я дал его ему перед отъездом лишь ради красного словца и не стану утруждать себя дальней дорогой без какой-либо выгоды для себя. Наблюдая оказанный нам прием, Василий сидел в замешательстве. Я представил его хозяевам. Они положили перед нами раздобытую в этот поздний час еду, накормили и уложили спать.

Утром после завтрака Ясин-ага сказал:

– Полад-бей, я сегодня собираюсь на пятничную молитву в мечеть и поэтому не смогу поехать с вами в поместье. Но в этом и нет нужды, так как ты лучше меня знаешь положение. Так что вы поезжайте. Пусть Василь-бей все посмотрит, измерит, подсчитает, а потом мы сядем и поговорим.

Трудившиеся в поместье и соседних виноградниках батраки, увидев меня, сбегались, чтобы приветствовать нас. Это опять повергло Василия в изумление:

– Как же тебя тут любят! Интересно, если бы приехал Исмаил, его бы тоже так встретили?

– Не знаю, он здесь недолго пробыл. Может быть, и ему оказали бы такие же почести, – предположил я.

Мы приступили к работе. Вошли в мельницу. Василий обошел ее, исследовал жернова. По выражению его лица было заметно, что он недоволен ее состоянием. Осмотрев сделанные мной части, он сказал:

– Ты выполнил четверть работы.

– Я делал лишь то, что мне говорил Исмаил, – ответил я.

Мы вышли наружу. После множества долгих замеров и оценок Василий наконец вынес свой вердикт:

– На этой воде производительность мельницы сильно не повысишь. Для этого нужно убрать желоба, потом разрушить боковую стену и вместо нее возвести железобетонную. Чтобы сделать такую мельницу, какую обещал вам Исмаил, необходи-

мо поставить турбину в двадцать лошадиных сил. По-другому не получится. Если ага на это согласится, значит, мы договорились. А если нет, то давай не будем ждать и уедем. Долго говорить и торговаться не стоит. Однако место здесь, конечно, просто прекрасное.

Крестьяне угостили нас арбузом и виноградом. Поев, мы покинули поместье. Когда мы приехали в дом, ага еще не вернулся из мечети. Мы сели в зале и стали потихоньку попивать кофе. Вскоре появился и ага. Увидев нас, он удивленно спросил:

- Что такое? Вы не ездили в поместье?
- Мы уже были там, все сделали и вернулись, – ответил я.
- Надо же, как быстро! Исмаилу понадобилось десять дней, чтобы только сделать прикидки.

Василий на это пошутил:

- Так ведь он строил завод, оттого и возился долго. Мы же будем делать мельницу.

Мы рассмеялись. Затем Василий изложил аге свои расчеты, повторив сказанное мне в поместье. Свои пояснения он завершил словами:

- Если вы согласны с тем, что я сейчас предложил, то мы сделаем вам именно такую мельницу, о которой говорил Исмаил.

Употребленное Василием слово «мы» ага, должно быть, принял за свидетельство того, что я договорился с Василием и готов участвовать в этом проекте. Поэтому он не задумываясь ответил:

- Если Полад-бей в деле, то проблем нет. Я вынужден был вмешаться в разговор:
- Нет, нет! На меня, пожалуйста, не рассчитывайте. Я должен вернуться домой в Эрзурум.

Оба растерянно посмотрели на меня. Я продолжил:

- Ясин-ага! Я, как и обещал, привез вам лучшего мастера в Сарыкамышском округе, а, может быть, и во всем Карсском вилайете. Как только вы договоритесь друг с другом, моя миссия закончится. Если же вы не сможете придти к согласию, я отправлю Василь-бея домой и точно так же завершу свою миссию.

Настроение аги резко испортилось. Горько усмехнувшись, он расстроено сказал:

– Если ты уедешь, то пропади пропадом и мельница, и поместье! Не нужны они мне! В жизни я занимался разными делами и работал со многими людьми. Но ни разу не встретил никого, кто соответствовал бы моим представлениям о порядочности. В твоём лице я нашел не просто надежного товарища, но настоящего брата. Если ты отказываешься участвовать, то все это не имеет смысла.

Под впечатлением продемонстрированного агой по отношению ко мне доверия и уважения Василий тоже заявил:

– Если ты не остаешься, то и я не останусь.

Наступило молчание. Тем временем подали угощение. Мы стали обедать, но все были невеселы. Я не выдержал и, чтобы хоть как-то оживить обстановку, сказал:

– Что произошло? Почему не разговариваете?

– О чем говорить? – ответил ага. – Ты одной рукой делаешь дело, а другой сам же его разрушаешь.

– Верно, – поддержал его Василий.

Тогда я обратился к аге:

– Ясин-ага! Уезжая отсюда, я лишь пообещал вам найти хорошего мастера. Разве я говорил вам, что собираюсь и дальше работать с вами?

Затем я повернулся к Василию:

– Разве во время нашей первой встречи я сказал, что буду работать вместе с тобой? Разве я не говорил, что или оставлю тебя здесь и вернусь в Эрзурум, или отвезу тебя обратно в Сарыкамыш?

Первым ответил Василий:

– Да, это так. Но тогда я не был с тобой знаком. То, что я здесь о тебе услышал и увидел, очень мне понравилось, и я бы хотел работать с тобой на тех же условиях, на которых ты работал с Исмаилом. Здесь столько дел, что мне их в любом случае одному не переделывать. Почему бы тебе не быть моим компаньоном? Не бойся, я не брошу тебя на полпути и не сбегу, как Исмаил. Я никогда не берусь за работу, если не разбираюсь в ней и не уверен в себе.

В результате подобными речами мои товарищи выдавили из меня согласие. Снова повеселев, они возобновили обсуждение. В том, что касалось мельницы, ранее заключенное с Исмаилом соглашение было полностью сохранено, то есть доход должен был делиться между Ясин-агой и Василием в соотношении два к одному, а мы с Василием должны были стать компаньонами на равных паях. От мельницы разговор перешел к пчеловодству. Василий выдвинул аге следующие условия:

– Для столярных работ вы полностью обеспечите нас машинами и станками и купите генератор, чтобы приводить в действие эту систему. Мы немедленно приступим к сооружению турбины. Вы же тем временем разрушите боковую стену и возведете на ее месте железобетонную. Таким образом мы в течение примерно двух месяцев приведем в рабочее состояние и турбину, и мельницу. Для изготовления ульев вы обеспечите поступление в поместье обстроганных с обеих сторон досок нужного нам размера. До весны мы изготовим сто ульев, а вы добудете для них пчел. Это будут наши основные ульи. В дальнейшем, чтобы выпущенные этими пчелами рои не пропадали, мы будем быстрыми темпами делать новые ульи и ухаживать за всеми имеющимися пчелиными семьями. Так мы будем работать в течение пяти лет. По истечении этого срока мы отделим сто основных ульев, поскольку они ваши. Из остальных же ульев половина также будет принадлежать вам, а половина – мне и Полад-бею.

При этих словах Ясин-ага вдруг поднял вверх руку:

– Нет, так не пойдет! Эти ульи тоже должны быть поделены в пропорции два к одному.

– Но в таком случае мы за пять лет ничего не заработаем и вернемся домой с тем, с чем приехали сюда, – возразил Василий.

Они некоторое время спорили, но так и не пришли к согласию. Без пчеловодства работа в поместье для меня теряла привлекательность, однако именно по этому вопросу они не смогли договориться. В результате договор был сорван, и перед нами открылась дорога домой. С одной стороны, я был рад, что дело

расстроилось не по моей вине, а из-за самого Ясин-аги, но в то же время мне было жаль своих напрасно потраченных усилий.

Остаток дня мы с Василием ходили по городу и купили себе билеты на автобус на следующий день. Утром Ясин-ага снарядил для нас фургон и отправил на автостанцию. Перед прощанием он вручил мне сто пятьдесят лир в возмещение понесенных мной расходов. Как я ни пытался отказаться, он насильно засунул их в мой карман, сказав:

– Я тебе благодарен.

Таким образом, единственным плодом моих стараний стало то, что я устроил Василию эту прогулку. Он остался доволен поездкой. Одну ночь он переночевал у нас в Эрзуруме, а наутро я посадил его в автобус и отправил в Сарыкамыш.

Так мы дожили до осени 1953 года. Зиму я провел сидя дома без дела. Наступила весна, но работы по-прежнему не было. Удалось лишь сдать в аренду лавку. Поскольку заняться было нечем, мне пришла в голову мысль о том, чтобы немного попутешествовать. Мой ныне покойный тесть, дядя моей супруги Фатимы, ветеран и инвалид войны за независимость отставной подполковник Сулейман Фаик Огюн в каждом своем письме писал, что очень соскучился по мне, и приглашал погостить у него в Анкаре. Я решил принять приглашение, а по возможности – если хватит средств – доехать и до Стамбула, чтобы повидаться и с тамошними родственниками.

24 апреля 1954 года я прибыл автобусом в Анкару и направился в дом Сулейман-бея в квартале Демирлибахче. Была суббота, и там собрались чуть ли не все анкарские Хосоновы (Огюны): сыновья, племянники и более дальние родственники хозяйина со своими семьями. Как оказалось, они еженедельно непременно приходили в этот дом. И это было отнюдь не случайно. Дело в том, что Сулейман-бей, в свое время сам отказавшись от роскоши и порой куря простые солдатские папиросы, забирал достигших школьного возраста детей из своего родного села Бозат к себе домой и годами за собственный счет кормил и обучал их. По окончании же ими средней школы он устраивал их в закрытые либо военные училища и всегда испытывал гордость,

слыша об успехах своих земляков. Они также платили ему любовь и считали своим долгом при первой возможности навестить его. Среди тех, кого я в тот день застал у Сулейман-бея, были сыновья его младшего брата Юнус-бея – Муса (позднее он дослужился до корпусного генерала и был генеральным директором Государственной телерадиокомпании)¹ и Иззет. Их мать Таухан доводилась мне родственницей. Кроме того, жена Иззета – Севим – была племянницей Кубатиевых. Иззет сказал мне:

– Дядя, моя мать очень хотела бы вас видеть. Ждем вас в гости.

В один из следующих дней я вместе с сыном Сулейман-бея Сурури и сыном шурина Сулейман-бея Хайдаром Абисаловым² (Альпсалом) нанес визит Таухан. Она была несказанно рада мне, и мы с тоской и удовольствием вспомнили прежние дни. Там находились также Муса, его жена Яшар-ханым³ и его сестры Наиме и Айсель, а также сын последней – Эрдем (отцом Эрдема, то есть мужем Айсели, был уже покойный тогда Солтан Карабугаев⁴, о котором я упоминал в своих кавказских воспоминаниях). Нам был предложен превосходный кофе, и после

¹ Муса Огюн (1917-2007) – один из наиболее высокопоставленных и известных военных-осетин в Турции. Принадлежал к роду Хосоновых. В 1940 году окончил Сухопутное училище, в 1954 – Сухопутную академию. Служил на различных командных и штабных должностях в вооруженных силах. В течение многих лет являлся военным атташе Турции в Советском Союзе. Впоследствии возглавил управление связи и электронных систем генерального штаба. В период военного правления 1971-1973 годов был генеральным директором Турецкой радиотелевизионной компании, внося большой вклад в создание технической инфраструктуры современного телевидения в стране. Впоследствии занялся политикой и избирался депутатом парламента Турции от Карсского вилайета от правоцентристских партий.

² В оригинале: Abisal.

³ Яшар-ханым, супруга генерала Мусы Огюна, являлась внучкой (дочерью дочери) первого осетинского профессионального поэта Темирболата Мамсурова, эмигрировавшего в Османскую империю в 1865 году. По отцовской линии имела чеченское происхождение.

⁴ В оригинале: Karabuğa.

долгой теплой беседы я попросил разрешения отпустить меня. Однако Таухан, встав на ноги, решительно запротестовала против этого:

– Сегодня ты мой гость, и я никуда тебя не отпущу! Ведь ты и не знаешь, какие фыдджыны¹ печет твоя племянница Севим.

Был накрыт великолепный стол с осетинскими блюдами и выпивкой. Под аккомпанемент красивых кавказских мелодий, которые исполнял на аккордеоне Эрдем, мы ели, пили и танцевали. Веселье продлилось допоздна. Зато на следующий день мы проспали до полудня.

Еще около трех недель я провел в Анкаре, навещая родственников и старых знакомых и гуляя по городу. Среди тех, с кем я повидался, был и мой старый товарищ по Кавказу и одновременно родственник Туган Туганов², живший в квартале Бахчелиэвлер. Когда я пришел в его дом, он встретил меня словами:

– Где ты? Сегодня я сам ходил к Сулейман-бею, чтобы увидеть тебя. Прождал там несколько часов, но ты так и не появился.

Он накрыл стол, и мы предались воспоминаниям о прошлом, а затем поговорили и о настоящем. Узнав, что я безработный, Туган сказал:

– Один мой хороший друг, Азиз, работает начальником отдела кадров в центральном офисе Государственной зернозакупочной компании. Я завтра же возьму у него для тебя визитку. Думаю, если ты подойдешь с ней к руководителю их эрзурумского отделения, там тебе обязательно дадут хорошую работу. Если вдруг возникнут сложности, телеграфируй мне, и я попрошу Азиза вмешаться.

На следующий день Туган действительно принес мне визитку, подписанную его другом.

Находясь в Анкаре, я в один из дней заглянул в центральную пенсионную кассу военных предприятий, чтобы попытаться получить там свою очередную месячную пенсию. На мою удачу, ее еще не успели перечислить в Эрзурум и, изучив мои документы,

¹ Фыдджын – традиционный осетинский пирог с мясом.

² В оригинале: Doğan Tuğantay.

беспрепятственно в считанные минуты выдали мне. Вместе с пенсией я неожиданно получил и причитавшиеся мне надбавки за детей, которые из-за отсутствия в моем деле каких-то бумаг на протяжении многих лет не пересылались мне и копились в фонде. Это стало для меня приятным сюрпризом: со дня моего выхода на пенсию набралась пусть и не слишком большая, но все же вполне способная порадовать меня сумма в 545 лир. Обрадованный этим неожиданным подарком, я решил отправиться из Анкары в Стамбул, а по дороге посетить также город Дюздже¹.

В средних числах мая, на исходе месяца рамазана, я выехал на автобусе в Дюздже с расчетом провести там праздничные дни. Причиной моего желания заехать туда было следующее. За несколько лет до этого я познакомился с молодым военным врачом по имени Октай Шагмыт. Он был кавказского, черкесского происхождения, родом из Дюздже, но проходил трехлетнюю службу у нас в Эрзуруме. Мы сдружились с ним и регулярно общались. По окончании этого срока его на несколько месяцев направили в воинские части в соседние вилайеты для проведения диспансеризации и вакцинации военнослужащих с тем, чтобы после командировки перевести на новое место службы. На это время, чтобы его жена не оставалась дома одна, он пригласил из Дюздже своих тестя и тещу. Однако по какой-то причине новое назначение доктора сильно затянулось, а его жена и ее родители, поторопившись освободить квартиру, которую снимали, неожиданно оказались без крыши над головой. Тогда мы предложили им погостить у нас, и они несколько дней пожили в нашем доме. Тесть Октая Фуад-бей в прошлом работал первым секретарем министерства юстиции. После выхода на пенсию он открыл собственную адвокатскую контору в Дюздже, а сам проживал в близлежащем селе Чамкёй. Это был очень образованный и приятный человек, и мы с ним подолгу с удовольствием

¹ Дюздже – город на северо-западе Турции, ныне центр одноименной провинции. Расположен примерно на полпути между Анкарой и Стамбулом. Значительную часть населения составляют этнические адыги и абхазы, потомки переселенцев второй половины XIX века.

беседовали. Как-то в разговоре я упомянул о том, что по возможности собираюсь в этом году посетить Стамбул, и Фуад-бей тут же сказал:

– Надеюсь, у вас это получится. В этом случае обязательно загляните и к нам в Дюздже.

К полудню мой автобус въехал на станцию Дюздже. Первый же встречный показал мне, где находится контора адвоката Фуада Тугрула. Завидев меня в дверях, Фуад-бей вскочил с места, подбежал, взял у меня из рук чемодан и крепко обнял. Его компаньон, сидевший за другим столом, тоже поднялся, приветствуя меня. Обращаясь к нему, Фуад-бей сказал радостным тоном:

– Это тот самый Полад-бей из Эрзурума, о котором я часто говорил тебе. Скажи на милость Аллаха, разве я и сегодня не упоминал его?

Когда мы сели, компаньон, как бы подтверждая эти слова, обратился ко мне:

– Поверьте, даже не будучи с вами знаком, я завидовал вам. Редко находится день, чтобы Фуад-бей не вспомнил о вас с благодарностью. Как я понял, вы с вашей супругой почти не остаетесь без гостей и по нескольку раз в день накрываете для них торжественные столы. Вот это истинное старинное черкесское гостеприимство! Кто в наше время еще способен на такое?

– Что вы? – ответил я. – Все не настолько идеально. Спасибо Фуад-бею, но он несколько преувеличил мои заслуги.

– Нисколько не преувеличил! – возразил Фуад-бей. – Я лишь рассказал то, что видел своими глазами. Это благородство досталась вам в наследство от вашей семьи и ваших предков. Иначе почему остальные так не поступают? Ведь там, в Эрзуруме, у нас были и другие соотечественники, но отчего-то никто из них не поспешил нам на помощь.

Признаться, мне, как и любому человеку, было приятно слышать столь хвалебные слова в свой адрес, но, чтобы закончить эту тему, я сказал:

– Что ж, если наши гости уезжают от нас довольными, то счастливы и мы. Я благодарен прежде всего моей жене. Она

готова не есть сама, лишь бы угодить гостю. Ее стараниями нам удается завоевывать симпатии и признательность друзей.

После беседы и небольшой прогулки по городу мы с Фуад-беем сели в маршрутное такси и через десять минут были в Чамкёе. Это было типичное кавказское село. Двухэтажный дом Фуад-бея стоял посреди широкого двора. За домом находился большой фруктовый сад, а в одном из концов двора – конюшня и навес. Когда мы вошли в садовую калитку, навстречу нам выбежали жена доктора Октая – Резан-ханым – и ее младшая сестра, вероятно, увидевшие нас из окна. Обе бросились мне на шею. Я взял их под руки, и мы вместе поднялись на верхний этаж в просторный зал, из которого выходили три комнаты. Там меня очень радушно встретили три незамужние старшие сестры Фуад-бея. Мы приятно побеседовали, а с вечерним азаном сели за стол.

Следующим утром мы с хозяином отправились пешком по лугам в расположенное в двух километрах другое, более крупное село для совершения праздничного намаза. Когда мы приблизились к селу, до нас стала доноситься проповедь, которую через установленный на минарете мечети громкоговоритель читал с сильным лазским акцентом местный мулла. Поскольку мы с Фуад-беем оживленно разговаривали, я поначалу не обратил внимания на содержание этой речи. Мы вошли в мечеть и заняли свободные места. Голос муллы был таким зычным, что в громкоговорителе не было и необходимости. Оказывается, проповедь касалась того, на каких языках следует совершать богослужение и читать молитвы. К моменту нашего появления мулла уже заканчивал свое выступление. Сделав глубокий вздох, он произнес:

– Аллах знает и по-арабски, и по-турецки, и по-английски, и по-французски, и по-русски...

Перечислив так еще несколько языков, он сделал небольшую паузу, обвел взглядом собравшихся и, видимо, вспомнив, что в селе большинство составляют черкесы, выпалил, как из рамазанской пушки¹:

¹ Рамазанская пушка – пушка, из которой в прошлом в османских городах в период рамазана с заходом солнца производился выстрел, возвещавший о наступлении времени разговения.

– Аллах знает и по-черкесски!

Мы с Фуад-беем переглянулись и рассмеялись.

После намаза мы обменялись праздничными поздравлениями с местными жителями и некоторое время побеседовали с ними, а затем поехали на микроавтобусе в город. Там я тоже познакомился со многими кавказцами. Фуад-бей повел меня в дома нескольких людей, которые раньше проживали в Эрзуруме и с которыми я так или иначе был знаком. Одним из них был Ахмед Хаты. Всего несколько дней назад он был избран депутатом парламента Турции от провинции Болу¹ по спискам Демократической партии. Когда-то он жил в Эрзуруме, а его брат Шабан-бей даже работал со мной на военном заводе. Перед домом Ахмед-бея собралась толпа соотечественников, пришедших поздравить его как с праздником, так и с победой на выборах. Еще больше людей находилось внутри, в большом зале. Увидев меня рядом с Фуад-беем, Ахмед-бей вскочил с места, подбежал к нам и с изумлением спросил:

– Полад-бей, какими судьбами? Что привело вас в наши края?

Мы обнялись, и я ответил:

– Как что? Я специально приехал из Эрзурума, чтобы поздравить вас.

Мы рассмеялись. Он расспросил меня о каждом из наших общих знакомых в Эрзуруме. Выпив предложенный нам кофе, мы попросили разрешения откланяться. Ахмед-бей был чрезвычайно тронут нашим визитом. Провожая нас, он сказал мне:

– Двери моего дома всегда открыты для вас. Давайте не забывать друг о друге.

Когда мы вышли оттуда, от находившейся перед домом толпы отделился человек и направился к Фуад-бею. Остановившись перед ним, он, свесив руки и склонив голову, как это принято у нас, кавказцев, при сообщении траурного известия, сделал небольшую паузу и что-то сказал Фуад-бею по-черкесски.

– Ах-х! – с досадой произнес Фуад-бей и, повернувшись ко

¹ В описываемый период регион Дюздже входил в провинцию Болу.

мне, пояснил: – Полад-бей, в селе у меня жил дядя с материнской стороны. Сейчас я узнал о том, что его не стало. Мне необходимо ехать туда. Вы пока погуляйте по городу и в любое время возвращайтесь домой отдохнуть. Вечером увидимся.

Выразив ему свои соболезнования, я попросил его не беспокоиться обо мне и спокойно выполнить свой долг, заверив, что самостоятельно похожу по городу и вернусь на микроавтобусе в село. На этом мы расстались.

На улицах Дюздже все от продавцов бубликов до чистильщиков обуви независимо от возраста говорили по-черкесски. В Турции всех выходцев с Кавказа называют черкесами. Я тоже кавказец, но я осетин. Поскольку наш язык совсем другой, я не понимал говорящих. Обойдя неспешным шагом город, я в конце концов оказался около автостанции, куда вчера прибыл из Анкары. Там, проходя мимо довольно большого кафе, я через его распахнутую дверь заметил сидевших за одним из ближних столиков трех людей на вид гораздо моложе меня. Тот, что сидел лицом к входу, увидев меня, вдруг вскочил с места, подбежал и, схватив за руку, стал говорить:

– Добро пожаловать! Милости просим к нам!

Не понимая, кто передо мной находится, я ошарашенно смотрел на молодого человека, а он между тем, не отпуская моей руки и пятясь, тянул меня к столику, где сидели его товарищи. Наконец, заметив мое недоумение, он сказал:

– Вы не узнали меня? Разве вы не кавказец Каплан-бей? Помните, в Стамбуле мы вместе гостили у уважаемого Мехмед-аби¹?

– Брат мой! – сказал я. – Я и в самом деле кавказец, но меня зовут не Каплан, а Демирполад Кубат. В Стамбуле я никогда не был, хотя, если посчастливится, надеюсь отправиться туда завтра.

От этих моих слов парень смутился и слегка оцепенел. Между тем мы уже приблизились к столу, за которым сидели его товарищи. Те, слыша наш разговор, встали и пригласили меня

¹ Аби (сокр. от *агабей* «старший брат») – почтительное обозначение старшего по возрасту мужчины в турецком.

сесть рядом с ними. Мы познакомились. Они тоже были черкесами. Узнав, что я приехал в Турцию с Кавказа, они буквально засыпали меня вопросами. Я, как мог, рассказал им о том, когда и почему покинул родину. В какой-то момент один из них схватил за руку человека, быстрым шагом проходившего мимо нашего столика, и, указывая на меня, сказал ему:

– Гость.

Человек был заметно старше моих собеседников. Остановившись, он пожал мою руку и сказал:

– Добро пожаловать! Простите меня, но я очень спешу по одному делу. Надеюсь присоединиться к вам чуть позже.

Когда я завершил свой рассказ о событиях большевистской революции на Кавказе, они поблагодарили меня и спросили, где я остановился. Я ответил, что являюсь гостем Фуад-бей и завтра уезжаю в Стамбул. Последнее обстоятельство их крайне огорчило.

– Если бы Фуад-бей дал нам знать раньше, мы бы познакомили вас и с другими нашими соотечественниками, чтобы и они услышали вашу историю, – с сожалением сказали они перед расставанием.

Уже вечерело, и я на маршрутке отправился в село. В ту ночь Фуад-бей не вернулся домой. Это было неудивительно, ибо едва ли можно было ожидать, что он оставит дом покойного родного дяди. Наутро, тепло попрощавшись с домашними, я отправился на станцию. До прибытия моего автобуса оставалось еще немало времени, и я решил зайти в кафе, где за день до этого сидел в компании своих новых знакомых. Немного погодя ко мне подошел тот самый человек, который вчера из-за срочного дела не смог присоединиться к нам. Я встал, мы пожали друг другу руки и сели.

– Простите меня еще раз за вчерашнюю спешку, – сказал он. – Очень сожалею, что не смог вас послушать. Когда я вернулся, ребята передали мне ваш рассказ. Они только и говорят об этом.

– Что вы? Я не рассказал ничего особенного, – заметил я. – Лишь отвечал, насколько мне позволяли мои знания, на заданные вопросы.

– Мы здесь встречали немало людей, приехавших с Кавказа после революции. Но ни один из них не рассказывал об этом времени так подробно, как вы.

– Это не их вина. Они, скорее всего, эмигрировали раньше меня, в 1920 году. Я же приехал в конце 1922 года и благодаря этому успел стать свидетелем очень важных событий, произошедших на Кавказе за эти три года, – пояснил я. – Однако это уже не имеет никакого значения. Все осталось в прошлом.

Тем временем на станцию подъехал автобус, следовавший из Анкары в Стамбул. Мой собеседник взял мой чемодан, донес его до автобуса и поставил в багажное отделение. Мы еще некоторое время поговорили, стоя на перроне, а потом, обнявшись, попрощались, словно знакомые сорок лет друзья. До самого отправления автобуса он не ушел с перрона.

Используя данную мне анкарскими родственниками карту-схему и расспрашивая прохожих, я легко нашел дом Энвера Кантемирова¹ в стамбульском квартале Нишанташи. Я еще только подходил к нему, когда из открытого окна первого этажа донесся громкий возглас хозяина:

– Дядя Темирболат приехал!

Через минуту Энвер уже встречал меня вместе со своей дочерью Эсен у входа в подъезд. Мы обнялись и расцеловались. В дверях квартиры меня так же радушно встретила жена Энвера Зехра, являвшаяся двоюродной сестрой моей жены (дочерью подполковника Сулеймана Фаика Огюна). Поскольку шел второй день праздника рамазана, в доме было много гостей. К вечеру пришли еще люди, и в результате я смог повидаться с большинством своих родственников. На следующий день уже мы сами нанесли праздничные визиты нашим родственникам, в том числе проживавшим в таких отдаленных кварталах, как Бакыркёй и Атакёй. Большинство этих встреч стали сюрпризом как для меня, так и для них, и доставили нам много радости.

Еще через день к нам заглянул мой родственник и старый кавказский товарищ полковник в отставке Асланбек Шанаев²

¹ В оригинале: Kandemir.

² В оригинале: Şanata.

(он окончил военное училище в России, а после эмиграции преподавал русский язык и физвоспитание в военном училище в Турции). Он повел меня в гости к бывшему президенту Северо-Кавказской Республики Пшимахо Коцеву¹ и его жене Нефисет-ханым². Там я повстречался со многими нашими соотечественниками и превосходно провел время. В тот же день Асланбек повел меня во много других интересных мест и, можно сказать, показал мне Стамбул. Во всяком случае, после этого я стал один без затруднений совершать прогулки между Нишанташи и рынком Капалычарши³. Когда же по прошествии еще нескольких дней из Анкары подъехал Хайдар Абисалов, роль моего добровольного гида по Стамбулу перешла к нему.

В период моего пребывания в Стамбуле я несколько раз навещал также моего родственника Алихана Туганова⁴. Он жил в однокомнатной квартире в квартале Харбийе и был тяжело болен. Мои визиты его невероятно радовали, и, пока я у него сидел, он почти не выпускал мою руку из своей. Алихан покинул Кавказ в 1920 году, оставив там свою жену Налджан. В Турции он больше не женился, прожив всю жизнь холостяком. Будучи хорошим художником, он нарисовал маслом портрет своей жены размером 70 на 100 сантиметров, который висел на стене у изножья его кровати. Это меня очень тронуло. При каждой нашей

¹ Пшимахо Коцев (1887-1962) – представитель кабардинской знати, до революции известный на Северном Кавказе адвокат. В 1918-1919 годах занимал посты министра внутренних дел, премьер-министра и президента Северо-Кавказской Республики (Республики Союза Горцев Кавказа) – государственного образования, декларировавшего свою независимость 11 мая 1918 года и просуществовавшего в том или ином виде до окончательного установления советской власти в регионе. После падения данной республики эмигрировал в Турцию, где занимался публицистической деятельностью под фамилией Косок.

² Нефисет (Люся) – дочь балкарского князя Хаджимирзы Мисакова. Подробнее о ней автор рассказывает в кавказской части своих воспоминаний.

³ Капалычарши – знаменитый «Крытый рынок» («Большой базар») в старой части Стамбула.

⁴ В оригинале: Туѓан.

встрече Алихан вновь и вновь расспрашивал меня о произошедшем на нашей родине, в Осетии, после его отъезда, о своем отце, жене и детях. Я же, чтобы не огорчать его, как мог, отвечал на эти вопросы, стараясь припомнить малейшие детали событий той давней поры. Как и упомянутый мной выше Асланбек Шанаев, Алихан Туганов был выпускником российского военного училища и преподавал в Турции русский язык в военной академии.

За два дня до моего отъезда из Стамбула Алихан передал нам через вахтера дома, в котором он проживал, что он плохо себя чувствует и хотел бы, чтобы кто-нибудь сопровождал его в больницу для медицинского осмотра. Энвер и Зехра в то утро должны были идти на работу, и поэтому в больницу с Алиханом пошел я. Едва мы переступили ее порог, как все работники, от санитарок до врачей, стали подбегать к Алихану и почтительно здороваться с ним за руку со словами:

– Добро пожаловать, Али-бей! Чем вам помочь?

Было очевидно, что своим благородством и утонченными манерами он завоевал всеобщий симпатии и покорило все сердца. Его немедленно провели во врачебный кабинет, и после проведенного с участием трех специалистов обследования сказали:

– Оснований для серьезного беспокойства нет. Надо лишь продолжать принимать выписанные лекарства.

Мы вернулись домой, и я еще раз попрощался с Алиханом. Он изо всех сил прижался ко мне. Словно понимая, что нам больше не суждено увидеться, мы оба не смогли сдержать слез. Спустя три месяца его не стало.

Через несколько дней я вернулся в Эрзурум. Отдохнув один день с дороги, я направился с данной мне в Анкаре Туганом Тугановым визиткой в региональное управление Государственной зернозакупочной компании. Помня слова Тугана о ждущей меня хорошей работе, я надеялся получить по меньшей мере место в весовой или на складе. Войдя в кабинет директора, я поздоровался и протянул ему карточку. Он прочитал ее и, глядя на меня с нескрываемым раздражением, отрезал:

– Послушай-ка, друг! Нет у нас никакой работы! Где я ее тебе возьму?

Я спокойно ответил:

– Уважаемый, почему вы кричите? Если у вас нет работы, так и скажите. Я не собираюсь требовать ее у вас силой. Скажите мне об этом, и я повернусь и уйду.

Осознав допущенную бестактность, директор смутился и продолжил более мягким тоном:

– Ей-богу, брат мой, нет мест. Они поступают с нами бессовестно. Когда я их прошу выделить нам место сторожа или уборщика, они отвечают, что у них нет средств и штатов. А потом, как вот сейчас, присылают записки с требованием дать работу тому или этому.

Как мне и велел Туган, я телеграфировал ему о возникшей загвоздке. Через три или четыре дня он прислал ответ: «Мой друг Азиз звонил вашему директору. Сходи еще раз. Работу дадут».

Я так и сделал. Директор, увидев меня перед собой, покачал головой и укоризненно посмотрел на меня, словно желая сказать: «Снова ты?!»

Я вежливо начал:

– Господин директор, насколько я знаю, вы говорили по телефону с заведующим кадрами в Анкаре...

– Говорил, говорил! – перебил он меня и, вздев руки кверху, продолжил: – Но откуда я вам возьму работу, если ее нет? Коль скоро вы так близки с Азиз-беем, попросите его сделать следующее. Пусть он переведет одного нашего мастера-столяра на его родину, в Афьон¹. Несколько лет назад он там повздорил со своим директором, и его, можно сказать, сослали к нам. Если сможете сделать это доброе дело, я приму вас на его место.

Я написал письмо Тугану. В пришедшем от него ответе говорилось, что афьонский региональный директор пока отказывается менять свое решение о наказании провинившегося сотрудника, так как это может подорвать авторитет руководства ком-

¹ Афьон (Афьон-Карахисар) – город и одноименная провинция на западе Турции.

пани. Я написал еще одно письмо, но ответа не последовало. Позднее я узнал, что именно в это время Туган перенес инфаркт и находился в больнице. Я же на тот момент распрощался с надеждой устроиться в это учреждение.

Мой брат Алихан продолжал работать на военном заводе, а жена Фатима шила на заказ. По сравнению с их заработком моя пенсия была очень скромной. Благодаря им нам удавалось хоть как-то сводить концы с концами.

Наступила осень. В те времена в домах не было ванных комнат, и люди вынуждены были ходить в общественные бани. Как-то на выходных мы с братом пошли в знаменитый в Эрзуруме хамам¹ Кыркчешме². Следом за нами в парильный зал вошли еще два человека и стали мыться у расположенного напротив резервуара. В какой-то момент один из них вышел в предбанник и вскоре вернулся, держа в руке стаканчик чая. Проходя мимо меня, он, смеясь, сказал:

- Странные у вас обычаи! Прямо-таки всучили мне этот чай.
- Бывает, – ответил я. – Здесь в банях могут не только пить чай, но и обедать.
- Удивительно! А вы, похоже, тоже не из Эрзурума.
- Я родом с Кавказа, но уже давно живу здесь и могу считаться эрзурумцем.

Между нами завязался диалог. Мой собеседник поинтересовался, кто я по профессии и где работаю, и я рассказал ему о своем положении. Он спросил:

- А что вы скажете, если я предложу вам работу по вашей специальности, правда, поначалу не очень хорошо оплачиваемую, но зато и не слишком утомительную?
- Если речь идет о постоянной работе, я согласен, – ответил я.

– Я являюсь начальником мастерских на Мясорыбном комбинате. Для начала я приму вас в качестве временного сотрудника. Ваша зарплата будет составлять всего три с половиной лиры в день, но при первой же возможности мы переведем вас

¹ Хамам – турецкая баня.

² В переводе с турецкого – «сорок источников».

в постоянный штат и повысим жалование. Вы будете не столько трудиться сами, сколько руководить другими рабочими.

– Давайте я поработаю у вас несколько дней. Если понравится, останусь. А нет, так уволюсь, – предложил я.

– Что ж, будь по-вашему. Жду вас в понедельник в восемь часов. Спросите старшего мастера Бекира, и вас проведут ко мне.

Утром в понедельник я пришел к Бекир-бею. Предложив мне чай, он заодно познакомил меня с ситуацией на предприятии:

– Поскольку комбинат находится в стадии становления, у нас имеется лишь временная столярная мастерская, в которой работают трое рабочих. В случае необходимости мы обращаемся с поручениями к ним. Отныне я буду иметь дело непосредственно с вами, а вы будете давать задания вашим подчиненным и контролировать их работу.

Дав мне в качестве провожатого какого-то подсобного рабочего, он отправил меня в мастерскую. Мы спустились в напминавшее убежище подвальное помещение. Не успел я как следует в нем оглядеться, как те, кто там находились, бросились ко мне с удивленными и радостными возгласами:

– Смотрите! Это же наш мастер Полад!

Все трое – Хасан, Ахмед и Неджаи – работали со мной раньше на военном заводе. Затем они уволились оттуда и перебрались сюда. Увидев меня теперь, они сперва решили, что я заглянул на комбинат по делу и, узнав, что они здесь работают, просто захотел проведать их. Когда же я объявил, что буду работать вместе с ними, они сначала в это не поверили, а потом сказали:

– Мастер Полад! Ты ни до чего не дотрагивайся! Только показывай нам, что и как делать. С тобой мы справимся с любой работой.

После этих слов мне не было необходимости сообщать им, что я и официально являюсь их шефом. Мы приступили к работе.

Так прошла та зима. Вскоре Бекир-бей повысил мое дневное жалование с трех с половиной до четырех лир. Заместителем начальника отдела кадров на комбинате работал мой давний знакомый Али по прозвищу «Русский». Его отец во время Пер-

вой мировой войны попал в плен к русским, а перед тем, как вернуться на родину, успел жениться на одной донской казачке. При встрече с матерью Али я не упускал возможности поговорить с ней по-русски, а он ввиду этого называл меня «дайы»¹. Встретив меня на комбинате, Али проявил по отношению ко мне искреннее уважение и заботу и познакомил со своим начальником и другими представителями руководства. Моя низкая зарплата вызывала всеобщее удивление. Бекир-бей, начальник отдела кадров и Али делали все от них зависевшее, чтобы увеличить ее, но не могли изыскать штатных единиц. Мой вопрос был доведен и до генерального директора предприятия. Меня регулярно включали в списки подлежащих повышению в должности, но все, чего им удалось добиться в результате этих усилий, это еще раз немного повысить мое жалование – на этот раз до пяти лир в день. Хотя моя работа и не была тяжелой, но комбинат был расположен за городом, а службы доставки рабочих автобусами тогда не существовало. Особенно трудно было добираться на работу в снежные и дождливые дни. А через какое-то время Бекир-бей, начальника отдела кадров и генерального директора перевели в другие места, и, таким образом, я вообще лишился своих покровителей. На третий год моей работы на комбинате моя зарплата поднялась лишь до семи с половиной лир. Всякий раз, идя на комбинат, я проходил мимо здания Государственной зернозакупочной компании, находившейся всего в пяти минутах ходьбы от моего дома, и в душе слал проклятия на голову ее директора, не принявшего меня на работу.

Однажды февральским вечером 1957 года моя жена Фатима предложила:

– Давай сходим в гости к Кая-бею. Он уже столько раз со всей семьей приходил к нам, а мы еще ни разу у них не были. Так они, чего доброго, обидятся и тоже перестанут навещать нас.

Кая Кушхан² был осетином по происхождению. В тот период он работал старшим агроинженером в эрзурумском управ-

¹ *Дайы* – по-турецки «дядя со стороны матери».

² Фамилию Кушхан в Турции носят представители двух осетинских родов – Кусовых и Пуховых.

лении Государственной зернозакупочной компании. При этом его жена Нериман-ханым была дочерью моего старого друга дагестанца Джемаль-бея (Гювенера), того самого, с которым я повстречался в Сарыкамыше, когда впервые ехал из села в Эрзурум, о чем я уже рассказывал в начале этих воспоминаний.

Мы пошли. Хозяева встретили нас радушно. Обычно с Кая-беем мы беседовали о Кавказе и о наших традициях и обычаях, но больше всего он любил слушать мои воспоминания. На этот раз мы тоже поговорили на эти темы, а потом Кая в связи с чем-то задал мне вопрос о моей работе. Отвечая ему, я не удержался и высказал то, что давно наболело у меня на душе:

– К сожалению, ваш директор в свое время не взял меня на работу, а то бы я сейчас не трудился за зарплату подсобного рабочего у черта на куличках.

– А когда вы к нам обращались? – удивился Кая.

– Три года назад, – ответил я и рассказал ему о том, как пытался получить у них место.

– Бесстыдник! – воскликнул Кая. – Своим людям он всегда находил места. Жаль, что в то время я не знал об этом вашем желании. Правда, тогда я работал всего лишь экспертом, да и отношения у меня с директором не самые близкие. Так что вряд ли я смог бы вам чем-нибудь помочь.

На этом разговор о работе закончился, и мы перешли к обсуждению других вопросов.

Прошло примерно двадцать дней. Однажды, когда я вернулся домой с работы, Фатима сказала мне:

– Сегодня к нам заглянул Кая-бей, хотел тебя видеть. Он просил, чтобы завтра ты сходил к нему в офис и написал заявление о приеме на работу.

Заинтригованный этой новостью, на следующее утро я отправился к Кая. Угощая меня чаем, он радостно сообщил:

– Поздравляю вас! У нас сменился директор. Уволился и тот столляр из Афыона, и теперь мы можем взять на его место нового человека.

В этот момент в кабинет вошел какой-то господин. Встав, Кая сказал мне:

– Это наш новый директор Рахми-бей.

Я тоже встал, и мы с директором пожали друг другу руки, после чего Кая представил ему меня:

– А это мастер Полад-бей, которого мы собираемся взять на освободившееся место.

После этого Кая занялся своим делом, а Рахми-бей, сев в кресло напротив меня, обратился ко мне:

– Уважаемый мастер! Мы вам пока назначим дневное жалование в десять лир, но со временем повысим его.

Я, разумеется, попытался объяснить, что эта сумма для меня недостаточна, но директор лишь повторил, что в данный момент у них нет возможности ее увеличить. По правде говоря, в душе я был готов работать здесь и за меньшее вознаграждение, чем на комбинате. Ведь зернозакупочная компания находилась рядом с моим домом и условия труда в ней были значительно лучше. Поэтому я не стал больше спорить и ответил:

– Я согласен. Но очень надеюсь на скорое повышение моего жалования.

– Вот и хорошо, – сказал Рахми-бей.

Вызвав секретаря, он дал ему указание немедленно оформить меня на работу, а мне велел завтра же к ней приступить.

Мне оставалось лишь отправиться на Мясорыбный комбинат и написать заявление об увольнении. Тамашнее руководство, немало огорченное этой новостью, попыталось удержать меня, обещая увеличение жалования чуть ли не в течение ближайшей недели. Но мое доверие к ним было давно подорвано, и я настоял на своем. Забрав в отделе кадров положительную характеристику на себя, я обошел своих товарищей и тепло попрощался с ними.

Со следующего утра я стал сотрудником эрзурумского регионального управления Государственной зернозакупочной компании. Мне вручили ключи от столярной мастерской и передали под мою ответственность все находившиеся в ней станки и инструменты. Это было чистое, светлое и хорошо отапливаемое зимой помещение, которое даже невозможно было сравнить с моим полуподвальным и холодным прежним рабочим местом.

Начальник строительного отдела раз в несколько дней в письменном виде присылал мне список моих поручений, которые я выполнял неизменно в срок и качественно. Время от времени меня направляли в командировки в соседние провинции для проведения столярных работ на расположенных там наших объектах. По возвращении я всякий раз привозил с собой заключения, содержавшие самые лестные оценки моего труда и поведения. Кая-бей и Рахми-бей были довольны мной и не раз выражали мне свою благодарность. Я со своей стороны тоже был вполне доволен своей работой. Через несколько месяцев Рахми-бей, как и обещал, повысил мое дневное жалование до тринадцати с половиной лир, а по прошествии трех лет со дня моего приема на это предприятие сделал еще одну значительную прибавку к моей зарплате. Все это доставляло мне радость и гордость, и я трудился с еще большим удовольствием.

В 1970 году правительство издало закон, запрещавший лицам, достигшим шестидесяти пяти лет, работать в государственных учреждениях. Поневоле я был вынужден уволиться, хотя здоровье мое было в полном порядке. Теперь я стал вести спокойную жизнь пенсионера, проводя время в чтении газет и имевшихся у нас книг по истории Кавказа на русском языке¹. Кроме того, в подвале нашего дома я соорудил небольшую столярную мастерскую, где иногда развлекался изготовлением разного рода мелких поделок. Пять раз в день я посещал мечеть для совершения намаза, порой с целью физической тренировки доходя до самых отдаленных мечетей города. Заодно иногда я заглядывал к своим старым товарищам по работе.

Как я уже писал, к дому у меня была пристроена небольшая лавка, рядом с которой имелось еще немного свободного места. Там я построил вторую лавку, а затем соединил обе, в

¹ По информации Айтека Кубата, большую библиотеку книг на русском и других языках в доме его отца оставил бывший юридический советник Северо-Кавказской Республики Алихан Кантемиров (Кантемир) перед своим вынужденным отъездом из Турции в Европу в начале 1930-х годов (подробнее об Алихане Кантемирове говорится в кавказской части настоящих воспоминаний).

результате чего получилось довольно просторное помещение. Проживавший поблизости бакалейщик Джавид уговорил меня через наших общих знакомых и соседей сдать магазин ему в аренду. Я сначала запросил двадцать пять тысяч лир в год, но после длительного торга мы сошлись на восемнадцати тысячах. За оформление договора нотариус потребовал с нас четыреста двадцать лир, что было тогда довольно значительной суммой. Чтобы избавиться от необходимости ее уплаты, Джавид и его брат предложили ограничиться простой распиской между нами. Я пожалел их и согласился. Со второго года аренды, однако, это стало для меня большой головной болью. В стране началась безудержная инфляция, а наша арендная плата как была на первоначальном уровне, так на нем и осталась, причем арендатор и ее не всегда платил в срок. Мы обратились в суд с иском об освобождения помещения, но после нескольких лет волокиты нам отказали, разрешив лишь поднять плату до тридцати пяти тысяч годовых. Однако очередной виток инфляции вскоре превратил в бумажки и эти деньги. Как вы имели возможность прочесть в этих воспоминаниях, я в своей жизни пережил множество полных страданий и опасностей дней. Но, думаю, ничему я так не огорчился, как этой истории с лавкой, потому что здесь я был форменным образом одурачен – арендатор откровенно и нагло присвоил наше добро. Дело и сегодня находится в суде, но, признаться, у меня не осталось веры в турецкое правосудие.

Вернусь, впрочем, к моему рассказу. В последние дни 1973 года мой младший сын Айтек приехал к нам из Анкары, чтобы провести вместе с нами новогодние выходные. К тому времени все наши дети уже давно разъехались, и потому его приезд стал для нас настоящим праздником. Эти дни, однако, пролетели быстро, и вскоре Айтек собрался в обратную дорогу. Перед его отъездом я с грустью сказал:

– Вот ты уезжаешь, и я не знаю, с кем мне теперь говорить и чем заполнять свои дни.

Тогда Айтек предложил мне начать писать мемуары. Я подумал, что мог бы попробовать сделать это, и через несколько

дней приступил к написанию воспоминаний, которые вы сейчас читаете.

10 октября 1975 года Айтек забрал нас всех, включая моего брата Алихана, к себе в Анкару, где он снимал благоустроенную трехкомнатную квартиру в очень зеленом районе. Наш старший сын Айдемир с семьей тоже снимал дом совсем недалеко от нас. Через два года хозяин квартиры, где мы проживали, выставил ее на продажу. В дополнение к имевшимся у Айтека накоплениям он взял кредиты, мы также добавили свои сбережения и в результате выкупили за двести восемьдесят тысяч лир эту квартиру. Кроме того, Тунджай Кубат, внук моего двоюродного брата Узун-Бекира, о котором я говорил в начале моих турецких воспоминаний, занимался в Анкаре ювелирным делом; он тоже дал нам взаймы часть требовавшейся суммы и оказал большую помощь в процессе переговоров с хозяином и оформления квартиры на меня.

15 января 1980 года мне исполнилось восемьдесят четыре года и пошел восемьдесят пятый. Мне грех жаловаться на жизнь. Слава Богу, мое здоровье по-прежнему в порядке, и я не страдаю ни забывчивостью, ни слабостью ума, ни чем-либо подобным. Мы живем в нашем собственном доме. Пенсий, которые получаем я и мой брат, достаточно для того, чтобы ни от кого не зависеть ни материально, ни морально. Я вырастил троих детей. Мой старший сын Айдемир работает шефом анкарского офиса авиакомпании «Бурса Хава Йоллары». Как я сказал, он живет отдельно от нас. У него двое детей: дочь Нилюфер учится на втором курсе лицея, а сын Джанполад – во втором классе средней школы. Младший сын Айтек пока неженат и живет вместе с нами. Он архитектор по образованию и работает в строительном управлении Анкарского университета. Дочь Айгюн окончила профессиональный лицей и трудится начальником отдела кадров в эрзурумском региональном управлении Организации по развитию инфраструктуры в сельской местности. Ее муж – инженер-строитель в этом же учреждении. У них тоже двое детей: дочь Неслихан и сын Толгахан. Мы и наши дети не имеем друг к другу никаких претензий и обид. Жизнь продолжается.

На этом я пока заканчиваю мои воспоминания. Посмотрим, сколько лет жизни мне еще отведет Аллах и свидетелем чего сделает. Если в оставшийся мне срок произойдут достойные внимания события, я продолжу рассказ. Сейчас, когда я дописываю эти последние строки, календарь по странному совпадению показывает 14 марта 1980 года. Это означает, что сегодня шестидесятая годовщина описанного мной в моих кавказских воспоминаниях сражения при селе Клишбиево под Нальчиком, произошедшего 14 марта 1920 года. Эту дату я каждый год вспоминаю как «Мой День».

Демирполад Кубат

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдуллах Таги, иранец, шорник 64, 79, 80.
Абисалов Хайдар 141, 150.
Абисалов Бедри 22.
Али («Русский Али»), зам. начальника кадров на Мясорыбном комбинате 154, 155.
Ахмед-бей, см. Сунгуроглу Ахмед
- Баллаев Ахмед 9.
Батяев Акиф-эфенди 17.
Бекир-бей, начальник мастерских на Мясорыбном комбинате 154, 155.
Бзаров Исмаил 45, 47-49, 108-116, 118-120, 127-139.
Бзаров Оздемир 134.
Бита, осетинский переселенец в Селиме 45.
- Василий, см. Сары-Василь
Вейис-бей, см. Кочулу Вейис
Виктор, немец, работник сыродельного завода 38.
- Гериев Камболат 51.
- Дели Кямиль, начальник комиссии по поселению иммигрантов 68.
Дели Халид-паша, черкес, генерал 29, 50.
Джавид, бакалейщик в Эрзуруме 159.
Джевад-бей, черкес, советник на военном заводе 89, 92, 93.
Джемалеттин-бей, черкес, советник на военном заводе 89, 90, 92, 93.
Джемаль, дагестанец, житель Сарыкамьша 52, 156.
- Иван, эмигрант из России 83.
Иван, немец, работник сыродельного завода 38-44.
Ильяс, переселенец из Крыма 67.
Ихсан-бей, руководитель администрации на военном заводе 88-90, 92.
- Жабутский Сулейман, переселенец из Азербайджана 87, 88.
- Зохти-паша (Мехмед Зюхтю-бей), губернатор Эрзурумского вилайета 74, 75, 77, 80.
- Кантемиров Денгиз 21.
Кантемиров Энвер 149, 151.
Кантемирова Эсен 149.
Карабугаев Солтан 141.
Карабугаев Эрдем 141, 142.
Кемалеттин-бей, директор военного завода 94.
Керим-бей, директор военного завода 99.
Коготуков Пагуа 24.
Козырев Хаджимирза 33.
Костя, русский житель Сарыкамьша 50-52.
Коцев Пшимахо 150.
Кочулу Вейис 36-40, 43, 134.
Кубатиев Айдемир 129, 160.
Кубатиев Айтек 128, 159, 160.
Кубатиев Алихан 18, 19, 23, 24, 44, 59, 65, 66, 76, 78, 83, 85, 86, 90, 92, 93, 102, 108, 112, 126, 127, 153.
Кубатиев Аслан 49, 50, 54-59, 61-69, 71, 72, 74-79, 83, 85.
Кубатиев Бекир (Узун-Бекир) 9, 15, 25, 28-30, 32, 33, 49, 50, 71, 160.
Кубатиев Джанполад 160.
Кубатиев Тунджай 160.
Кубатиев Эмирхан 19, 25-28, 31, 32.
Кубатиева Айгюн 160.
Кубатиева Нилюфер 160.
Кубатиева Рахимат 14.
Кубатиева Эмине 28.
Кула-ханым, мать Октава Хаджимирзы 134.

Куртоглу Мюнир, директор военного завода 98.

Кушхан (Кусов, Пухов?) Кая 155-158.

Кылыч Али-бей, председатель суда независимости 82.

Лежинка, двоюродная сестра Кубатиева Бекира 28.

Ломан-бей, секретарь комиссии по поселению иммигрантов 68-70.

Мамсуров Темир-бей 20, 25.

Мамсуров Хаджимуса 20, 35.

Мануил, немец, работник сыродельного завода 38.

Махмуд-эфенди, карапапах, житель Селима 34-36, 38.

Мехмед-бей, чиновник вилайетской администрации 73.

Мехмед Зюхтю-бей, см. Зохти-паша

Мисакова Люся, см. Нефисет-ханым

Михаил, эмигрант из России 88.

Муглалы Мустафа, генерал 95.

Муртаза-эфенди, начальника цеха на военном заводе 96-100.

Мустафа-эфенди, мельник 115, 118.

Накусов Хамид 51.

Налбандоглу Ибрахим 101.

Налбандоглу Сулейман 101, 102.

Налджан, жена Туганова Алихана 150.

Нериман-ханым, дочь дагестанца Джемаль-бея, жена Кушхана Кая 156.

Неслихан, дочь Кубатиевой Айгюн 160.

Нефисет-ханым, жена Коцева Пшимахо 150.

Николай, эмигрант из России 83, 84.

Николай II 30.

Нури-паша, командующий османским экспедиционным корпусом 69.

Октар Хаджимирза 134.

Рахиме, чеченка в Эрзуруме 58.

Рахми-бей, директор зернозакупочной компании 157, 158.

Резан-ханым, жена Шагмыта Октяя 145.

Садуллах-бей, дагестанец, ювелир 58, 85-87.

Салим, мастер на военном заводе 91, 92.

Салим-бей, штабс-майор 102-106, 112, 127.

Сары-Василь, молоканин, мастер по мельницам 132, 134-140.

Севим, племянница Кубатиевых, жена Хосонова Иззета 141, 142.

Сунгуроглу Ахмед 124-126.

Сырры, ученик мастера на военном заводе 91.

Таухан, жена Хосонова Юнус-бея 141, 142.

Толгахан, сын Кубатиевой Айгюн 160.

Туганов Алихан 150, 151.

Туганов Туган 142, 151-153.

Тугрул Фуад, см. Фуад-бей

Фетхи-бей, жандармский старшина в Сарыкамыше 15.

Фуад-бей, черкес, адвокат 143-146, 148.

Хабиль-бей, заведующий кадрами на военном заводе 100.

Хаджи Галиб-эфенди, лавочник 78, 79, 81, 82.

Хаджи Деде, бакалейщик в Селиме 35.

Хаккы-бей, отставной судья в Сарыкамыше 132.

Хамди-бей, аптекарь 72-74.

Хамди-бей, химик на военном заводе 94.

Хасан-паша, начальник эрзурумского гарнизона 80, 82.

Хатидже-ханым, жена Мамсурова Темир-бея 20.

- Хаты Ахмед 146,
Хосонов Гази-бей 14, 22, 23, 31, 33.
Хосонов Идрис 51.
Хосонов Иззет 141.
Хосонов Ислам-бей 14, 22.
Хосонов Керим 109, 114, 117.
Хосонов Керим-бей 11-16, 18, 20, 22.
Хосонов Муса 141.
Хосонов Мустафа-бей 22, 58.
Хосонов Решад 132, 134.
Хосонов Сулейман Фаик 74, 88-90,
140-142, 149.
Хосонов Сурури 141.
Хосонов Хаджимуса 9, 11, 12, 14, 15,
40.
Хосонов Шамиль 74-78.
Хосонов Юнус-бей 141.
Хосонова Айсель 141.
Хосонова Зехра 149, 151.
Хосонова Мюнире 58.
Хосонова Наиме 141.
Хосонова Фатима 87, 108, 109, 127,
128, 140, 153, 155, 156.
Хулюси-бей, инспектор железных до-
рог 66, 69-71.
- Цахилов Мевлуд 51.
Циппу, осетинский переселенец в Се-
лиме 18, 19.
- Чехрели Мурад 103, 104, 106.
- Шагмыт Октай 143, 145.
Шанаев Асланбек 149-151.
Шевкет-бей, инженер 83, 84.
Шевкет-бей, заместитель директора
педучилища 87.
Шейх Саид, лидер восстания курдов
66, 72.
- Энвер-паша, османский военный ми-
нистр 69.
- Юсуф Иззет, дагестанец, железнодо-
рожный служащий 52, 53.
- Якуб, переселенец из Крыма 67-69.
Ясин-ага, землевладелец 109, 110,
112-117, 119, 122, 124, 126-133, 135-
140.
Яшар-ханым, жена Хосонова Мусы
141.

УКАЗАТЕЛЬ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

- Агры, см. Каракёсе
Анкара 79, 93, 100, 107, 111, 140, 142, 143, 147, 149-152, 159, 160.
Ардахан 36, 37, 40.
Афьон (Афьон-Карахисар) 152, 156.
Баку 11.
Бозат 11, 14, 15, 20, 22, 23, 25, 31, 33, 38-40, 50, 74, 140.
Ван 91.
Владикавказ 15, 24, 36.
Диярбакыр 117.
Дюздже 143, 144, 147.
Измир 17.
Каракёсе (Агры) 72, 107.
Каракурт 49.
Караурган 53.
Карс 9, 10, 15, 18, 19, 23, 28, 29, 32, 43, 48, 71, 107, 122, 130.
Клишбиево 161.
Кызылчакчак 9.
Малатья 115.
Муш 107.
Нальчик 161.
Пасинлер 53.
Сарыкамыш 15, 16, 23, 32, 33, 48-51, 53, 66, 107, 109-111, 120, 128, 129, 132, 133, 135, 138, 140, 156.
Селим 10, 11, 14, 15, 22-25, 31-33, 40, 49, 50, 52, 53, 58, 59, 65, 66, 71, 132, 134.
Сивас 115.
Синоп 82.
Стамбул 39, 85, 89, 105-107, 117, 126, 129, 140, 143, 144, 147-151.
Тифлис 10, 36, 37.
Тортум 62.
Трабзон 83, 84.
Хамамлы 19-21, 23-25, 28, 31-33, 38, 49, 66.
Хандере 53.
Хорасан 53.
Хыныс 55, 107.
Хырхырик 110.
Чамкёй 143, 144.
Элязыг 109, 111, 112, 115, 126, 127, 132, 133, 135.
Эрзурум 31, 50, 53, 63, 66, 71, 74, 79, 82, 83, 85, 86, 89, 102, 107, 112, 116, 122, 125, 126, 127, 129, 131, 133, 135, 137, 138, 140, 142-144, 146, 151, 153, 156.

Научное издание

КУБАТИЕВ ТЕМИРБОЛАТ

ВОСПОМИНАНИЯ ОСЕТИНСКОГО ЭМИГРАНТА

ЧАСТЬ II
МОЯ ЖИЗНЬ В ТУРЦИИ

Перевод с турецкого языка,
предисловие и примечания Г.В. Чочиева

Технический редактор — *Е.Н. Маслов*
Компьютерная верстка — *А.В. Черная*
Дизайн обложки — *Е.Н. Макарова*

Подписано в печать 08.10.2015.
Формат бумаги 60×84 ¹/₁₆. Печать цифровая.
Гарнитура шрифта «Myriad».
Усл.п.л. 9,7. Тираж 100 экз. Заказ №90.

Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНЦ РАН и РСО-А
362040, РСО-Алания, г. Владикавказ, пр. Мира, 10
e-mail: rio-soigsi@mail.ru

Отпечатано ИП Цопановой А.Ю.
362002, РСО-Алания, г. Владикавказ, пер. Павловский, 3